

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО СПОРТА

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

ВЕТРЫ ОЛИМПИЙСКИХ ОЗЁР

МОСКВА
1972

7А5.3
И 20

Иванов Вячеслав Николаевич

И 20 Ветры олимпийских озер. М., «Физкультура и спорт», 1972.
152 с. с ил.

«Ни одному гребцу-академисту на одиночке не удавалось прежде и вряд ли удастся в будущем совершить то, что совершил русский спортсмен Вячеслав Иванов», — писала французская газета «Экип» после Олимпийских игр в Токио.

Мельбурн. Рим. Токио. Три величайших соревнования. Три золотые медали. Первый в истории гребного спорта чемпион мира... Да разве перечислишь все заслуги, все победы и награды этого выдающегося атлета, подлинного «хозяина олимпийских озер».

Книга воспоминаний заслуженного мастера спорта Вячеслава Иванова «Ветры олимпийских озер», несомненно, привлечет внимание самого широкого круга читателей и своим лирическим настроением, и многообразием интересного фактического материала, и ценными советами ветерана.

6-9-1
5-72

7А5.3

Вячеслав Николаевич Иванов

ВЕТРЫ ОЛИМПИЙСКИХ ОЗЕР

Редактор Е. Крылов

Художник О. Кознов

Художественный редактор А. Литвиненко

Технический редактор Е. Триденская

Корректор Г. Соколова

А07631. Сдано в производство 9/VIII 1971 г. Подписано к печати 14/II — 1972 г.
Бумага 84×108¹/₃₂. типограф. № 2. Печ. л. 4,75, Усл. п. л. 7,98. Уч.-изд. л. 7,82. Бум. л.
2,375. Тираж 50 000 экз. Изд. № 4140. Цена 28 коп. Зак. 2262

Издательство «Физкультура и спорт» Комитета по печати при Совете Министров
СССР Москва, К-7, Каляевская ул., 27

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А.
Жданова Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, М-54, Валовая, 28

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЩАЙТЕ, ВЕСЛА!	5
ИЩИ СВОЮ ДОРОГУ	9
ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ	15
ПЕРВЫЕ РАДОСТИ	25
ТО НЕЗАБЫВАЕМОЕ ЛЕТО	37
ДВА НЕОБЫКНОВЕННЫХ ОЗЕРА	42
«БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ»	55
«6.58,8!»	60
ГОД ТРУДНЫЙ — ГОД РАДОСТНЫЙ	69
ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ	90

ПРОЩАЙТЕ, ВЕСЛА!

В то утро я проснулся необыкновенно рано и, вопреки установившейся привычке, долго лежал в постели. Вставать не хотелось, хотя дел было так много, что я не знал, успею ли их все завершить к намеченному сроку.

Намеченный срок! Восемнадцать ноль-ноль. В этот час в Центральном водно-спортивном клубе Военно-Морского Флота состоятся торжественные проводы. Провожают меня. Куда? Зачем? Официально это звучит так: «По поводу ухода из большого спорта». С виду все будет выглядеть очень трогательно и весьма торжественно (я ведь уже и сам не раз провожал других), а на деле получается, что это день отлучения. Мне как бы говорят: «Все, старина, твоя пора прошла. Суши весла и уступай дорогу другим. Вот упадет еще один листок календаря, и ты уж, пожалуйста, помни: гоняться тебе отныне нельзя. Неудобно».

Я лежу и думаю: а справедливо ли это? Психологическая формула «не можешь быть больше первым — уходи» лишает, по-моему, наш спорт столь необходимой ему связи между поколениями. Если бы мы могли пересмотреть свой взгляд на вещи и не считать зазорным для бывшего олимпийского чемпиона или чемпиона мира, пусть с годами чуть снизившего свои результаты, продолжать участвовать в состязаниях, скольких бы молодых, талантливых атлетов удалось скорее и прочнее «обкатать», научить всем таинствам своего дела, приучить смотреть на именитых, как на равных себе...

Как-то совсем недавно я побывал в столице Советской Карелии Петрозаводске. В день моего приезда на центральном городском стадионе проходил матч между местной командой, выступающей в первенстве СССР, и приглашенными сюда на товарищескую встречу московскими мастерами. Среди ветеранов были люди солидные, уже давно официально «списанные в тираж» — Всеволод Бобров, Василий Трофимов, Алексей Хомич, Борис Кузнецов... Многие из них уже отметили даже свое пятидесятилетие, но молодежь уступила им в единоборстве, проиграла — 1:3. А сколько зрителей собрала эта встреча, сколько искренних восторгов вызвало на трибунах нестерпимое искусство «звезд»! И когда на следующий день молодежная газета, рецензируя поединок, писала, что «он явился своеобразным университетом для наших ребят», я был полностью солидарен с нею. И я опять подумал, что не худо бы нам создать одну-две показательные команды из ушедших гроссмейстеров — таких, как Валентин Иванов, Игорь Нетто, Михаил Месхи, Виктор Понедельник. Они бы, право, послужили прекрасными спарринг-партнерами не только для команд второго и первого эшелона, но и для сборной Советского Союза...

Я думал обо всем этом, когда настойчиво громко ввинтился в тишину телефонный звонок.

— Славка, читал? — кричит кто-то, не поздоровавшись, там, на другом конце провода.

— Нет, сегодня еще ничего не читал...

— Возьми «Советский спорт». Там есть кое-что для тебя...

Я нашел сразу. Очерк был напечатан на последней странице и назывался так, будто заглавие придумал я сам — «Прощайте, весла!»

— Прощайте, весла!

Сколько раз в последнее время произносил я эти слова, оставаясь наедине с самим собой, когда смотрел на широкий разлив Москвы-реки, на скользящие по водной глади лодки! И вот они кричат с газетного листа, выбиты жирными буквами рядом с моей фотографией и разойдутся по стране в нескольких миллионах экземпляров. Очерк написан

очень тепло, так что за душу трогает (автор его — «наш парень», гребец, мастер спорта Игорь Масленников, сменивший весло на перо журналиста), но в ту минуту во мне было лишь чувство горечи. И я подумал: «Вот и дождался ты, Славка...»

Нет, не верьте тому, кто описывает уход с арены в бравурных тонах. Всякое расставание тяжело, расставание со спортом — особенно. Ты еще молод, полон сил и энергии, ты еще, кажется, можешь своротить горы. Запах воды, всплеск весел, гул трибун, разноцветие флажтоков, хмель побед! И вдруг — все это, как палуба падающего с крутой волны корабля, уходит из-под твоих ног...

Итак, 20 ноября 1969 года. С момента моего дебюта на первенстве Москвы среди взрослых прошло пятнадцать лет и три месяца. Много это или мало? Еще недавно пройденный путь казался мне каким-то бесконечным, а сегодня я сравниваю его со вспышкой молнии — сверкнула и... погасла.

Ослепительно светит солнце, легкий морозец за ночь высушил улицы, и они разбегаются во все стороны от моего дома широкими, чистыми полосами. С деревьев падают запоздалые листья. В московских парках и на бульварах дымят костры. Они издают сладковато-приторный запах и навевают думы о скорой зиме.

Сегодня я не могу настроиться на деловой лад и иду по Москве пешком. Иду по размаху Садового кольца, мимо площади Маяковского к суете и многоцветью Белорусского вокзала. Я иду по городу, 4 котором родился и вырос.

Вот и наш клуб. Центральный водно-спортивный клуб Военно-Морского Флота Советского Союза. Пришел я сюда впервые после победы в Мельбурне. На маленьком клочке земли в южной части Химкинской бухты стояли два неказистых, приземистых здания, несколько волейбольных площадок и теннисных кортов под открытым небом и навес, под которым хранили свое имущество каноисты и байдарочники. А теперь... Случись мне все эти годы не видеть больше этот уголок, я бы ни за что не узнал его. Новые первоклассные эллинги поднялись над землей. В них сверкают гляncем самые современные лодки и целая эскадра катеров — обычных и на подводных крыльях, а рядом здание с отличными залами и уютным конференц-залом на двести мест.

Меня проводят на сцену неведомыми коридорами, и я остаюсь здесь на какое-то время один, совсем один, отгороженный от зрительного зала тяжелым бархатом занавеса. Вдоль сцены большой, застланный кумачом стол и чуть поодаль трибуна, на которую через несколько минут будут один за другим подниматься ораторы. Здесь, в холодной тишине сцены, я вдруг неожиданно для себя обнаруживаю, что мне совершенно безразлично, кто придет сюда сейчас и что скажут эти люди.

Вспыхивает свет, появляется президиум. Сердце теплеет радостью, когда я вижу заполненный до отказа зал, и где-то там, в коридоре за входной дверью мелькают знакомые и незнакомые лица.

Начинаются речи, поток теплых, очень похожих друг на друга слов, смысл которых не дает уловить волнение. Я смотрю на выступающих и стараюсь по возможности вспомнить все, что связано с ними. Вот генерал из спортивного комитета Вооруженных Сил страны. Когда-то, кажется в начале пятидесят седьмого, он был еще подполковником и приезжал к нам на «Стрелку». Тогда мы и познакомились. И с тех пор этот офицер всегда смотрел на меня, как на приемного сына, всегда приветливо улыбался при встречах и добродушно спрашивал:

— Все в порядке, моряк?

И сейчас с трибуны он как раз и рассказывает историю нашего знакомства, которая, по существу, является историей моей службы на флоте, моего роста и возмужания.

Потом от Центрального Комитета Ленинского комсомола выступает заслуженный мастер спорта Александр Иваницкий. Сашу я знаю отлично: судьба много раз сводила нас в рейсовых самолетах, летящих во все концы света. А в Токио я видел решающую схватку

на ковре, которая принесла ему золотую медаль олимпийского чемпиона. Я хорошо помню, как он смущался, отвечая на поздравления, и как радостью светились его глаза, когда он читал приветственные телеграммы, пришедшие из далекой Москвы.

Один за другим сменяются ораторы. Приехали товарищи с Украины, из Прибалтийских и Закавказских республик, берут слово мой первый тренер и мой последний соперник. Я сижу, и постепенно чувство неловкости, сковавшее меня вначале, проходит. И я думаю о том, что хорошо, очень хорошо, что этот вечер вошел в мою жизнь. Он помогает увидеть — все, что сделано, было нужно людям, и они этого не забыли. Этот вечер нужен молодежи, которая должна заразиться подвигами ветеранов и той атмосферой любви и уважения, что создается вокруг них. Он нужен нам всем, чтобы осмыслить еще глубже, что же это такое большой спорт, что он дает человеку и что требует взамен.

Что движет нами, какая сила заставляет меня и мне подобных на время оставлять свой дом, свою работу, своих товарищей и ехать туда, где свершаются величайшие испытания и где, быть может, ожидает нас горечь поражения и невероятное, иссушающее душу разочарование?

Сейчас в этом зале среди этих добрых речей, цветов, дипломов и подарков, растроганный и растерянный, я задаю себе и этот вопрос. Я иду на трибуну, чтобы ответить на него себе и людям.

Спорт прекрасен! В пылу, в кипении спортивной схватки человек проверяет самого себя, свою волю, свою силу, взвешивает, чего он стоит по сравнению с другими. Поединок на дистанции гонок, на помосте, на поле стадиона, на беговой дорожке представляется мне зеркалом, в котором с поражающей ясностью видишь все хорошее, все нужное и полезное, что воспитал в себе, и вместе с тем обнаруживаешь каждую «мелочь», мешающую тебе стать хотя бы на миллиметр выше того уровня, на который сумел подняться сегодня. Сражаясь с более сильным и опытным соперником, ты вдруг с непостижимой отчетливостью ощущаешь желание стать таким же. Причем не просто мечтаешь, а убеждаешься в том, что можешь прийти когда-нибудь и к этим рубежам.

Каждое спортивное соревнование представляется мне великим и радостным праздником торжества человека над силами природы, песней без слез, волнующим драматическим поединком. Да, как музыка, как игра актера, как творение истинного художника, спорт обогащает людей, согревает их сердца, волнует кровь и тех, кто сражается, и тех, кто следит за сражением.

...Был торжественный вечер. Когда совсем стемнело, в зрительном зале раздвинули занавески на окнах и погасили свет. Там, за окнами, мы услышали выстрелы и увидели многоцветную россыпь ракет. Это комендант нашей базы с разрешения начальства производил салют в честь уходящего ветерана. Я смотрел, как огненные трассы впивались в темноту, и чувствовал, что нервная дрожь бьет меня, словно я сижу не за столом, а где-то далеко-далеко в своей лодке, перед самым главным, самым ответственным в жизни стартом.

Но потом, несколько часов спустя, когда все уже разошлось, я спустился к водохранилищу и с ужасающей отчетливостью понял, что больше стартов не будет. Никогда я не буду нести на руках свой скиф, затаив дыхание ждать команды судьи и нестись вперед по зеркальной глади, отдавая борьбе и победе всего себя без остатка.

Никогда!

Да, было трудно и горько — зачем скрывать?! Но сейчас с дистанции времени я на все смотрю по-другому. Что ж, все в нашей жизни кончается — ничего нет вечного. Дело не в том, что прошло. Дело в том, что было.

И вот я уже сижу в своей комнате, поднятой от земли на четырнадцать этажей, и вывожу первые строки задуманной книги. Книги о жизни. О спорте. Книги для молодежи о прошедшей молодости.

Начинается утро нового дня. Прямо передо мной там, внизу, такая знакомая и близкая Москва-река. Вон проплыл теплоход, оставив за собой пенистый след. Вон промчался катер. И вдруг из-за изгиба выныривает скиф. Какое-то мгновение он мчится на меня, и мне кажется, что я знаю парня, сидящего там, на «банке». Мне чудится это. Я весь напрягаюсь, подхожу к окну, но лодка вдруг разворачивается и начинает уходить. Все быстрее. Все стремительней. Мне хочется, чтобы она еще побыла со мной, но тот, в лодке, не слышит. Вот в последний раз, как крылья, сверкнули на солнце весла. И все. На миг опустела река. И хотя по-прежнему ярко светит солнце, мне снова становится грустно.

— Прощайте, весла!

ИЩИ СВОЮ ДОРОГУ

Сравнительно недавно, за год до Мексиканской олимпиады, меня пригласили выступить перед московскими пионерами, рассказать им о спорте, о товарищах, о себе.

Я принял это предложение с радостью. Не знаю, как ребятам, а мне было очень интересно. Интересно сидеть среди чудесной детворы, видеть, с каким вниманием слушают они каждое твое слово, а еще интересней — слушать их вопросы. Самые разные. Самые неожиданные.

До сих пор помню милого, вихрастого мальчугана. Он произнес, стараясь быть серьезным:

— Товарищ Иванов, а как вы определили, что должны стать именно гребцом? Когда вы поняли, что у вас именно к этому талант?

Вопрос этот волнует и очень многих взрослых. Он достаточно серьезен и сложен. Сейчас, в наши дни, когда дорога в спорт берет свое начало у школьного порога, этот вопрос вырастает в большую и первоочередную проблему.

Как определить, в каком виде нужно специализироваться ребенку? Да и нужна ли специализация? И как определить будущего чемпиона?

Конечно, над разрешением этих бесконечных «как» и «почему» в наши дни работает большая армия ученых, теоретиков и практиков физического воспитания. И все-таки мне Гоже хочется сказать свое слово.

Сейчас в стране создано большое количество детских спортивных школ, все они работают по единой программе и широко открывают двери нашей детворе.

В этом смысле моему поколению, мальчишкам и девчонкам, родившимся незадолго до начала Великой Отечественной войны, вроде бы сильно не повезло. Мы вырастали в трудное послевоенное время, чаще предоставленные самим себе. Спортивных школ и секций для ребят тогда еще было очень мало, мы сами выбирали себе игры и забавы.

Может быть, с чисто «классических» положений современной науки о физическом воспитании начало моего пути в большой спорт не представляет особого интереса. И все-таки я расскажу о своем детстве. Мне кажется, что оно благодаря счастливому стечению обстоятельств заложило хороший фундамент, на котором впоследствии выросли все мои успехи.

Никто не требовал от нас «очков», «побед», выполнения нормативов. Мы много играли, бегали, но каждое спортивное состязание было только радостью, только удовольствием, только увлечением — не больше. И это позволяло нам переносить огромные нагрузки.

Я не случайно завожу об этом разговор. Убежден: веселье, непосредственность, живой интерес, высокая эмоциональность должны присутствовать и сегодня там, где ребята «обучаются спорту». И дело тут отнюдь не только в одной «человечности». Вопрос гораздо сложнее.

«Осерьезнивание» спортивных тренировок в наших детских спортивных школах, может быть, и обеспечивает форсированную техническую и физическую подготовку учеников, но подчас совершенно лишает их столь свойственной в этом возрасте инициативы, мешает расцвету сугубо индивидуальных качеств и приводит к нивелировке характеров, а потом — к появлению «добротных середнячков», совершенно неспособных к большим и дерзким взлетам. В мальчишках и девчонках особенно важно поддерживать такое качество, как лихость, стремление к риску, здоровое озорство.

Я обожаю мальчишек, которых не страшат летние ливни, которые носятся по лужам, лазают через заборы, отчаянно спорят со сверстниками и во всем стремятся быть первыми. Надо выискивать таких и хвалить их за храбрость, за отчаянность, если хотите, за бесшабашность. В большом спорте, как и на войне, отличаются именно такие.

Если говорить с точки зрения «теории», я лично против ранней специализации. Главное в юном возрасте — дать организму разностороннюю общефизическую подготовку, которая потом, через годы, позволит юноше решать любые задачи, которые ставит перед ним большой спорт.

Дайте мальчишкам простор. Пусть они отчаянно сражаются в футбол, плавают наперегонки, бегают взапуски, гоняют на велосипеде, пропадают на катках и отчаянно несутся со снежных гор. Пусть! Не мешайте им в этом, а, наоборот, поощряйте каждое стремление к игре, к движению. Все это пригодится в жизни, все это окупится сторицей.

Никто не объяснял моим родителям и мне этих правил, но жизнь так сложилась, что именно по этим «рецептам» прошло мое теперь уже далекое детство.

Я родился 30 июля 1938 года в старом московском районе — Черкизове. Сейчас здесь стоят высотные здания, подведено метро, сверкают широтой окон магазины и рестораны... А тогда здесь пролежала глухая окраина города, стояли неказистые на вид, утопающие в зелени садов домики. В одном из них и жила наша семья: отец с матерью, брат с сестрой и я.

Отец Николай Иванович Иванов работал начальником цеха на одном из крупных заводов. Когда началась война, предприятие эвакуировали в Барнаул, и вместе с отцом мы все отправились в этот далекий, суровый город — столицу «загадочного» Алтая. Из этого периода мне запомнилось лишь одно: папа, взяв меня за руку, ведет за собой через проходную в заводскую столовую. Здесь, за длинными, начисто выструганными столами, едва дотягиваясь до миски, сидел я рядом с усталыми, угрюмыми людьми, жадно глотая все, что отрывал для меня из своей и без того скудной порции отец.

Помню и холодный, выжженный январь сорок третьего года, заснеженный перрон вокзала, толпу взволнованных людей, слезы на глазах у матери, отца в незнакомой мне одежде, необычайно веселого, с красивой, сверкающей красной звездочкой на шапке.

— Едешь значит, Николай? — спрашивает его кто-то из провожающих.

— Еду, Иван Васильевич, — радостно отвечает отец.

— Подвел ты нас, черт знает на кого бросил... Ну да ладно, шучу, конечно... Счастливого тебе. Возвращайся с победой.

Только потом, много лет спустя, узнал я истинный смысл этих слов. Отец был очень хорошим специалистом, нужным заводу позарез. Ему выдали бронь, но он твердил одно:

— Не могу отсиживаться в тылу, хочу на фронт, с оружием в руках защищать свою страну.

Его вызывали в райком, «прорабатывали» на завком, с ним по душам не раз говорил директор, объясняя, что фронт сейчас везде, но отец был непреклонен и в конце концов добился своего. Мы проводили его, а через несколько месяцев пришло сообщение, что гвардии капитан Николай Иванович Иванов под Ленинградом, у деревни Угны, погиб смертью храбрых, защищая честь и свободу нашей Родины.

Получив страшную весть, мы тут же собрались в Москву и вскоре снова были в родных местах. Только поселились теперь на Большой Калужской, в огромном каменном доме, выходящем окнами в Нескучный сад.

Хорошо помню, как в свои пять лет я при каждой тревоге (в бомбоубежище мы не уходили принципиально) лихо карабкался по пожарной лестнице вверх за своим старшим братом Михаилом. Он кричал на меня страшным голосом, но однажды обнял, по-отцовски погладил по голове и сказал:

— Молодец, храбрым растешь, чертяка. Выйдет из тебя, видно, толк.

Миша любил храбрых людей и сам был отчаянно храбрым. В марте сорок пятого, едва отпраздновав свое девятнадцатилетие, он ушел на фронт. Весной сорок пятого, когда до победы оставалось всего несколько шагов, он погиб в разведке, где-то на польской земле. Так тяжкое горе еще раз поселилось в нашем доме. Остались мы у мамы вдвоем с Тamarой, моей младшей, тогда еще совсем маленькой сестрой. И жила еще с нами папина мама Евдокия Ивановна. Недавно, 8 марта 1970 года, мы отпраздновали ее девяностолетие.

Вся забота о семье легла в ту пору на плечи моей мамы Варвары Митрофановны. Работала она ежедневно с утра до вечера (устроилась на две смены в пекарне) и, естественно, не могла уделять мне много внимания.

Верно говорят: нет худа без добра. Получив свободу, которой порою не имеют ребята и вдвое старше, я начал свое «физкультурное образование». Зимой прикреплял к валенкам оставшиеся от брата коньки, перемахивал через забор, отделявший Нескучный сад от Центрального парка культуры и отдыха имени Горького, и долгими часами скользил по зеркальным дорожкам.

Однажды — это было в какое-то солнечное мартовское воскресенье — на одной из аллей я встретил мальчишку лет десяти в ослепительно голубом костюме, в черных, обтянутых широкой белой тесьмой ботинках, под которыми поблескивали новенькие бегунки — предмет моей мечты. Не в силах скрыть своего удивления и очарования, я стоял перед незнакомцем, оторопело стянув почему-то с головы засаленную, непрестанно спадавшую мне на глаза ушанку — подарок соседки, служившей во время войны в войсках противовоздушной обороны Москвы.

Какое-то мгновение мы стояли друг против друга. Первым очнулся незнакомец. Он развернулся, легко заскользил и скрылся за поворотом. Я постоял оторопело, а потом, не знаю уж почему, решил во что бы то ни стало догнать беглеца. Сорвался с места, пригнулся, заработал руками и где-то там, в конце аллеи, снова увидел голубого счастливчика.

Мальчишка обернулся и... принял бой. С места взорвался и стал уходить, оставляя за собой тончайшие струйки снежной пыли. Я тоже «включил скорость».

Мы понеслись по парку, то вырываясь на пустые, безлюдные аллейки, где было столько простора и столько возможности проверить свою скорость, то попадая на людные дорожки, где гонка превращалась в своеобразный слалом, каждое мгновение приходилось тормозить, менять курс, снова набирать скорость... Наконец мы снова вырвались на просторную ледяную дорогу, идущую вдоль гранитного ограждения Москвы-реки. Мальчишка был впереди меня метров на двадцать, но я сразу догнал его. Какое-то время мы двигались рядом, чуть ли ни плечо к плечу, но потом мой соперник совершенно неожиданно выпрямился, поставил руки на бедра и тяжело выдохнул:

— Да ну тебя... Не хочу с тобой гоняться.

Сделав большой круг, я подъехал к мальчишке и увидел, что он все еще тяжело дышит, не может прийти в себя. Не без ехидства я спросил:

— Ну что, еще погоняемся?

Он ничего не ответил. Я торжествовал. Это было торжество маленького человека, одержавшего первую в своей жизни спортивную победу. Это была радость самопознания, счастье утверждения своего собственного «я». Потом еще много раз гонялся со своими сверстниками, спорил и проигрывал, спорил и побеждал, но тот импровизированный матч с мальчиком в голубом почему-то врезался в память на долгие годы, навсегда.

С коньками связаны и воспоминания об озорстве. Мальчишки нашего двора очень любили, прицепившись специальным крюком к какому-нибудь грузовику, нестись за ним. Не отставал от всех и я. Ох и удовольствие это было — мчаться с захватывающей дух скоростью по Большой Калужской! Останавливаются и смотрят на тебя прохожие, свистят

то и дело милиционеры, а ты несешься, опьяненный скоростью, весь собранный до предела, готовый среагировать на все: на внезапную остановку машины, на рывок выведенного из равновесия постового, на неровность в снежном насте... Вот где была первоклассная тренировка для выработки реакции. Конечно, теперь, с позиции своего нынешнего положения и возраста, я прекрасно понимаю, что был нарушителем порядка, непозволительно рисковал. Но... из песни, как говорится, слов не выбросишь.

В сорок пятом, едва мне исполнилось семь лет, пошел в школу. Шел без особого, надо сказать, восторга, но и без огорчения. Мечтал об уроках физкультуры, но от них меня сразу же освободили по решению школьного врача, признавшего у меня ревмокардит. И вот, когда все здоровые ребята отправлялись в зал и делали умеренную гимнастику, я отправлялся в Нескучный сад и часами, до «седьмого пота», играл в футбол, а зимой — в хоккей.

— Загонишь ты себя в гроб, — причитала по вечерам мама, развешивая мое белье на кухне.

По-видимому, то, что я делал, с точки зрения «чистой» медицины было невероятно грубым нарушением. Но я не останавливался, ибо чувствовал себя прекрасно. А когда через несколько лет, решив поступить в настоящую секцию, я пришел на осмотр в физкультурный диспансер, врачи констатировали:

— Абсолютно здоров!

Кто-нибудь, прочтя эти строки, быть может, скажет, что мой пример по крайней мере непедагогичен и может сослужить плохую службу ребятам. Нет, привожу я его не для того, чтобы поселить недоверие к медицине. Мальчишкам я настоятельно советую чаще обращаться к врачам за советами, согласовывать с ними свой путь в спорт. А вот врачам, право, стоит подумать над тем, чтобы не отлучать по всякому поводу школьников от физкультуры, а брать ее в верные союзники в борьбе с болезнями, в укреплении здоровья, бодрости и жизнерадостности нашей смены.

Футбол, хоккей, коньки, лыжи были первыми моими спутниками в жизни. Ранним летом 1950 года я познакомился с легкой атлетикой. Дело решил, как это часто бывает, случай: у нас во дворе жил отличный спортсмен, атлетически сложенный парень Виктор Володин. Он увлекался боксом, имел первый разряд и иногда рассказывал нам о своих сражениях на ринге. Попутно для развития резкости, координации, силы и каких-то еще качеств Виктор занялся метаниями. Тренировался часто у нас в Нескучном саду, а меня брал с собой подавать диск. Швырнет его метров на тридцать пять-сорок, а я в два-три приема возвращаю обратно.

— Молодец, — кричит Виктор, — делай вот так! — И показывает, как снаряд вложить в руку, как поворачиваться, наращивая скорость...

Посмотрел, послушал — понравилось.

— А мне нельзя по-настоящему заняться? — спросил я однажды у Виктора, когда роль подавал мне несколько надоела.

— Пойдем, — сказал вместо ответа он и привел меня в легкоатлетическую секцию «Крылья Советов». Занимались мы на стадионе Юных пионеров — гимнастика, бег, различные игры и специальные упражнения.

— А когда займемся метанием? — спросил я однажды у тренера.

— Для метаний, дружок, ты слишком худ, — ответил он. — Давай-ка попробуем с тобой прыжки в высоту. Резкость у тебя есть, координирован хорошо...

Что ж, прыжки так прыжки. Я согласился, хотя, честно говоря, мучило разучивание техники. Но когда начались практические тренировки и удавалось с каждым разом прибавить к своим прежним достижениям хотя бы несколько сантиметров, я был счастлив. По-настоящему счастлив.

Хотя мне было всего двенадцать лет, во дворе мальчишки смотрели на меня, как на настоящего спортсмена. Еще бы — у меня был подаренный бабушкой новенький чемодан, в котором всегда аккуратно сложенные лежали шиповки, кроссовые туфли и аккуратно выглаженная спортивная форма. Я по просьбе своих сверстников показывал им все это, и, сознаюсь, не без удовольствия. Было очень приятно смотреть на их не скрывающие удивления и восхищения лица.

— Сколько ты уже берешь в высоту? — спрашивали друзья.

— Вот придете на соревнования, сами увидите, — отвечал уклончиво я, считая, что результат 1 метр 50 сантиметров не стоит того, чтобы его слишком афишировать. А врать не хотелось.

Но в соревнованиях мне так и не довелось участвовать — с легкой атлетикой мы разошлись. И вот при каких обстоятельствах.

Осенью зачастили дожди, и наши занятия были перенесены в залы Дворца «Крылья Советов». Прошел какой-нибудь месяц тренировок под крышей, и вдруг однажды мы узнали, что на главной арене проходит командный чемпионат страны по боксу.

Я протиснулся на трибуны и, забыв, что пора идти в секцию, просидел на них до глубокой ночи. Поединки на ринге захватили меня сразу и без остатка. Я с упоением следил за всеми хитросплетениями, происходившими там, за канатами, восхищался мужеством людей, надевших перчатки. Когда объявили перерыв, я проскользнул за кулисы, подошел к одному из участников, уже окончившему бой, и спросил его:

— Дяденька, как можно записаться в секцию бокса?

Вопрос мой, как выяснилось потом, достался спартаковцу, и ответ в связи с этим был совершенно естествен:

— Поезжай на улицу Воровского, там тебя примут, парень...

Пятнадцатого октября 1950 года я вошел в просторный, вытянутый в длину спартаковский зал. Весь он был наполнен гулкими ударами, топотом ног, трелью свистков. Вдоль стен — кто упражнялся на грушах, кто ведя бой с тенью, кто работая со скакалкой — расположились такие же, как я, может быть, чуть постарше ребята, а в центре его неторопливо прохаживался взад-вперед плотно сколоченный человек в синем шерстяном тренировочном костюме. Это был наш тренер, в недалеком прошлом очень известный мастер ринга Иван Иванович Ганыкин.

Я пишу об этом человеке с особым, трепетным чувством, потому что именно он впервые научил меня смотреть на спорт, как на нечто прекрасное, поэтическое и очень нужное в жизни.

У него в секции я пробыл целых три года, оставаясь в ней даже тогда, когда отдал свое сердце гонкам на воде. Занимался очень серьезно.

Тренировки проводились три раза в неделю, и я не помню случая, чтобы хоть раз опоздал на них. Особенно увлекся, когда начались тренировочные бои. Моим спарринг-партнером оказался Вячеслав Соловьев, впоследствии ставший довольно известным мастером ринга. Он был легче меня и меньше ростом, но отличался неиссякаемой энергией, высокой подвижностью и большим опытом. И еще огромной выдержкой. Он никогда не «заводился», сохранял хладнокровие и при всем при этом отличался в настоящем бою искрометным темпераментом.

— Не люблю откровенных драк и боев ради боя, — не раз признавался он. — Приятно видеть соперника, который хочет победить тебя разумом, мудростью тактических ходов.

Моим первым секундантом в первом официальном бою был товарищ по секции Виктор Котелин. Не помню уже сейчас фамилию своего соперника, но отчетливо вижу его перед глазами: высокий, стройный, необычайно «мягкий», он двигался, как на рессорах. Хорошо еще помню его взгляд — открытый, выражающий полное презрение к какой-либо

опасности. Я подумал, что мне его не одолеть. Виктор сразу совершенно непонятным для меня образом разгадал это.

— Что, произвел на тебя впечатление?

— Произвел...

— Значит, так. В первом раунде не медля, без раздумий, без разведки иди в атаку, атакуй в предельном темпе. Сразу с него невозмутимость собьешь. Понял?

Я действовал строго по «инструкции», и мой соперник, в самом деле, стал нервничать. Спокойствие и уверенность оставили его.

В перерыве Соловьев подсказал:

— Теперь уйди в защиту. Сделай вид, что устал. Он не выдержит, захочет сразу решить дело да и перерасходует силы. А в третьем ты его переиграешь на свежести.

Так оно и получилось. Этот бой на меня произвел колоссальное впечатление. Я воочию увидел великую силу тактики, увидел, что о силе противника надо судить не до боя, а после него.

Бокс, признаться, вообще очень многое мне дал и многому научил. Мужеству. Умению мгновенно мыслить. Переносить удары в прямом и переносном смысле. Дал отличную физическую подготовку, колоссальную выносливость. Одним словом, будь моя воля, я бы заставил каждого спортсмена, вне зависимости от его специализации, пройти школу бокса.

Я ее, к счастью, прошел. На моем счету немало боев на соревнованиях «открытого ринга» в первенстве московского городского совета «Спартак», в чемпионате столицы. Одним словом, я испытал на себе все радости, все трудности борьбы на ринге.

Все шло хорошо, и я мечтал повторить славу своего учителя. Но летом тысяча девятьсот пятьдесят второго года мой приятель Витька Дорофеев позвал Меня с собой в секцию гребли.

— Не пойду, — решительно отрезал я. — Люблю бокс.

— Ну и люби. А у нас для души позанимаешься. Да заодно и руки разовьешь. Вон они у тебя какие слабые!

Этот довод убедил, и через несколько дней мы вышли с ним из дому вместе.

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

Есть в каждом государстве, в каждом большом или даже маленьком городе спортивные сооружения, чья история неразрывно связана с тем или иным видом спорта. Московская «Стрелка» неотделима от академической гребли. Пройдут годы, будут построены в нашей стране первоклассные гребные каналы и водные стадионы, разметят новые дистанции для тренировок, возведут зимние бассейны, но слово «Стрелка» всегда будет навевать воспоминания добрые, незабываемые.

Едва приметный с виду полуостров, зажатый между гранитными берегами Москвы-реки. Можно с уверенностью сказать, что история академической гребли в столице берет свое начало отсюда. Здесь начинал свою карьеру полулегендарный Долгушин, здесь блистала после войны знаменитая восьмерка «Крыльев Советов», отсюда вышли десятки мастеров спорта.

«Стрелка» — понятие отнюдь не только географическое. Все, что происходит на ней, подчинено законам великой любви к спорту, верности избранному пути, верности чести и долгу. Я не знаю ни одного тренера, который бы работал здесь, не отдавая любимому делу всю страсть своей души. Я не знаю ни одного спортсмена, которому бы не дорога была слава любимой «Стрелки».

Я пришел на «Стрелку», и эта обстановка всеобщего, некрикливого энтузиазма сразу захватила меня. Я начал внимательно присматриваться ко всему, что происходит вокруг. И ко мне стали присматриваться.

— Ну, что ты можешь? — спросил у меня Игорь Янович Демьянов, мой первый тренер, человек, давший мне путевку в большой спорт, отправивший в трудное, счастливое, в общем-то, плавание.

— Все могу, — решительно выпалил я.

— Все? — Игорь Янович лукаво прищурился, потом подвел меня к клинкерной одиночке, усадил, дал в руки весла и не сказал — скомандовал:

— Гребите!

Метров через пять я перевернулся и долго выкарабкивался из-под накрывшей меня лодки под оглушительный хохот сразу сбежавшихся на происшествие девчат и ребят.

Когда мокрый, пристыженный я подошел к Демьянову, он положил мне руки на плечи и сказал:

— Быть уверенным в себе — это хорошо. А вот самоуверенность опасна. Очень, знаешь ли, вредна.

Я ответил, что все понял, но вокруг продолжали отчаянно хохотать ребята, многие из них отпускали по моему адресу едкие замечания, и я дал себе слово больше никогда не приходить сюда. Тем более что вскоре меня отправили в пионерский лагерь, потом в секции бокса началась усиленная подготовка к предстоящему чемпионату Москвы, интенсивность тренировок нарастала, пошли столь любимые мною спарринг-бои.

Но странное дело: в мирской суете, в обстановке, когда каждый день был заполнен до отказа, я неизменно все чаще и чаще вспоминал «Стрелку» и все, что увидел на ней. По ночам мне стали сниться легкие и быстрые, как птицы, академические суда, несущиеся по водной глади навстречу солнцу и ветру.

Уже ушло лето, пошли дожди, стало холодно и неудобно в городе, а я почти ежедневно останавливался у Каменного моста, обходил с левой стороны кинотеатр «Ударник» и как

зачарованный смотрел на маленький кусочек земли и гранита, где (теперь я это твердо знал) осталось мое сердце.

Когда на московские улицы упал первый, пушистый и непрочный, снег, я вновь пришел к Игорю Яновичу. Он не ругал меня, не спрашивал, где я был, почему исчез и что заставило меня вернуться. Обнял и повел в зимний гребной бассейн, где тренировались ребята.

— Вот Слава пришел, — уронил в наступившую тишину Демьянов. — Будет с нами работать.

И ушел. Мальчишки меня обступили.

— Значит, окончательно решил стать гребцом? — произнес, как отрубил, кто-то.

— Да, ребята, нравится мне это дело.

— Ну и порядок...

Я был в секции самым молодым и, бесспорно, самым «жиденьким» с виду. И нет ничего удивительного в том, что Демьянов редко усаживал меня на тренировочный станок. Мест было мало, людей очень много, и Игорю Яновичу нужно было прежде всего уделять внимание тем, кто казался ему наиболее перспективным.

Однажды, когда, простояв два часа, отведенные для тренировки нашей секции, я так и не взял в руки весла, ко мне подошел Васька Петров — рыжеволосый веснушчатый парень из нашей группы с судьбой, очень схожей с моей.

— Опять не пустили? — спросил он тоном завязтого заговорщика.

— Не пустили...

— Слав, давай плюнем на все и уйдем. У меня знакомый тренер есть в футбольной школе молодежи. Туда и запишемся. А грести...

Его красноречие было в разгаре, когда я решил, что пора использовать свои боксерские навыки. Легкого прямого справа вполне хватило, чтобы сбить рыжего с ног. Он вскочил и сжал кулаки.

— Ты что?

— А с провокаторами только так...

Нас разняли. Я думал, что больше никогда не увижу Ваську, но он пришел на очередную тренировку, и на следующую, и на все остальные. Потом его родители переехали, года два-три мы не виделись и вдруг встретились летом тысяча девятьсот пятьдесят шестого года на Спартакиаде народов СССР. Васька выступал за сборную краев и областей Российской Федерации, на его пиджаке серебрился значок мастера спорта. Мы обрадовались друг другу. Я поздравил моего коллегу с получением высокого спортивного звания, о котором сам еще только мечтал.

— Это тебе спасибо, — сказал Васька.

— Мне?!

— Конечно. Помнишь, как ты меня провокатором назвал и в нокдаун послал? Я тогда страшно переживал, а потом понял, что ты прав. Нельзя от своей мечты легко отказываться. И решил, что из гребного спорта не уйду...

Пишу об этом, оставшемся в памяти случае потому, что он служит наглядным подтверждением аксиомы: слабые волей уходят, сильные рано или поздно добиваются своего.

...Итак, я твердо решил никуда из секции не уходить, но на «основной станок» тренер меня по-прежнему не пускал. «Основным станком» мы называли установленные по обе стороны мостка «четверки». Иными словами, тренироваться в бассейне на академичке могли сразу восемь человек. Мне среди них места, увы, не находилось.

Простояв одно занятие, и второе, и третье, я обратил свой взор на стоящую неподалеку, закрепленную намертво у пирса байдарку. Во время занятий нашей секции она пустовала. Не долго думая, я забрался в нее, достал весло и стал работать. Греб, как и

полагается, мельницей. Изю всех сил. Ребята, бывало, выходят с тренировки лишь с легкой испаринкой на лбу, а у меня майка мокрая, словно после марафона.

Однажды, когда я на своей байдарке мысленно отмеривал пятую или шестую за очередное занятие тысячу метров, меня окликнул Игорь Янович.

— Ты что здесь делаешь?

— Гребу...

— Вижу, что гребешь. А зачем?

— Надо же как-то к выходу на воду готовиться.

— Тк-хм... Так-так... А что это у тебя за синяк под глазом?

— На тренировке задела...

— У нас?

— Нет, в секции бокса.

— Ты что, еще и боксом занимаешься?

— Да, три раза в неделю.

— У кого?

— У Ганыкина.

— У Ивана Ивановича?

— Конечно.

— Интересно, — покачал головой Демьянов и взглянул на меня так, словно впервые видел. — Интересно, — повторил он и, что-то записав в блокнот, резко повернувшись, ушел. Но когда через день мы собрались снова и по традиции построились, Игорь Янович вызвал меня из шеренги на два шага вперед и сказал:

— Иванов, сейчас же в лодку! — а уж потом назначил остальную семерку. Когда истекли положенные полтора часа, Игорь Янович отвел меня в сторону и сказал:

— А знаешь, парень, из тебя может выйти толк. Мне нравится твое упорство. Давай, продолжай в том же духе, Славка! — и весело подмигнул мне.

Сейчас, когда уже пройдена большая дорога в спорте, когда столько миль и столько событий осталось за кормой, я часто вспоминаю эти слова моего первого доброго и умного учителя. В самом деле, тот, кто мечтает о высоких результатах, о больших и громких победах, должен прежде всего проявлять упорство, быть готовым к самоотверженному труду, к преодолению самого себя. Один олимпийский чемпион сказал однажды: «Спорт — это великая любовь человека. И как всякая настоящая любовь, он не терпит половинчатости».

Многие мальчишки и девчонки мечтают о славе Анатолия Фирсова и Ларисы Латыниной, Гария Напалкова и Василия Кузнецова, Льва Яшина и Владимира Куца... Мечта эта прекрасна. И велико счастье выступать так, чтобы в твою честь взлетало на флагштоках алое знамя Страны Советов и сотни тысяч людей вставали в едином порыве и замирали, отдавая дань уважения Государственному гимну твоей Родины. Велико это счастье. Но оно не приходит само по себе, не дается «от бога». Оно завоевывается...

После нескольких дней занятий (теперь Игорь Янович регулярно находил для меня место в четверке) тренер однажды сказал:

— Бокс нужно оставить, Слава. Он у тебя отнимает много сил. Понимаешь?

Я кивнул головой.

— Значит, договорились?

Я сделал отрицательный жест и, увидев, как сереет лицо Демьянова, поспешил предупредить его гнев:

— Игорь Янович, я ведь в греблю из бокса пришел. А теперь гребной спорт у меня главное, а бокс — развлечение.

— Развлечение, говоришь? — он вдруг сразу сменил гнев на милость и оглушительно рассмеялся. — Ну, давай. Посмотрим, что из этого выйдет.

Я торжествовал. Все осталось по-прежнему.

...С давних пор первым признаком весны в Москве считаются мимозы. Расцветшие под южным небом, они появляются на заснеженных московских улицах, и прохожие, поеживаясь от влажного мартовского ветра, радостно улыбаются при виде хрупких веточек, покрытых пушистыми желтыми цветами и словно приносящих с собой частицу южного тепла.

Я помню мартовский день тысяча девятьсот пятьдесят третьего года. У входа в кинотеатр «Ударник» стоял веселый грузин и продавал мимозу. Огромный, сочный букет таял в его руках с непостижимой быстротой. Я стоял и смотрел, как подходили к нему люди и каждый брал веточку — иногда две, три и больше, — и лица сразу теплели и светились по-новому, словно луч солнца, взрастивший эти мимозы, коснулся и их. Наконец в руках у продавца осталась одна веточка. Кто-то хотел ее купить, но южанин подошел, широко улыбнулся и отдал мне.

Я принес эту веточку на «Стрелку» и прикрепил ее рядом с портретом знаменитого гребца, выдающегося спортсмена и воина Александра Долгушина, который был кумиром всех, кто начинал свой путь на «Стрелке». Потом пошел строиться — приближался час начала занятий. Игорь Янович был необычайно веселым, радостно смотрел на небо, голубевшее над нами, щурился от солнца.

— Сегодня попробуем выйти на воду, — объявил он.

Мы закричали «ура». Я поднес руки к лицу. Они были с желтинкой, источали сладковатый, пьянящий запах мимозы. С тех пор я всегда неизменно ждал этот цветок каждую весну. Мимозы были для меня своеобразным пропуском в каждый новый сезон.

Началась спортивная страда, хотя зима еще напоминала о себе то короткими снежными зарядами, то пронизывающим ветром, то холодным дождем. Мы теперь все время проводили на воде. Сначала меня посадили в четверку: вода в реке была холодная, и тренер просто откровенно боялся, чтобы я не перевернулся.

Партнеры, хотя и были моими однолетками, совершали уже вторую «навигацию», и дело у них спорилось. Я старался изо всех сил, но, естественно, недостаток опыта и необходимых навыков выключал меня из общего ансамбля. Ребята злились, я — огрызался. И все мы вместе доставляли, конечно, очень много неприятностей своему тренеру.

В конце концов Демьянову это надоело, и он пересадил меня в одиночку. Это была старая клинкерная лодка — тяжелая и на редкость неуклюжая.

Ну и времечко для меня настало — даже сейчас вспоминать не хочется. В мечтах я уже был далеко, носился за самыми быстрыми и ловкими, а на деле все больше приходилось лопатить веслами у плота. Стоило немного, ну буквально самую малость, выгрести на открытую воду — и лодка теряла устойчивость и частенько перевертывалась.

Не мог я держать равновесие и баста. Клинкер, как необъезженный конь, то и дело проявлял свой норов и чуть что не так — сбрасывал меня в воду. У нас на одиночках левое весло называется баковым, правое — загребным. И по святому нашему закону следует, что загребное должно непременно идти под баковым. А я путался, делал и так, и этак. Вот и расплачивался.

Моя неуклюжесть вызывала интерес. Каждый раз, когда я решался отойти от плота, сбегались ребята. Вот двинулся, допустил неточное движение, закачался.

— Бросай весла, хватайся за борта, — несется с берега.

Непроизвольно слушаюсь, хотя знаю, что делать этого нельзя. Но тут как назло словно память отшибло. И сразу приходит наказание — я в воде. На берегу сплошной хохот, ребята, как говорится, держатся за животы. Я тогда очень на них злился, а теперь нет, даже вспоминаю с улыбкой. Эта «критика» помогла мне быстрее и лучше овладеть лодкой.

Дело стало налаживаться, и вдруг — провал: в июле мама, заметив, что я стал якобы худеть, решила отправить меня в деревню. Отчаянное сопротивление не помогло. Родительница была непреклонной, купила билет и отвезла меня на вокзал.

Через сутки я добрался до места. Село Лебедянь, в четырехстах километрах от столицы, раскинулось на пологом, лесистом берегу Дона. Оно встретило меня берущей за душу красотой, пьянящим воздухом и... патриархальной тишиной.

По ночам мне снилась наша «Стрелка» и боксерский зал на улице Воровского. Снились тренировки, спарринг-бои, финальные заезды. И всегда в этих снах я оставался посрамленным и кто-то, корча рожу, говорил: «Ты же совсем нетренированный...»

Этим сном я поверил и, чтобы совсем не скиснуть, стал ежедневно бегать и плавать. Выдумывал себе такие нагрузки, что к вечеру едва добирался до постели.

— Что это с парнем? — спрашивали друг у друга старики. А молодежь меня забрасывала вопросами: кем решил стать, и где занимаюсь, и кто нас, спортсменов, готовит.

В сентябре я вернулся в столицу и сразу же отправился на водную станцию, где меня уже встретили как своего.

— Работай, парень, догоняй товарищей, — сказал мне Игорь Янович. — Пора уже начать показывать себя.

Игорь Янович Демьянов! Тогда, в пятьдесят четвертом, он был еще достаточно молод и, несмотря на то что занимался педагогической деятельностью, продолжал участвовать в гонках. Его знали как первоклассного одиночника, четырежды выигрывавшего звание чемпиона страны. Был он отчаянно смелым, всегда сражался в открытую и побеждал.

В начале пятидесятых годов в гребном спорте среди одиночников появились новые имена, расцвел талант Юрия Тюкалова, выигравшего в Хельсинки золотую олимпийскую медаль, во весь голос заявил о себе Александр Беркутов, но Демьянов не сдавался, продолжая сражаться с молодыми. И хотя победы приходили все реже и реже, Игорь Янович не спешил оставлять весла. Даже я дождался момента, когда стал рядом со своим учителем на линии старта.

Я старался быть прилежным учеником. И вот уже меня пускают в «самостоятельный полет» — заявляют для участия на первенстве Москвы по группе мальчиков.

Это случилось в одно из июльских воскресений тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года. Турнир мальчуганов, как и все соревнования того времени, проводился перед гранитными трибунами Центрального парка культуры и отдыха. Это было, признаться, счастливое время для гребцов. Состязания любого ранга собирали тысячи, десятки тысяч зрителей. Конечно, перед такой аудиторией гоняться было очень интересно.

В финальной гонке стартовало восемь одиночек, среди них моя пришла четвертой. Этот результат казался мне позорным, но Игорь Демьянович совершенно по-иному оценил его.

— Ну вот и принял боевое крещение. Видишь — не самый последний. Уже хорошо. А мог бы пройти лучше. Злости не хватило!

Через несколько дней тренер вызвал меня к себе, сказал:

— Сядешь снова в четверку. В августе поедете в Киев на юношеское первенство Советского Союза...

Работали мы очень много — за одну тренировку теряли по два килограмма. А ведь у нас, мальчишек, не было тогда и кусочка жирка, ни грамма лишнего веса. Приходили на базу совершенно мокрыми. Но своими потемневшими и сморщившимися от пота майками мы гордились. Мы шли по «Стрелке», небрежно перебросив их через плечи, и не было для нас более счастливых и радостных минут.

Наступил долгожданный день — впервые я покидал столицу как спортсмен, как ее полномочный представитель. Поезд летел вперед по дороге, похожей на тоннель: по обе

стороны от вагона стеной вставал лес. Я смотрел в окно. Долго. Почти не отрываясь. Слушал перестук колес. И думал, что мы, москвичи, должны обязательно победить. Или уж, во всяком случае, занять призовое место. Такую задачу поставил перед нами тренер. И это мы, экипаж четверки, считали легко осуществимым.

Но жизнь сурово осуждает самонадеянность. К тому же нам, честно сказать, не повезло. Сначала, в предварительном заезде, попали по жребию стартовать с командой детской спортивной школы Москвы, ставшей в конце концов серебряным призером чемпионата. Шли отлично, но на финише сил не хватило, и мы уступили своим землякам 0,2 секунды.

Можно было поправить дело в утешительном заезде, но здесь нас поставили рядом с опоздавшей к началу состязаний ленинградской «Энергией». То была очень сильная, прекрасно подготовленная четверка. Она обошла нас на полтора корпуса, оставив за чертой финала.

Гребли четверо, а виноватым оказался я. В раздевалке ребята, чей стаж пребывания на «Стрелке» исчислялся годом больше, яростно накинулись на меня. Что я сделал такого, что оттолкнуло от нас успех, никто не объяснял, но кричали все трое. Я выслушал много обидных замечаний. Замечаний, поверьте, явно несправедливых. Встал и спросил:

— Может быть, мне уйти от вас?

— Знаешь, так, пожалуй, будет лучше, — ответил наш загребной.

По существу, меня выгнали. Но я и не думал сдаваться. Только поклялся себе в ту минуту, что буду одиночником.

Одиночник... Ты один в лодке. На берегу остаются и тренер и друзья. И никто тебе не сможет помочь. И только по горячим глазам, провожающим твою лодку на старт, ты понимаешь, что они сделали все, что могли, для тебя, они желают тебе удачи... Лодка отходит от причала, уже неразличимы лица друзей и тренера, и ты чувствуешь, как их тревоги, их заботы перешли сейчас к тебе. Теперь ты один отвечаешь за все, теперь уже тренер даже взглядом не сможет тебе помочь. Никто никогда не узнает, что происходит сейчас с тобой, но все знают, что и успех и неудача зависят от тебя...

В начале тысяча девятьсот пятьдесят пятого года тяжело заболела мать — ее надолго положили в больницу, готовили к сложной операции. Томку, мою младшую сестричку, взяла к себе тетка, я остался в нашем доме на Большой Калужской с бабушкой. Пришлось оставить школу (я окончил уже восемь классов) и зарабатывать на жизнь. Знакомые устроили меня учеником токаря по металлу на машиностроительный завод имени 1 Мая. Так неожиданно и довольно прозаично кончилось мое детство.

Рабочий день на заводе начинался в семь, а для меня намного раньше. Я вставал ежедневно в пять тридцать, наскоро умывался и выходил из дому всегда в тренировочном костюме. Пять-десять минут разогревающей ходьбы, а потом по 1-му Донскому, мимо загадочных, хранящих многие тайны стен монастыря, через Сиротский переулок я выбегал на Шаболовку. Получалось что-то около пяти километров. Здесь втискивался в трамвай, доезжал до проходной, быстро менял тренировочный костюм на спецовку и становился к станку.

— Ну как, тренировался сегодня? — спрашивал меня мастер. .

— Тренировался.

— Молодец. Настырный ты, — подбадривал он меня. И эта неизменная, изо дня в день повторяющаяся фраза сурового, скупого на разговоры человека вдохновляла меня больше, чем что-либо другое.

Обедал я в перерыв, а после смены шел на тренировку. В связи с моим положением рабочего человека мне пришлось оставить «Стрелку» и перейти в наше спортивное общество «Красное Знамя». Закрытый гребной бассейн его находился на стадионе, что на Плющихе, а вода — у Краснохолмского моста. Все было новым, кроме тренера. Игорь

Янович работал здесь по совместительству, и это обстоятельство, бесспорно, было радостным и благоприятным для меня.

Смены на заводе, как и полагается, чередовались — дневная, вечерняя, но я всегда подгадывал график так, чтобы ни один день не оставался без воды.

Теперь я знал твердо, как велика в нашем деле роль техники, и напряженно осваивал ее и в бассейне, и на дистанции. Дела заметно улучшились, и вскоре меня пересадили с клинкерной лодки на скиф — счастье, которое в ту пору в нашем обществе выпадало на долю немногих. А через некоторое время повезло еще больше. Демьянов подозвал к себе и сказал безапелляционным тоном:

— Со следующего раза будешь ходить на дистанцию со мной.

Я обрадовался несказанно. Дело было не только в том, что такую честь — это знали все — Игорь Янович оказывал всем, на кого очень надеялся.

Эти совместные тренировки с одним из сильнейших одиночников страны научили бы меня многому.

Я обычно с молчаливого согласия тренера вырывался вперед и внимательно следил за его техникой, за каждым движением. Случалось, мы устраивали и гонки друг с другом. В таких случаях Демьянов всегда шел у меня на носу. Частенько, чтобы проверить меня, делал спурты — то короткие, но очень стремительные, то затяжные, требовавшие особенно напряженной работы. Я, в свою очередь, спуртовал тоже. И случалось не только не отставал, но и выигрывал у тренера какие-нибудь полкорпуса.

Я не принимал эти легкие победы всерьез, но, бесспорно, подобные прогулки по дистанции все больше и больше укрепляли во мне веру в свои силы и заражали желанием продолжать работать, работать и еще раз работать.

Жизнь теперь разделилась на две половины: труд и спорт. Все прочнее, все радостнее и тверже входил я в рабочую семью. На заводе работало много кадровых специалистов, много фронтовиков, прошедших суровую школу Великой Отечественной войны и вернувшихся на свое родное предприятие. Они учили нас, молодых, свято относиться к своей профессии, быть трудолюбивым, честным, превыше всего беречь рабочую честь.

Иногда начинающий спортсмен, чуть добившись сколько-нибудь заметного результата, спешит уйти со своего предприятия, найти более легкую работенку.

— Почему такая поспешность? — спрашиваю я его.

— На заводе будешь вкалывать — многого в спорте не добьешься, — отвечает он.

Это неправда. Работая до призыва в ряды Вооруженных Сил на заводе, я выполнил норму мастера спорта, стал чемпионом Советского Союза и олимпийских игр.

Мешал ли мне завод? Нисколько. Наоборот, он дал мне путевку в жизнь...

Наступил сезон 1955 года. Я чувствовал себя отлично, настроение поднялось, ибо в феврале еще я удачно выступил на чемпионате Москвы по боксу для юношей и мое имя даже попало в газету среди имен тех, кого обозреватель называл «надеждами большого ринга».

Но я свои надежды связывал с гребным спортом, ставшим частью моей жизни. Я жаждал борьбы, рвался к соревнованиям, как в полет птенец, почувствовавший, что у него вырастают крылья.

Первый старт сезона — первенство столицы среди юношей. Гранитные трибуны Центрального парка культуры и отдыха снова переполнены до отказа. Играет оркестр. Много корреспондентов. Один из них подходит ко мне. Высокий, статный, широкоплечий, он сразу вызывает симпатию. Протягивает руку.

— Борис Никитич Сливко.

— Слава, — отвечаю я.

— Знаю. Знаю и то, что ты сейчас очень хорошо пройдешь дистанцию.

— Откуда знаете?

— Давно слежу за тобой.

Потом, когда мы с Борисом Никитичем съездили в несколько командировок, стали часто видеться на состязаниях (он был референтом «Советского спорта» по академической гребле), я узнал много хорошего об этом добром, отзывчивом и веселом человеке. До войны он учился в Государственном институте театрального искусства, имел по болезни бронь, но с первых дней войны ушел добровольцем на фронт. Прошел путь от Сталинграда до Берлина, от рядового пушкаря до гвардии капитана, командира огневой батареи. Ордена Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды напоминали нам о его мужестве и верности долгу.

На войне Борис Никитич, как и многие другие, понял с непреложной очевидностью, сколь велико в жизни человека значение физической закалки, и влюбился в спорт, стал постепенно глубоким его знатоком. Я с большой благодарностью вспоминаю о нем. Он первый заметил во мне что-то стоящее, первый написал слова одобрения, первый высказал уверенность в моем будущем. А как важно для новичка каждое доброе слово!..

...Итак, передо мной стоял корреспондент центральной спортивной газеты, что-то записывал в блокнот, о чем-то расспрашивал, и время перед стартом пролетело незаметно. Я вышел на исходную позицию бодрым и полным радужных надежд.

Однако, как только раздалась команда и мы ринулись вперед, я буквально с ужасом обнаружил, что ослабла подножка. Ноги лишились упора, привычный ритм нарушился сразу.

Первой реакцией на случившееся было отказаться от борьбы, бросить весла. Но я сейчас же отогнал эту, как мне показалось, позорную мысль.

«Надо бороться!», — кричал я самому себе и, кое-как найдя точки опоры, взялся за дело.

Пройдено сто метров, двести, триста. Я иду твердо вторым, а впереди — лодка Николая Бутырина. Почувствовав, что мне терять нечего, я начал изо всех сил спуртовать и почти догнал под оглушительный рев трибун лидера. Именно «почти» — его скиф прошел финишный створ на 0,02 секунды раньше.

Когда я подгрел к стенке, ко мне подбежали тренер, Борис Никитич Сливко и еще несколько не знакомых мне людей. В один голос они спрашивали:

— Что случилось?

Я объяснил. И добавил:

— Вот дошел все-таки...

— Молодец, — сказал Демьянов. — Уверен, что не случись эта беда, ты бы обошел Николая.

Эти слова прозвучали как большая похвала и очень ободрили меня. Ведь Николай Бутырин был уже в то время двукратным чемпионом СССР среди юношей, участвовал во «взрослом» чемпионате и занял там почетное пятое место. Быть поставленным рядом с ним — об этом еще весной я и мечтать не мог. А сейчас... Сейчас чувствовал, что и впрямь могу сражаться на равных.

По положению на юношеский чемпионат Советского Союза отправлялся только победитель первенства столицы. Но через два дня я узнал от Демьянова, что тренерский совет, учтя, что я так неплохо прошел дистанцию при особых обстоятельствах, решил послать от нашего города двух участников на одиночках.

Впервые в жизни я был введен в состав сборной команды столицы, впервые в жизни попал на тренировочный сбор. Он длился несколько дней, но, как ни странно, уже тогда успел надоесть мне своей монотонностью. Как-то высказал свои чувства Игорю Яновичу. Он ласково посмотрел на меня, положил руку на плечо и сказал:

— Ты еще чертовски молод, Слава. И еще многое будет в твоей жизни в первый раз...

Только сейчас, когда самому приходится расставаться с гребным спортом, я понимаю, почему тогда в голосе моего тренера было столько невысказанной грусти.

...Сборы окончились, через несколько дней предстояли состязания. Перед самым их началом тренерский совет, для того чтобы определить, кого из нас ставить за команду, а кого пускать в личный зачет, решил устроить для нас с Николаем Бутыриным еще одну, контрольную, гонку.

Нас собрали и предупредили: состязаться будете завтра на водной станции «Динамо» в Химках в восемь часов утра. Столь раннее время было выбрано не случайно: устроители хотели, чтобы мы «выяснили отношения» до тех пор, пока по водохранилищу не ходят пароходы.

Я прибыл точно к назначенному сроку, а Николая Бутырина не было. Час провел я в лодке, ожидая своего соперника, но он все не появлялся. Демьянов стал требовать, чтобы гонку отменили, но организаторы были в нерешительности. Потом придумали послать за нарушителем дисциплины судейский катер. Кто-то произнес вслух:

— Мотает Иванову нервы...

Был я тогда настолько молод, что за мои нервы можно было не беспокоиться.

Мы вступили в борьбу в девять тридцать. Солнце взошло уже высоко и палило нещадно. Вода сверкала, и отраженные в ней лучи слепили глаза.

Старт Николая несколько озадачил меня: он сорвался с места, как реактивный, и метров через пять-десять был на корпус впереди. Но к середине дистанции я его достал, почти сейчас же вышел вперед и обомлел: мой соперник бросил весла. Сдался. Этого я уж никак от него не ожидал. Такое поведение на дистанции вообще не укладывалось у меня в сознании. Уж коли ты начал, то борись до конца, покажи свой характер, свою волю. Не можешь победить соперника — победи себя. Не можешь выиграть — проиграй достойно. Это святые законы спорта.

Через пять дней начался чемпионат Советского Союза. Вот уж когда я узнал по-настоящему, что значит предстартовая лихорадка. Волновался ужасно. Нет, меня мучила не боязнь проигрыша, а предчувствие, что в решающий момент со мною обязательно что-нибудь произойдет.

Ну так и есть: как только дали старт финальному заезду, я сделал какое-то катастрофически неточное движение и... слетел с банки. Пять-шесть драгоценных секунд сразу же оказались потерянными. Николай Бутырин воспользовался этой столь неожиданной форой и стремительно пошел вперед.

На такой короткой дистанции всякое промедление чревато очень серьезными неприятностями. Я решил, что терять нечего, и, устроившись поудобней, решил сразу же взять предельный темп. На спортивном языке это называется «затяжной спурт». За двести метров до финиша я уже был вторым, потом настиг и обошел Бутырина. Финиш. Я первый. Я чемпион страны. Пусть среди юношей, но чемпион.

Подтягиваюсь к плоту. По телу разливается опустошающая усталость, а вместе с ней какое-то угнетающее, обидное до слез безразличие. Кто-то мне протягивает букет цветов, кто-то хлопает по плечу, а я сижу в лодке и глупо улыбаюсь.

Спасает положение появившийся Борис Никитич Сливко. Он — огромный, сильный — буквально вытягивает меня из скифа, требует:

— Говори, Славка. Говори что-нибудь. Ведь это самый исторический день в твоей жизни. И то, что ты сделаешь сейчас, ты будешь вспоминать всегда.

Я беру букет цветов, подхожу к Игорю Яновичу, отдаю ему и крепко целую.

— Спасибо!

— Вот это речь, — смеется Борис Никитич. — Никогда не слышал ничего более яркого и зажигательного.

Все смеются. Потом кто-то предлагает искупать меня, но я решаю не дожидаться, пока меня раскачают и бросят, а сам ныряю с плота. Во всем, как есть — в тапочках, в майке.

— Держи его...

— Вылавливай.

— Если сам бросился — не считается...

Вдруг меня словно осеняет. Я кричу людям, стоящим на плоту:

— Какое сегодня число?

— Ты что, от радости память потерял?

— Или решил до следующих суток нырять?

— Да нет, ребята, серьезно спрашиваю — какое сегодня? Ей-богу забыл...

— Не дури! Тридцатое июля сегодня.

Надо же. Так и есть — именно в тот день мне исполнилось семнадцать лет!

С июля по сентябрь у гребцов самая страдная пора. Все крупные соревнования проводятся, как правило, в это время. Во всяком случае, так мне помнится. Вот и тогда — не успело кончиться юношеское первенство страны, как на носу чемпионат Москвы. «Настоящий» — для взрослых. И мне объявляют:

— Будешь в нем стартовать за наше общество. Надеемся, не подведешь...

В полуфинале жребий свел меня, чемпиона Советского Союза Александра Беркутова и... моего учителя, моего кумира Игоря Яновича Демьянова.

В раздевалке тренер подозвал меня и, заметно покраснев, предложил:

— Вот что, дружище, тебе пока все равно надеяться не на что: в финал попадают лишь двое. А я у Беркутова, признаться, очень хочу выиграть: старые у нас с ним счеты. Так что помоги. Рвись вперед с первых метров, пусть Саша волну твою похлебает, потащится за тобой. А потом...

Что будет потом, он не стал досказывать, но об этом нетрудно было догадаться. Что ж, я и впрямь особо ни на что не рассчитывал. Кроме всего, я слишком уважал Демьянова, да к тому же и вполне понимал.

— Ладно, — сказал я самому себе, — темп так темп.

Я вырвался вперед и стал лидером. Очень внимательно слежу за тем, что происходит на дистанции. Вот уже пройдено пятьсот, восемьсот, тысяча метров, а Демьянов и Беркутов все сзади. Тут и выиграло во мне ретивое: да разве можно в спорте хитрить? Ни в коем случае. Нажал на весла, и только у самого финиша достал меня Беркутов и обошел на три гребка.

Выпрыгнул я на плот, азарт спал и... со страхом смотрю на Демьянова. Заругает небось. А Игорь Янович вылез из лодки и говорит:

— Молодец, Славка! Пойдешь в финале — возьми мою лодку. На ней полегче будет...

— Да стоит ли?

— Стоит, Слава, стоит. Ты уж извини меня, пожалуйста. Не разглядел я, что ты уже совсем взрослый. Совсем...

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ

Когда мне удалось одержать первые победы крупного масштаба, обо мне, помню, писали, как о каком-то вундеркинде, который пришел, увидел и победил. Некоторые журналисты представляли дело так, словно я только вчера взялся за весла и обогнал всех. Было обидно читать такую информацию.

Еще раз вспомню Бориса Никитича Сливко, увы, безвременно ушедшего от нас в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году.

Мне кажется, в его лице спортивная пресса потеряла очень верного, умного и преданного своего служителя.

Я листаю свой альбом и не без удовольствия нахожу заметку, повествующую о юношеском чемпионате страны 1955 года, написанную моим «духовным отцом» Б. Сливко в одной из наших газет.

«Энергия не исчезает и не создается вновь, — писал автор, перенося знаменитый закон физики в сферу спорта, — существует лишь превращение одного вида энергии в другой. Сейчас многие говорят о какой-то исключительной талантливости семнадцатилетнего Славы Иванова из московского общества «Красное Знамя», ставшего лучшим одиночником страны среди юношей. Слава и в самом деле талантлив. Но основа его таланта — прежде всего огромное, редкое трудолюбие. Знакомясь с биографией этого подростка, просто диву даешься, сколько уже за его спиной часов, дней, месяцев и лет, отданных тренировке. Энергия, накапливавшаяся годами, «сработала» 30 июля 1955 года и подарила нам нового чемпиона, который при сохранении свойственного ему отношения к занятиям сумеет, мы верим, добиться новых, куда более ощутимых успехов».

Энергия не исчезает и не создается вновь! Я часто повторял эти понравившиеся мне слова. Да, на трассах ответственных и трудных состязаний, в борьбе с опытными, закаленными, жаждущими выигрыша соперниками тебе негде и неоткуда будет взять энергии для затяжного спурта, для решающего броска, для последнего, так много значащего усилия, если ты не накапливал ее исподволь, день за днем, шаг за шагом.

Не так-то легко в детском или юношеском возрасте после напряженного трудового дня оторвать на следующий день голову от подушки в пять тридцать утра. Не так легко бежать в промозглой тьме осеннего дня по улицам, залитым лужами, по переулкам, где липкая грязь приклеивается к ногам и делает неустойчивым шаг. Не так-то легко выдерживать ежедневно вопрошающий, насмешливый взгляд пассажиров трамвая, разглядывающих твой потный, забрызганный, выцветший под ветрами и солнцем тренировочный костюм. Не так просто, отстояв смену, идти на водную станцию и снова работать, работать и работать.

Да, все это нелегко и непросто — не нужно лицемерить, обманывать себя и других. Его Величество спорт, если речь идет о высоких категориях в нем, требует в большой степени мужества, терпения и самопожертвования. Пройти сквозь испытания, которые он приготовил, дано далеко не каждому. Для того чтобы все вынести, все преодолеть, видеть легкое в трудном, веселое в тягостном и однообразном, надо обладать по крайней мере одним качеством: умением любить!

...Восьмого сентября 1955 года в торжественной обстановке открылся очередной чемпионат страны. Это был шестнадцатый чемпионат за всю историю отечественного гребного спорта и первый — в моей недолгой спортивной жизни. Может быть, именно поэтому все у меня так отчетливо резко врезалось в память. И флаги над башнями водного

стадиона. И многоцветная шеренга спортсменов, выстроившихся на парад. И медь оркестра, отбивающего марш. И мозаика трибун, до отказа заполненных зрителями. И, конечно, та неповторимая минута, когда меня вызвали на старт.

Первый полуфинал. В нем я принимаю участие рядом с Юрием Тюкаловым, Александром Беркутовым, Борисом Добрыниным и Николаем Бутыриным. С особым любопытством смотрю на Юрия Тюкалова. Когда три года назад в Хельсинки он выиграл свою золотую олимпийскую медаль, я только-только переступил порог «Стрелки». Я вырезал тогда портрет прославленного ленинградца из газеты и повесил у изголовья. Давал себе клятву быть таким же, как он, — настойчивым, смелым и сильным.

...Юра Тюкалов! Я думаю, стань он футболистом, его бы знал сегодня весь мир, и на бульварах Москвы и Одессы, Киева и Владивостока мальчишки играли бы в «Тюкалова». Но он гребец... Впрочем, несмотря на это, его тоже знают многие. А все, кто знает, — безраздельно уважают.

Он родился в Ленинграде и всю войну прожил с мамой в этом бессмертном, сжатом блокадой городе. Сто двадцать пять граммов хлеба в день. Бомбы с утра до вечера. Холодные, нетопленые комнаты. Стол, на котором лежит труп дяди, а в кроватях — мертвые тела тети и двоюродного брата. И нет никаких сил их похоронить.

После такого детства вроде бы не до спорта. В сорок пятом врачи признали у Юры, как и у подавляющего большинства ленинградцев, острую дистрофию. Но он пришел в спорт. Стал с помощью своего тренера Михаила Иосифовича Савримовича делать шаг за шагом к большой высоте. Чемпион района. Чемпион города. Чемпион страны.

В Хельсинки, на XV летних Играх, принимал олимпийское крещение советский спорт. Все тогда было для посланцев нашей страны впервой — не хватало элементарного опыта, не хватало знания законов олимпийской борьбы. А каждому из наших парней и девчат противостояли первоклассные атлеты, лучшие спортсмены своих стран и народов.

В тихом, утопающем в лесах, ^редком по красоте заливе Мейлахти состязались гребцы — представители вида спорта, который до выхода на международную арену посланцев социалистических стран неизменно назывался «аристократическим». И вот на старте молодой ленинградский рабочий, сын рабочего, представитель рабочего общества «Красное Знамя» Юрий Тюкалов. Его даже не считали серьезным соперником.

Но прошли предварительные заезды, и ленинградец Юрий Тюкалов оказался на старте финала. Но и тогда, честно говоря, мнения специалистов не изменились. Фавориты по-прежнему оставались фаворитами. На устах у представителей прессы, обозревателей радио и телевидения было одно имя — Мервин Вуд.

— Победит австралиец! — таково было общее мнение.

Может быть, сам Вуд тоже считал, что медаль у него уже в кармане. На дистанции он пристально следил лишь за поляком Коцеркой, уверовав в утверждения западной прессы, что «русские не умеют грести».

Если Вуд, действительно, и думал так, то лишь до тысячеметровой отметки. Когда была пройдена половина дистанции, ленинградец, шедший до этого третьим, обошел Коцерку и сравнялся с Вудом. Их лодки, шедшие по второй и четвертой воде, продвигались теперь словно привязанные.

Тогда, почувствовав реальную угрозу со стороны гонщика в красной майке, австралиец начал свой знаменитый затяжной спурт, который уже не раз, по его же собственному выражению, «сбрасывал с седла» самых серьезных, выносливых и опытных соперников.

И тут произошло невероятное: советский спортсмен не только не отстал, но и предложил контрспурт, еще более взвинтив темп. К чести австралийца нужно сказать, что он боролся до конца, но... проиграл. Отстал почти на треть корпуса. Сдал свои полномочия олимпийского чемпиона в открытой дуэли.

Юрий Тюкалов, ставший в тот же день заслуженным мастером спорта, принес нашей Родине золотую олимпийскую медаль. Это была первая награда столь высокого достоинства, завоеванная когда-либо советскими гребцами-академистами. В Хельсинки она к тому же оказалась и единственной. Юрий, по существу, открыл золотой счет, показал и тем, кто был с ним рядом, и тем, кто должен был идти за ним, что «аристократов» можно и должно побеждать!

В конце сороковых и на протяжении всех пятидесятих годов у нас не было вообще-то ни одного сколько-нибудь крупного состязания, в котором бы этот выдающийся атлет не принял участия...

И вот теперь наши лодки рядом, и какое-то смешанное чувство, в котором соседствуют гордость и изумление, овладевает мною.

Выравниваем лодки. Смотрю на Тюкалова. Он невозмутим. Перевожу взгляд дальше. Беркутов смотрит на судью: видно, боится прозевать команду. Добрынин ерзает на банке, как-то неестественно улыбается...

Пошли. Сразу резко ушел вперед Тюкалов. А за ним — Борис Добрынин. Так нажал, что на берегу, где столпились особо рьяные болельщики, загремело:

— Давай, Боря!

— Молодец!

Добрынин поразил не только своих поклонников, но и нас, участников заезда. Такого хода от него никто не ожидал. А я — тем более. Резвость соперника по началу просто озадачила меня.

Вот уже пройдена тысячеметровая отметка. Оглядываюсь на мгновение. Тюкалова уже не достанешь, Добрынин впереди корпуса на три, Беркутов — почти рядом. Мне не до тактических головоломок. По-прежнему считаю главным соперником Бориса. Спуртую и ценой колоссальных усилий достаю его.

Какое-то мгновение идем рядом. Вот уж поистине испытание. Жмешь что есть силы, а не можешь отыграть у соперника и сантиметра. Нервы натянуты как струны. С каждой секундой запас энергии катастрофически тает. А рядом все тот же тяжелый, резкий выдох соперника, все те же размеренные взмахи весел.

Так мы прошли, словно связанные, две сотни метров. Потом я увидел, как лодка Добрынина стала уходить вперед. Сначала еле заметно. Потом я уже видел только кормовой срез его скифа.

Именно в это мгновение всем моим существом овладела какая-то предательская слабость. Ужасно захотелось все бросить, прекратить борьбу, показавшуюся мне такой ненужной теперь и бесцельной.

И вдруг прожгло: завтра финал, я пригласил на него всю свою родню, всех друзей и знакомых... Они рассаживаются на трибунах, смотрят на выстроившиеся у стартовой линии лодки и спрашивают нарочито громко:

— Ну где там наш Славка?

— Какой такой Славка? — вмешается кто-нибудь со стороны.

— Известно какой, Иванов.

— Идите-ка вы лучше домой, друзья. Не попал ваш Славка в финал. Слаб еще...

Что-то взыграло во мне. Посмотрел налево — Беркутов чуть сзади. Решил бороться за третье место с ним. Добрынина, понял, мне на этот раз уже не догнать.

Увеличил число гребков до максимума, на который способен. Струйки пота полезли по лицу, едко щипят глаза. А смахнуть нельзя — даже головой тряхнуть некогда.

Все висит на волоске. Вот уже вошли в коридор с ограждениями, до финиша метров семьдесят, не больше, а все еще ничего не ясно. Оттуда, где нависает над водой громада трибун, несется такой гул, словно над Химками гуляет ураган. Он подхлестывает. Сгибаюсь и разгибаюсь. Сгибаюсь и разгибаюсь.

Вдруг — хруст. Только через какую-то долю секунды я понял, что это Беркутов носом лодки налетел на мое весло. От неожиданности я развернулся и задел борт добрынинского скифа. Все трое остановились. На огромной скорости пролетел мимо воспрянувший духом Бутырин.

Началось что-то невообразимое — и на трибунах, и среди официальных лиц. Спорили, доказывали что-то друг другу, строили предположения. Игорь Янович вышел из равновесия — я впервые видел его таким:

— Беркутов нарочно допустил наезд. Снять его и — баста.

— А кому же ты третье место отдашь? — надрылся кто-то. — Тогда, понимаешь, и Бутырин на коне...

— Да что ты все время со своими конями! Тут тебе не ипподром...

Только через час судейская коллегия объявила свое решение: первое место присудить Юрию Тюкалову, а Беркутову, Добрынину и Иванову назначить переезд. Через два часа.

Когда в условленное время мы с Сашей подгребли к плоту, зрителей на трибунах было ничуть не меньше, хотя основные состязания уже завершились. Никто или почти никто не ушел, ожидая развязки нашего спора.

Мы стояли с Сашей на старте вдвоем и ждали. Третий не пришел.

Минут через пятнадцать по радио объявили, что Борис Добрынин от участия в заезде отказывается. В раздевалке мы увидели, как около него хлопотал врач.

— Вы совершенно обессилены, — слышали мы голос медика. — Нужны специальные анализы, чтобы точно определить, в чем дело...

— Никаких анализов, — приподнялся на локте Борис и сейчас же снова опустился на кушетку...

На следующий день разыгрывались финалы. Настоящей борьбы в одиночках не получилось. Юрий Тюкалов был еще на голову выше всех и закончил гонку первым легко — 7.39,2. Бутырин заболел. Беркутов, видимо, напуганный событиями полуфинала, на этот раз даже не пытался бороться с ленинградцем, а все внимание сосредоточил на мне. Было приятно сознавать себя человеком, с которым считаются даже такие маститые спортсмены, и было очень обидно, что я не могу ему дать настоящий бой. Динамовец финишировал за 7.43,3. Я — за 7.45,4.

За ходом состязаний с трибун наблюдали мои мама, двоюродный брат, много друзей и знакомых, среди них была и Тамара. Но о ней — чуть позже.

Почти вскоре после заезда нас вызвали для награждения, и главный судья первенства Калугин вручил мне бронзовую медаль и диплом третьей степени. Потом было много других призов, но эту награду я храню, как самую дорогую. И еще одну. Там же, в Химках, товарищи по заводу, по цеху преподнесли мне миниатюрное весло, выточенное на токарном станке. Купили букет цветов, приколоты к нему очень красиво выписанную карточку: «Нашему рабочему чемпиону».

— Не чемпион я, — сказал ребятам.

— Для нас ты уже чемпион, Славка, — раздалось в ответ. — Тебя теперь на заводе так только и называют.

Как хорошо и тепло на душе было в ту минуту!..

Несколько дней не был я дома, а когда вернулся, меня гурьбой обступили мальчишки и стали кричать:

— Ура!

— Поздравляем с замечательной победой!

— Расскажите, как все было.

Я поначалу недоумевал. Откуда ребятам известно, что происходило в Химках, и почему они придают такое большое значение моему третьему месту — знания тонкостей гребного спорта и истинной цены медалей я за ними что-то не наблюдал.

Дело прояснилось очень скоро: один из юных друзей протянул мне номер газеты «Советский спорт», в котором был опубликован портрет Виктора Иванова, выигравшего в паре с И. Булдаковым золотую медаль на чемпионате Европы в Генте. Над портретами стояла надпись: «Наши золотые ребята — И. Булдаков и В. Иванов».

— Так ведь это ж не я. Неужели не видите?

— Не вы?

— А как похож...

— Мы-то думали...

— Ничего, ребята, — сказал я весело пацанам, — будет когда-нибудь и в нашем дворе праздник. А сейчас идемте играть в футбол.

Два раза у нас во дворе такие предложения не делаются. Быстро нашелся мячик, мы проскользнули через калитку в Нескучный сад и... закипела борьба. Я взял себе в напарники двух белобрысых, шустрых на вид мальчуганов, а против нас играли восемь задорных и непримиримых забияк. Они очень быстро и безусловно правильно распределили силы: трое неотступно и отнюдь не по-джентльменски опекали меня, двое разобрали своих одногодков, а тройка самых быстрых получила полный оперативный простор.

Дело оказалось не таким легким, как я предполагал. Счет все время был не в нашу пользу. Соперники сначала шли впереди на три мяча, потом на четыре.

Я «загорелся» по-настоящему. Мокрую рубашку пришлось стащить с себя и бросить на траву, затем туда же полетели и брюки. Никогда мне так не приходилось туго в игре: обведешь одного, а двое, трое других уже врубаются яростно в мяч, бросаются под ноги. Счет выравнивался медленно, а я чувствовал, что силы мои иссякают.

Наконец нам осталось сквитать один мяч. Всего один мяч. Одна атака сорвалась. Другая — тоже. Я отчаянно кричал на своих вконец измотанных партнеров, заставляя их двигаться из последних сил. И вот свершилось: мы сыграли удачно «в стенку», я на полной скорости обошел двух пацанов и помчался к почти открытым воротам, как вдруг где-то сбоку раздался оглушительный крик:

— Славка!

Я оглянулся: у кромки нашего игрового поля стояла мама.

— Сейчас! — крикнул я и хотел продолжать свой рывок, но не тут-то было: в моих ногах уже валялись двое. Я пробовал обойти этот живой барьер, но мама громко комментировала:

— Нет, посмотрите, человек две недели не был дома, родительница по нему сохнет, а он чем занимается...

Стало ясно, что игра для меня окончена. Собрал свои нехитрые вещицы и с видом провинившегося зашагал к дому. А в спину неслось справедливое и неумолимое:

— Проиграли... проиграли...

До сих пор я не могу спокойно вспоминать об этом проигрыше. Ах, как хотелось мне тогда вернуться и что-то важное доказать мальчишкам и забить, во что бы то ни стало забить этот нужный, последний гол!

Пишу, и на сердце становится как-то необъяснимо радостно, как бывает в первые, неповторимые дни весны. Пишу и думаю о чудесной многогранности спорта, о его могучей, поглощающей целиком силе. Дело не в масштабе соревнований, а в том, как относятся к нему твои соперники и ты сам.

Шли годы, росло число моих выступлений на воде и число людей, которых я видел и с которыми вступал в спортивный спор. Среди них встречалось немало таких, которые смотрели на гонки, как на тяжелую, надоевшую работу. Они неизменно проигрывали или в лучшем случае оставались весьма посредственными середнячками. Так и хотелось сказать им:

— Бросайте весла, ребята!

Потому что большой спорт — точно так же, как поэзия, искусство, музыка, — немыслим без вдохновения, без жара души, без детски восторженного и благоговейного отношения. Только тот, кто сумеет сохранить в себе это качество, только тот, кто остается на всю жизнь человеком, для которого прежде всего важно само соревнование, его дух, его огонь, только тот может считать себя настоящим спортсменом и рассчитывать на благосклонность фортуны...

Наступил 1956 год — год очередных Олимпийских игр. Выступить на них я не мог и мечтать — передо мной стоял пока еще недостижимый даже в воображении Юрий Тюкалов. Но все-таки тайно я надеялся попасть в число запасных, чтобы поехать в далекий, неведомый город, своими глазами увидеть лучших атлетов мира. Я думал об этом, но думы эти казались такими смелыми, что я ни с кем ни при каких обстоятельствах не делился ими.

«Надо работать, работать и работать, — говорил самому себе. — Вот единственный путь к осуществлению твоих желаний».

Весной меня впервые включили в состав сборной Советского Союза и вызвали на сбор.

Столица еще была укутана в сугробы, дули холодные, пронизывающие ветры, мела пурга, а Потти встретил нас ослепительно-голубым небом, мягким, добрым солнцем, радующей взор зеленью. В пяти километрах от города раскинулось озеро Палеостони. Оно ласково подставляло свою синеватую спину стайке скифов, выстроившихся на берегу.

Начались будни. Начальником сборов был мой старый учитель Игорь Янович Демьянов. Два раза в день сборники спускали лодки на воду. Меня эти нагрузки не удовлетворяли: к эллингам и от эллингов к общежитию я бегал вдоль моря. Мой беговой рацион составлял ежедневно 15—20 километров. Прибавьте к этому еще километров сорок, которые я проходил за каждую тренировку по воде.

Да, то, что мы делали, никак не походило на курорт. Здоровые, сильные парни к концу дня буквально валились от усталости. Как-то пошли в кино. Начался сеанс. Я взглянул на свой ряд и обомлел: четверо из наших спали, уронив голову на грудь. А ребята были толковые, любящие искусство, и фильм попался интересный. Так что дело было не в безразличии — свалила усталость.

Но особенно мучали меня в тот раз мои испещренные мозолями, стертые в кровь руки. Иногда даже обыкновенное прикосновение к веслу было мучительно болезненным, а надо было грести и грести...

Весенняя подготовка, труд, затраченный на сборах, заложили очень прочный фундамент. Я стал ощущать необычайный прилив сил.

Когда мы вернулись в Москву, тренерский совет решил провести контрольную прикидку для членов сборной команды страны. Из Ленинграда вызвали телеграммой Юрия Тюкалова, в Москве предупредили меня и Сашу Беркутова. «Тайную» гонку назначили на один из ближайших дней.

Проснулся я необычайно рано, сделал хорошую зарядку и отправился в путь. Идти было недолго: через Нескучный сад я сразу выходил на набережную Москвы-реки. Было уже совсем светло, взошло солнце, но кругом стояла такая непривычная тишина, что в первое мгновение мне стало даже жутко. Никогда я до этого не видел свой город в такую рань. Вышел к набережной и замер от красоты...

К месту старта я подошел за полчаса до назначенного срока, но, к моему удивлению, здесь уже было очень много народу: тренеры, судьи, несколько спортсменов, проявивших интерес к нашему состязанию, и... неизменный Борис Никитич Сливко.

— А вам зачем вставать в такую рань? — спросил я его вместо приветствия.

— Если бы ты не был так молод, я бы очень обиделся на тебя, — сказал он совершенно серьезно. — Но ты еще просто не знаешь, что для журналиста нет неинтересных вещей и нет событий в спорте, которые бы он решился пропустить.

Действительно, я был тогда молод и неопытен, а труд корреспондентов считал чуть ли не развлечением: ходи себе на соревнования, посматривай и пиши. Но шли годы, я поближе узнал спортивных журналистов и понял, что это великие труженики, так много делающие для нас. Я видел, как они не спят ночами, составляя свои отчеты и дожидаясь вызова из редакции. Я понял, как горячо они любят спорт.

...Я спустился к воде. Александр Беркутов уже был у плота и возился с лодкой.

— А где Юра? — спросил я. — Еще не приехал?

— И не приедет, — зло ответил Саша. — Гениям все разрешается. А мы вот должны горбатиться...

Его бурчание привело к совершенно неожиданному результату: у меня резко поднялось настроение, ибо очной встречи с Тюкаловым я, конечно же, еще очень боялся. А Беркутова я уже знал хорошо, несколько раз гонялся с ним и, хотя всегда проигрывал, чувствовал, что и он меня побаивается.

— Ну, что ж, давайте начинать, — сказал Сергей Борисович Шереметьев, бывший в ту пору старшим тренером нашей сборной.

Дистанция уже давно была размечена, мы выгребли на середину и по безлюдной, тихой реке устремились вперед. Грести было легко — на поверхности воды никакого движения, ни шороха, ничего похожего даже на легкую волну.

Первую треть дистанции я не видел соседней лодки: Александр резко ушел со старта и шел довольно далеко впереди, я это понимал, ибо не слышал ни хлопков весел, ни его дыхания, ни каких-либо других звуков, выдающих его близкое присутствие.

Но странно: этот отрыв соперника не вызывал у меня никакого беспокойства. И не потому, что я был равнодушен к исходу состязания. Нет, мне очень хотелось выиграть. И именно поэтому я решил: поначалу не буду рваться вперед, сохраню максимум сил и попробую выиграть на последнем отрезке. Это был мой первый в жизни самостоятельно составленный тактический план. И он удался.

Было пройдено приблизительно полторы тысячи метров, когда наши лодки сравнялись. Метров сто мы шли вместе, не желая ни в чем уступать друг другу. И вдруг я почувствовал, что Александр больше не может выдержать напряжения этой прямо-таки бешеной скачки. Я тоже шел, как говорится, больше на самолюбии, на запасе энергии, которую предоставляла мне сама молодость.

Финишировали мы, как и стартовали, в полной тишине. Беркутов боролся до последнего, но отстал корпуса на полтора-два. Я был изнурен этой гонкой, которой отдал все, что мог, и даже не сообразил сразу, что впервые победил в очном состязании вторую лодку страны.

Но, оказывается, моя победа значила гораздо больше, чем я себе представлял. Стоило мне ступить на берег, как я оказался в объятиях Демьянова. Столь горячо и откровенно свои чувства он высказывал впервые. Я не удержался и спросил:

— Что случилось?

— Что случилось, что случилось? — весело передразнил он меня. — Сам не знаешь, Славка, что ты наделал.

— Да скажите же скорее, — я уже начал злиться.

Вместо ответа он протянул мне зажатый в руке секундомер. Стрелки его показывали 7 минут 13 секунд. Это был «рекорд» Юрия Тюкалова, лучшее время, которое когда-либо показывал на двухкилометровой дистанции олимпийский чемпион.

— Теперь ему уже так никогда не пройти, — сказал Игорь Янович. — А ты сумел. Значит, сегодня за кормой остался не только Беркутов. Понимаешь?

— Ну, это еще надо будет посмотреть...

— Никаких ну! Никаких!

Подошли Сергей Борисович Шереметьев и Борис Силыч Бречко — тренер Тюкалова. Шереметьев притянул меня к себе:

— Ну и молодец! Честно скажу, не ожидал от тебя такой прыти.

По всему чувствовалось: он был очень доволен случившимся. Борис Силыч тоже подошел ко мне, окинул меня взглядом с ног до головы и произнес фразу, словно разговаривал не со мной:

— Трудно Юре придется в этом году. Очень трудно будет ему удержаться в лидерах. Если он вообще сможет быть им...

Дистанция, пройденная в рекордное время, да еще в особых условиях, вдохновила и меня, и тренера.

— Все идет прекрасно, — потирал руки Игорь Янович, — теперь берем курс на первенство Москвы.

В те незабываемые дни спортсмены всей нашей страны готовились к финалу I Спартакиады народов Советского Союза. Каждое соревнование сезона рассматривалось как тренировка перед решающими стартами.

Я работал, все повышая нагрузки. Это казалось мне тогда единственно верным путем к победе. На самом деле это было катастрофической ошибкой — и моей, и тренера. В спорте, как и на войне, нельзя вести непрерывное наступление, каким бы успешным оно ни было. В бою идущим вперед войскам необходим отдых, чтобы привести себя в порядок, подтянуть тылы, провести разведку... Точно так же должны делать и мы, люди, атакующие спортивные рубежи.

Контрольное прохождение с результатом 7 минут 13 секунд показало, что я достиг пика формы. Безусловно, следовало немедленно остановиться, сбросить напряжение огромного тренировочного труда, осмотреться.

Расплата последовала немедленно. На первенстве Москвы я чувствовал себя безнадежно измотанным, чуть ли не больным и в финале проиграл Александру Беркутову больше десяти секунд. Это был очень сильный психологический удар.

Дело усугублялось разговорами, которые сразу возникли вокруг моей «личности».

— Иванов выскочка...

— Подумаешь, прошел одну «тайную» гонку за семь тринадцать и вот уже подняли вокруг него трезвон... Да кто время замерял? Они там еще сонные были и секундомеры забыли включить вовремя.

Подобные «комментарии» доходили до меня со всех сторон, отнюдь не поднимая настроения.

А тут еще Игорь Янович хотел взбодрить, а вконец расстроил:

— Два часа спорили на Федерации из-за тебя. В конце концов наша взяла. Допустили от Москвы личником. Так что на Спартакиаде народов участвовать будешь.

Подумаешь — сделали милость. Я поначалу, честно говоря, хотел обидеться, «принципиально» отказаться от стартов. Но, слава богу, одумался. Ибо большой спорт несовместим с мелочными обидами и амбициями. Здесь надо доказывать свою правоту силой и результатами. Здесь надо уметь исходить не только из своих личных чувств, но и понимать точку зрения других, понимать, что каждый действует по-своему, но, как правило, всегда в интересах общего дела.

Трезво поразмыслив, я пришел к выводу, что моих «противников» можно очень легко понять. В самом деле: о моем времени, о моей прикидке всем уши прожужжали, и вдруг в открытой борьбе с Беркутовым я уступаю, как никудышный новичок.

Во всем этом нужно было разобраться хорошо самому. Поразмыслив, я решил резко сбросить нагрузки и уйти от воды. С искренним увлечением играл в волейбол и футбол,

ходил по лесу, собирая грибы и наслаждаясь неповторимыми видами Подмоскovie. С каждой прогулкой, с каждым прожитым днем настроение поднималось, возвращались непринужденность и легкость, столь необходимые для каждого, кто собирается вести «крупную игру».

Вскоре я загрустил по веслам, почувствовал снова непреодолимое желание тренироваться на воде. И поехал в подмосковный город Воскресенск, на Москву-реку, где в ту пору была разбита вполне удовлетворительная дистанция и часто проходили всевозможные состязания по гребле.

И, как говорится, попал с корабля на бал: водная гладь была буквально заполонена академическими судами, здесь должен был состояться турнир российских гребцов. Кажется, последний перед финалом Первой спартакиады. Ему придавали большое значение: здесь многие из нас должны были окончательно проверить себя, в последний раз «выяснить отношения» друг с другом. Здесь, на базе, я увидел и всех своих главных соперников: всю готовился Беркутов, приехал Тюкалов. Я знал, что нас обязательно сведут в очном поединке: тренерский совет страсть как любил устраивать такие встречи.

Так оно и получилось. Прошло два дня, и тренер во время утренней зарядки, словно невзначай, сказал мне:

— Маши руками энергичней, Слава!

— В чем дело?

— К прикидке надо готовиться, старина.

— Когда она будет?

— Скоро. Дня через три, вероятно...

Называется это прикидкой, а на самом деле мы, спортсмены, рассматриваем ее как, может быть, самые серьезные, самые трудные состязания. Ведь здесь на старте всегда собираются только главные соперники — люди, которым есть о чем поспорить, у которых всегда имеются свои спортивные счета. Условия прикидки предельно строги: здесь нет возможности отыгаться в каком-нибудь утешительном заезде. Здесь все решает одна-единственная гонка.

Нынешняя прикидка казалась мне особенно трудной, взвинчивала нервы до предела, потому что я впервые встречался в очной дуэли с моим кумиром, с человеком, на которого я всегда равнял свой шаг, со спортсменом, которого считал недостижимым. В ночь того дня, когда тренер сказал мне о предстоящем заезде, я долго не мог уснуть. Лежал на койке с открытыми глазами, и мне все чудилась черная-черная река, угрюмая и безлюдная, и три белые лодки, несущиеся по ней к едва различимой черте горизонта. Я пытался представить себе, о чем думают в эти дни мои назначенные судьбою соперники, гадал: вспоминают ли они мое имя или даже не считают нужным обращать на него внимания.

«Нет, должны обращать, — убеждал я самого себя, — семь минут тринадцать секунд могут рассматриваться как случайность дилетантами, а большие спортсмены знают им истинную цену». Но и эти мысли не успокаивали, не давали желанного отдыха нервам.

Утром следующего дня меня мучили сомнения: говорить о бессоннице Игорю Яновичу или не говорить. Теперь, когда большая спортивная жизнь уже осталась за плечами, я знаю, что поступил правильно, поведав ему обо всем. Ведь тренер в какой-то мере подобен врачу, помогающему своим пациентам избавляться от всевозможных недугов. И, как врач, он не сможет справиться со своей задачей, если не будет знать всех симптомов «болезни».

Мое признание в бессоннице заметно огорчило и даже удивило Демьянова.

— Я думал, что ты непробиваемый в психологическом отношении, — сознался он мне. — Все-таки и тебя скрутило. Жаль.

— Значит, и с другими такое бывает?

В ответ на этот мой вопрос Игорь Янович прочел мне целую лекцию.

— Умение владеть собой, пожалуй, самое главное в искусстве чемпионов и рекордсменов, — закончил Игорь Янович.

Потом он исчез куда-то на полдня. Я увидел его за обедом. Теперь он был необычайно оживлен, много говорил с соседями, и за их столиком все время стоял заразительно-громкий смех, такой, что дежурная по столовой в конце концов даже сделала им замечание.

Вытирая платком слезы, выступившие на глазах, Демьянов подошел ко мне:

— Послушай, Слава, что-то я сегодня разошелся, настроился на безделье. Давай-ка с тобой в кино поедем.

Кинотеатр отстоял от базы довольно-таки далеко, и я сказал тренеру, что не знаю, как туда добраться.

— Доедем, — уверил он. — Собирайся. Уж больно картина хороша.

— Какая?

— «Новые времена». Достали из архива.

Тут уж упрасивать меня не надо было. Смеялся я в тот вечер, пожалуй, больше всех.

— Хорошо все-таки, что на свете рождаются талантливые люди, — пустился я совершенно неожиданно в философию, когда мы вышли из зала. Игорь Янович тут же поддержал разговор.

За разговорами да толками, за воспоминаниями пролетело время — мы и не заметили, как «проглотили» восемь километров, разделявшие клуб и базу, где мы жили.

Мы разошлись по своим комнатам в отличном настроении. Забравшись под простыню, я хотел еще поразмыслить над тем, о чем мы только что так горячо говорили, но сон сразу же утащил меня в какую-то черную, бездонную пропасть, в которую было очень приятно падать.

Проснулся я от ощущения, что кто-то смотрит на меня. Так и есть: рядом был Демьянов. Подчеркнуто аккуратный. В новом тренировочном костюме. Гладко выбритый. Какой-то необыкновенно подтянутый. Я сразу взглянул на часы. Было еще только половина седьмого.

— Что это ты, Яныч, спозаранку прихорошился?

— Вставай, Слава, — улыбнулся он. — Надо размяться как следует. Ведь через четыре часа гонка.

— Как?! — я сорвался с постели. — Сейчас?! Сегодня?!

— Оказывается, сегодня, — произнес он так, словно и впрямь только что узнал об этом. — Неожиданно перенесли. Мне сообщили, когда из кино пришли. Сначала хотел к тебе вернуться, да потом подумал: зачем зря тревожить человека...

— Ох и хитрец же ты, Демьяныч, — сказал я, прекрасно понимая теперь, почему вчера весь день мой тренер изображал из себя бесшабашного весельчака и почему у него «случайно» оказались билеты. И смысл нашей пешеходной прогулки, и многое, многое другое сразу прояснилось... К сердцу подкатилась волна теплоты и признательности человеку, который умеет сделать так, что твое дело становится его кровным делом, твоя победа — его победой.

...Гонка называлась прикидкой, но собрала зрителей больше, пожалуй, чем многие иные состязания. За ее результатами пришли посмотреть буквально все находившиеся на базе спортсмены и тренеры, а к ним постепенно пристроились сотни три-четыре жителей Воскресенска. Может быть, и значительно больше. Я лишь мельком взглянул на берег и увидел живую стенку. И увидел, что в судейском катере тоже полно народу и почти у всех в руках секундомеры.

— Интересуются, — кивнул в их сторону Демьянов.

— Иначе бы не придумывали этот бой, — согласился я.

— Тебе же только польза от этого.

— Посмотрим...

Прошло еще несколько минут. Стартер что-то выяснял у главного судьи, потом с нашего плота просигналили на финиш.

План гонки мы с тренером особо не прорабатывали. Игорь Янович лишь сказал мне и потом повторил несколько раз:

— Сразу не бери предельный темп. Сохраняй силы. Решающие события должны произойти на второй части дистанции.

Прозвучал сигнал, и лодки сорвались с места. Занятый своими заботами, я все-таки успел увидеть, как красиво, без какого-либо видимого напряжения заработал веслами Юрий. И лодка его сразу оказалась чуть впереди моей. Уходил вперед и Беркутов. Видимо, они считали, что, как и прежде, решат все в споре между собой.

Но у меня было свое мнение на этот счет. Я еще живо помнил, что говорили обо мне после того, как я уступил Александру на чемпионате страны. Помнил, сколько раз за последнее время люди ставили под сомнение мой результат, показанный в «тайной» гонке, и необыкновенное желание «наказать» всех обидчиков охватило меня.

...На берегу что-то кричат. Слов разобрать невозможно, лишь гул, как волна, бьет в лицо. На откате чуть оглядываюсь назад. На мгновение сердце ёкает от страха: мне показалось, что лодки исчезли. Нет, вот они, метрах в десяти впереди. Головная — тюкаловская. Чуть поодаль — беркутовская. «Проигрываю секунд шесть, не больше», — прикидываю про себя. И тут же начинает сверлить мысль: когда, с какого пункта начинать спурт?

Чувствую в себе огромный прилив сил. Вот что значит вовремя и хорошо отдохнуть. Гребется легко, радостно. Запел бы, наверное, если бы не боялся сбить дыхание. Лодка послушно летит вперед. Брызги освежают лицо. Капельки воды пахнут рекой, свежестью, отдыхом. «Раз, два, три, — командую сам себе, наращивая частоту гребков. — Дашь темп! Дашь!!»

Как послушна сегодня лодка — словно живая! Еще раз оглядываюсь: расстояние сократилось до минимума. Значит, мои соперники уже устали. И ничего не могут добавить. А я могу. Могу! Как радостно сознавать это! Как приятно сознавать, что где-то там, в недрах твоего организма, накоплен запас энергии для решительного взрыва!

Еще прибавляю темп. Наши лодки сразу сравнялись. Саша Беркутов — я это твердо вижу — опустил весла. Значит, изнемог. Отдал борьбе все. Он бороться никогда не перестанет, пока есть хоть малейшая возможность. Я его уже хорошо знаю. А Юрий Тюкалов еще сражается. Раскачивается на банке все сильнее и сильнее.

Наверное, со стороны очень красиво смотреть. И впечатление такое, что все легко до чрезвычайности. А на самом деле и я уже чувствую, как предательски подкрадывается усталость. Как горячим свинцом она растекается по мускулам, давит на грудь.

На мгновение становится страшно: сейчас мой соперник уйдет, и уйдет вместе с ним мечта о победе, о выигрыше этого трудного и почти невероятного для меня спора.

Увеличиваю темп так, что самому становится страшно. И вижу, вижу, как знаменитая «Ласточка» Тюкалова отходит к корме моего скифа. Он сзади! Он отстаёт. Только бы теперь чему-нибудь не случиться! Только бы мне хватило сил дойти!

Тяжело. Как тяжелы эти последние сотни и десятки метров! Хочется все бросить. Обо всем забыть. Обо всем, кроме отдыха. Тело требует его. Требует разламывающаяся от боли поясница. Требуют ноющие от напряжения руки. Требует, кажется, готовое выскочить из груди сердце...

Но именно в эти мгновения ты должен, ты обязан преодолеть себя! Ты должен сделать почти невозможное, если хочешь быть впереди таких ребят, как эти, — пенящие воду справа и слева от тебя. В современном спорте почти каждая большая победа лежит в зоне

сверхвозможностей. В этом его прелесть: в том, что он убеждает — ты гораздо сильнее, гораздо могущественнее, гораздо упрямее на самом деле, чем поначалу кажешься себе.

Вот и финиш. Я проскакиваю его условную черту и закрываю глаза. Красные круги носятся передо мной в какой-то дьявольской пляске. Кажется, что сейчас не удержу равновесия, выпаду из лодки. Усилим воли возвращаю себя в мир реального. Вот только сейчас финишировал Тюкалов, секунд на шесть позже моего скифа. Еще через семь секунд пересекает финишный створ Беркутов.

Случилось! Я победил их обоих в очной дуэли. Не верю даже самому себе. Все происшедшее сейчас на дистанции для меня невероятное свершение, огромная радость. Конечно, и до гонки я мечтал о победе, но то была мечта...

Смотрю на Тюкалова и вижу изнуренное, посеревшее, ставшее каким-то безразличным лицо. И вдруг понимаю, что именно сейчас, в эту минуту, Юра превратился в моем сознании из полубога в обыкновенного, земного человека. Нет, мое отношение к нему не изменилось нисколько. Он продолжал оставаться моим кумиром, первоклассным спортсменом, человеком, совершившим столько прекрасного. Но сейчас я впервые увидел его каким-то растерянным.

Когда мы сошли на берег, я вдруг понял, что Тюкалов обижается на меня. Меня это поразило. Почему? Я привык в ту пору больше к поражениям, и первый успех наполнял меня такой искренней радостью, которую, я был уверен, со мною должны разделить все. Мне думалось, что Юра первый бросится обнимать меня, что ему мой выигрыш еще более приятен, чем мне.

Прошло довольно много лет, прежде чем я смог по-настоящему понять, что в ту минуту творилось в его душе. Да, нужно многое пережить, чтобы понять человека, привыкшего всегда побеждать, привыкшего встречать на финише гром оваций, вспышки репортерских молний и вдруг впервые увидевшего корму своего, еще совсем неизвестного и оскорбительно молодого соперника.

Надо быть ханжой, чтобы требовать от него в эту минуту улыбок и искренних поздравлений. И в том, что Тюкалов выглядел злым, в его обиде, его неприятии этого поражения, тоже, если хотите, проявлялся характер настоящего спортсмена, настоящего бойца.

Я понимаю это сейчас и совершенно не понимал тогда. Я радовался и скакал, как глупый теленок, и больше всего лез с разговорами к Юрию, надеясь услышать от него какое-то слово одобрения и похвалы. Он как-то неловко все уходил от этого, а я все лез и лез к нему не в силах понять, что мой долг — оставить его сейчас в покое, дать побыть наедине с самим собой, со своей большой, еще до конца не осознанной неудачей.

Наконец меня куда-то утащили. Один за другим подходили товарищи, жали руки, поздравляли, желали успеха.

— Слава! — услышал я вдруг знакомый, пронзительный голос. Это кричал Демьянов. Отбежал от судейского плота, весь какой-то необычайно взволнованный, радостный. — Вдвойне поздравляю, — сказал переводя дыхание, — и обнял.

— Почему вдвойне?

— Сейчас принято решение ставить тебя основным номером в сборную Москвы на Спартакиаду народов СССР.

Мы молча обнялись.

Было 23 июля 1956 года.

ТО НЕЗАБЫВАЕМОЕ ЛЕТО

Жаркое, доброе лето тысяча девятьсот пятьдесят шестого года.

У нас родилось новое, грандиозное, любимое всеми соревнование — Спартакиада народов СССР. Теперь оно вошло в традицию, стало частью нашего быта, частью того вечного движения, что составляет суть нашего спорта. А тогда все было заново, все казалось необычным.

Я с большим нетерпением ждал дня старта. Впрочем, ждал — не то слово. Я использовал каждый день для тренировки, проверки своей боевой формы, еще и еще раз изучал дистанцию предстоящих гонок.

Соревнования гребцов по программе I Спартакиады народов СССР проходили на московской воде — в Химках. Необычность, особенность нынешнего турнира ощущались во всем. Помолодела наша «старушка» — водная станция «Динамо», заалела кумачом лозунгов, фотовитринами, рассказывавшими об успехах советских спортсменов в международных соревнованиях по академической гребле.

«На парад выходить всем!» — таков был приказ главного судьи, одного из самых старейших наших рефери Ю. А. Калугина. Четыреста девяносто девять участников выстроились в линию вдоль мостков, растянувшись на две или три сотни метров.

Да, в те дни академическая гребля переживала счастливое время. Мне даже кажется, что уделяли ей внимания в ту пору куда больше, чем сейчас. Вероятно, поэтому и гонщики классные у нас появлялись чаще, и трибуны водных стадионов оказывались переполненными, и в детских спортивных школах не было отбоя от желающих.

Парад открытия прошел, и начались будни Спартакиады — напряженные, полные труда и треволнений.

К началу соревнований в моем разделе судов сложилась довольно-таки странная ситуация. Проиграв мне в контрольной прикидке, Юрий Тюкалов и Александр Беркутов решили больше не испытывать судьбу и начали готовиться к олимпийским играм вместе, составив экипаж двойки парной. Известие об этом, переданное мне официально, конечно, обрадовало: это было молчаливым признанием чемпионами статус-кво, сложившегося после гонки в Воскресенске.

Но если олимпийские планы Юрия и Александра были ясны, то здесь, на Спартакиаде народов, они оставались, как и прежде, одиночками. Юрий стартовал в интересах своей команды — сборной Ленинграда, а Александр, оставшись без напарника, решил тряхнуть стариной и идти в личном зачете.

Таким образом, спор наш был не окончен, и каждому из моих соперников предоставлялась возможность реванша.

Я все дни, отделявшие меня от начала борьбы, серьезно тренировался и... нервничал. Конечно, выигрыш в Воскресенске вдохновил меня, придал силы, уверенности в себе. И все-таки сомнения нет-нет да и заползали в душу. Ведь одно дело прикидки, хотя и на уровне сборной страны, а другое — ответственные соревнования.

Прогнозы, предсказания, высказывания фаворитов — все это 6 августа 1956 года стало для нас прошлым. На голубых трассах Химкинского водохранилища началась борьба, которая должна была определить реальную расстановку сил в советском гребном спорте накануне XVI летних Олимпийских игр.

Предварительные заезды не принесли особых неожиданностей. Каждый из нас, считавшихся главными фаворитами, выиграл свою гонку. Правда, с разными результатами.

Хотя сравнение в таких случаях всегда относительно, все же обозреватели единодушно отмечали в своих газетных обзорах, что абсолютно лучшее время прохождения дистанции оказалось у меня, Юрий Тюкалов «отставал» на 13 секунд, а Александр Беркутов — еще на 9 от него.

— У тебя отличная форма, и ты готов к большой победе, — сказал мне Игорь Янович. — Надо отдохнуть перед финалом и как следует подготовиться к старту. Понимаешь — как следует!

Целый день я возился у лодки, осматривал мой скиф, который в ту пору казался мне самым красивым и надежным, самым легким и удобным. Проверял каждую деталь, состояние подвижных частей и подножки: теперь-то я уж знал, как губительно сказывается в гонке невнимание к «мелочам».

Последняя ночь перед финалом! Помню, лег я поздно, но сразу не мог уснуть. Все, что произошло за последнее время, казалось мне чудесной сказкой, которую вот-вот прервут на полуслове. Мне даже не верилось, что вот я, совсем еще мальчишка, четыре года назад вызывавший смех сверстников своей неловкостью, неуклюжестью, теперь один из тех, от кого завтра ждут успеха.

Да, я отдал этим лодкам, этим веслам свое сердце. Бывало, тренер назначает одну тренировку, а я умудряюсь еще раз вечером пробраться на водную станцию и спустить свой скиф на воду. Бывало, все гребут норму — примерно километров тридцать за одно занятие, а я добавляю еще десятку. И лишний раз не ленюсь поднять штангу, пробежать трудную кроссовую дистанцию. Я ни разу не опоздал и тем более ни разу не пропустил тренировку. Даже тогда, когда стер ладони до крови. Даже тогда, когда мне говорили: «Завтра можешь отдохнуть...»

Разбудило меня солнце. День был ослепительно хорош. И это сразу настроило на праздничный лад. Энергичная зарядка лишь укрепила его, я чувствовал в себе какой-то необычайный прилив сил, какую-то буйную, ни с чем несравнимую радость ожидания борьбы, которая меня не страшила, к которой я рвался всем своим существом. То утро! — никогда мне не забыть его, потому что никогда больше мне не было так легко и хорошо пере; столь ответственным и много значившим сражением.

Далее произошло неожиданное.

Я подошел к эллингам за полчаса до старта одиночек. Тюкалов и Беркутов были уже здесь. Я поздоровался с соперниками и уже собирался пройти к своей лодке, как Юра тронул меня за плечо:

— Есть один разговор, старина!

Я, не скрою, немножко удивился, ибо знал замкнутость, даже суровость одного и другого, но виду не подал.

— Давайте...

— Поищем другое место, — предложил Беркутов, — ходят...

Мы зашагали к воде, к кусочку суши за причальными плотами, где в ту минуту было тихо и пустынно. Мягко скрипел под ногами песок. Вода казалась замерзшей — такой кристально-чистой и неподвижной была здесь она. И впрямь как лед. Я подумал об этом и улыбнулся. Юра спросил:

— Чего улыбаешься?

Я кивнул в сторону воды.

— Да, — он мельком взглянул на водохранилище — красиво.

Саша чертил ногой на песке какие-то замысловатые круги. Юра для чего-то подбросил монету в воздух, поймал ее на ладонь. И вдруг решил, рубанул с плеча:

— Слава! Скоро гонка. Но и без нее все ясно — ты победишь. Ты сейчас сильнее любого из нас — факт! (Сердце у меня ёкнуло — шутка ли, подобное признание и от

кого?) А нам с Сашей после финала одиночек еще идти на двойке в личном зачете. Это для нас не менее важно. Понимаешь?

Я не понимал, к чему он клонит, и честно сказал об этом.

— Слушай, нам выступать в двух гонках, не заставляй нас умирать. Разыграем все как по нотам. Сначала вперед вырвусь я, отрываться не буду, на середине дистанции пропущу вперед тебя. А Саша придет третьим.

Я стоял и думал, как мне поступить. Посоветоваться было не с кем. Опыт моих восемнадцати лет ничего не подсказывал на этот счет. А предложение таких людей, бывших для меня всегда чрезвычайными авторитетами, звучало в данном случае как приказ. К тому же узнать еще до выхода на старт, что ты победитель, что тебе открыт путь в Мельбурн, что уже не страшна никакая случайность — тоже казалось весьма заманчивым...

— Ну, вот и порядок. Пошли готовиться.

Мы отправились к эллингам, перенесли свои скифы к воде и начали разминку. Я пронесся вдоль водной станции и с любопытством взглянул на трибуны. На них не было буквально ни одного свободного места.

Я сбавил ход и задумался. Многие из этих людей пришли, несомненно, для того, чтобы увидеть картину финала, пересекли столицу из конца в конец, многие прилетели из других городов и республик. Они сейчас сидят и гадают, кто будет первым, прикидывают шансы, спорят и волнуются. Они ждут честной борьбы, ждут настоящего сражения опыта с молодостью, авторитетов с прогрессирующим новичком...

Чем больше я думал об этом, тем все тяжелее становилось на душе. Я начинал понимать, что все мы совершили что-то очень неправильное, нечестное, несовместимое с духом и моралью нашего спорта. Но... раздумывать дальше было некогда — нас уже звали на старт.

По команде ушли ровно, а потом Юра сразу рванулся вперед, я был вторым, а Саша Беркутов — третьим. Я греб, как и договорились, довольно спокойно, скажем, настолько спокойно, чтобы не вызывать никаких подозрений. Слева по корме все время виднелся Беркутов. Я видел, что он тоже работает не на пределе. Но кроме нас в финале шли еще три сильных спортсмена, желавших победы не меньше, чем мы. С ними шутки были плохи, и приходилось сохранять довольно высокий темп, чтобы держать их на дистанции и не разрешать вклиниться в спор за медали.

Итак, пройдена половина дистанции. Я спокойно, скорее для порядка, оглядываюсь назад и... крик удивления вырывается из груди. Тюкалов, давший слово не отрываться, выигрывал к тому моменту у меня уже секунд восемь-десять (это метров сорок, а то и больше). И рвался вперед, не только не снижая темпа, но и, может быть, даже увеличивая его.

Разрыв, образовавшийся между нами, был колоссальным, особенно если учесть, какому сильному и опытному сопернику дал я такую фору. Прикинул: сто метров хожу за семнадцать секунд, Тюкалов по восемнадцать выдержит. Значит, на каждой сотне буду отыгрывать у него по секунде. Можно еще исправить положение, можно, но невероятно трудно.

В это мгновение, когда я в мыслях уже прощался с медалью и мечтой о Мельбурне, Беркутов, тоже увидевший, в чем дело, крикнул что есть мочи:

— Славка, дурак, догоняй его!

То ли Сашу тоже возмутила несправедливость, то ли он подумал, что с победой Юры в одиночке разобьется их альянс в двойке, — не знаю. Но крик его подстегнул меня, вывел из оцепенения и окончательно настроил на решение сделать все, все возможное, чтобы спасти положение.

Я бросился в погоню. Всю силу молодости, всю накопленную трудом энергию, всю нахлынувшую волной злость я вкладывал в каждый гребок. Жаль, что никто не засекал времени, за которое я преодолел оставшийся участок пути: вероятно, здесь был поставлен какой-то рекорд скорости. По крайней мере, мне так кажется.

Вот уже пройдено пятьдесят метров, сто, сто пятьдесят... С надеждой оглядываюсь: может быть, Юра пошутил? Нет, он и не думает сбавлять скорости. Но расстояние, разделяющее нас, заметно сократилось. Я сразу почувствовал это. И сознание того, что соперник на пределе, что он ничего, решительно ничего не может прибавить, придало мне новые силы и новую ярость.

— Дава-а-а-й, Сл-а-в-ка!

Поверите, именно в ту минуту, в то удивительно трудное мгновение до меня долетел с грохочущих, беснующихся трибун этот призыв.

«Да-ва-й, Сла-в-ка!» — повторял я самому себе, налегая на весла, увеличивая темп до самого полного.

Метров за пятьдесят до финиша я догнал лодку соперника и увидел, как Тюкалов бросил весла. У меня даже не было сил улыбнуться. Я продолжал работать. Последние метры прошел в каком-то забытии. Когда лодка пересекла финишный створ, захотелось лечь на полозки и лежать не двигаясь, и смотреть в бездонно-голубое небо. Больше — ничего.

Каждый раз одно и то же: после гонки такое ощущение, что именно в ней ты выложил себя без остатка и никогда уже не сможешь восстановиться. Но так, вероятно, только и должно быть. В этом ведь весь смысл, вся философская мудрость спорта — отдать себя борьбе без остатка, проверить, до какого предела ты можешь сражаться и терпеть.

Наконец я открыл глаза. Прошло уже порядочно времени после финиша, но я все еще не мог перевести дыхание. И вдруг увидел, что ко мне приближается Тюкалов. Впервые в жизни я был в полной растерянности и не знал, как себя вести. С одной стороны, был чертовски зол на моего великого соперника, но в то же время волна невероятного счастья подкатывалась к сердцу от сознания того, что в такой ожесточенной и неравной борьбе, в такой исключительной ситуации я смог, в конце концов, проявить себя и все-таки оказаться впереди олимпийского чемпиона...

— Что же ты, Юра?

— Ладно тебе, Славка, — сказал он виновато. — Все равно же ты выиграл. Поздравляю...

Вся злость мгновенно прошла. Мы вышли на плот и обнялись, и стояли так, улыбаясь снова ставшему добрым и ласковым солнцу. Откуда-то появились фотокорреспонденты и защелкали затворами своих аппаратов. А мы с Юрой все не разнимали рук. Так, обнявшись, было легче стоять после этой дьявольской гонки. И казалось, что именно так быстрее пройдет усталость. Звенел колокол, что-то кричали в мегафон с судейского катера, но все это проходило мимо меня. Я стоял и улыбался — все шире и шире. И знал, что этот день навсегда останется для меня одним из самых счастливых в жизни.

Одним из самых счастливых... Да, и сейчас, с дистанции времени, я продолжаю считать его таким. Во-первых, потому что одержал свою первую значительную победу, стал чемпионом страны, чемпионом всенародной Спартакиады. И, главное, потому, что разбил нашу бесчестную сделку и сделал все, что в моих силах и даже выше, сражаясь с соперниками.

Книги пишутся для всех и читаются разными людьми. Но если откроет мою исповедь юноша, мечтающий о большой дороге в спорте, я бы очень хотел, чтобы он остановился и задумался над этими страницами. Я говорю ему: больше всего бойся нечестности, отступлений, легких путей к вершине, компромиссов с соперниками. Они расслабляют мускулы и опустошают душу...

Мы замерли с Юрой и стояли, обнявшись, на плоту. Долго наслаждаться покоем нам не дали. Подбежали судьи, тренеры, товарищи, стали меня поздравлять. А я искал в этом плотном живом кольце лицо одного человека. Наконец увидел, вон он стоит, чуть поодаль. Игорь Янович. Стоит, словно все, что произошло и происходит, — его не касается.

Я пробрался сквозь частокол тел, обнял моего учителя и, не боясь показаться фамильярным, сказал:

— Спасибо тебе, Демьяныч...

Я увидел, как потеплели его глаза.

— Да что ты, Славка. Это тебе спасибо. Не подвел старика.

— Какой вы старик, Игорь Янович?

— Это я так, для порядка. По сравнению с тобой, конечно, старик. И пусть! Сегодня ты вернул мне молодость, Славка.

Я слышал эти слова, но, признаюсь, как следует не понимал их. Нужно было еще прожить долгие годы, пройти не только через победы, но и поражения, испытать после радости — печаль, после легких взлетов — трудные падения, чтобы поставить себя в положение совсем-совсем взрослого мужчины.

Награждали нас тут же, на плоту. Поставили три тумбочки, одна повыше другой, и на ту, что с цифрой «1», пригласили меня. Справа стоял Юра Тюкалов, слева — Саша Беркутов. В радиорубке включили пластинку, и над старой водной станцией «Динамо» зазвучали фанфары. Потом мне надели на шею медаль — первую золотую медаль чемпиона страны, победителя первой в нашей стране всенародной Спартакиады.

Награждение... Поздравления... Шумные и непрерывные возгласы. Вдруг мне стало скучно и томительно неудобно на плоту. Может быть, не выдержали нервы. Я сошел на берег, нашел пустую аллею и несказанно обрадовался тишине, уюту, одиночеству. Нужно было переварить, пережить все это.

...Соревнования гребцов закончились, Спартакиада народов продолжалась. На всех стадионах столицы кипели жаркие схватки. Я выбрал стадион «Динамо» — здесь выясняли свои отношения боксеры. Здесь демонстрировали свое искусство мои давнишние любимцы — Владимир Енгибарян, Геннадий Шатков, Альгирдас Шоцикас... Все три поражали меня прежде всего своим тончайшим проникновением в суть бокса, своим умением открыть и показать людям его великолепие, его эстетическую основу, его подлинную поэтичность. Разные по стилю и своим физическим данным, они были едиными по духу. Я отчаянно «болел» за них и был счастлив, что именно они стали чемпионами страны и Спартакиады в своих весовых категориях.

Была у меня одна слабость: я собирал портреты мастеров ринга, а сейчас решил добавить к ним и автографы. Шоцикас и Енгибарян подписали их сразу, Геннадий же долго и пристально глядел на меня.

— Послушай, где я тебя видел?

— Не знаю... Вряд ли...

— Да видел, говорю. Боксом занимаешься...

— Немного. У Ганыкина...

— Нет, тогда не здесь. В Ленинград приезжал?

— Не бывал...

— Ах, черт! — вдруг воскликнул он и радостно захохотал, словно решив дьявольски трудную задачу. Ты ведь Иванов? Скажи — Иванов? Славка?

— Конечно, — оторопело выдал я, не в силах понять, откуда он знает мое имя и фамилию.

— Я твой портрет в газете видел, Славка. И читал о тебе. Ну и молодец. Поздравляю. Ты уж тогда и мне на память свою подпись оставь. «На вот», — и он протянул мне

программку. Я расписался аккуратно, выводя каждую букву. Еще бы: ведь это был первый в моей жизни автограф. И давал я его самому Шаткову.

— Ну вот спасибо, — сказал Геннадий и протянул руку. — Встретимся в Мельбурне.

ДВА НЕОБЫКНОВЕННЫХ ОЗЕРА

Через несколько дней после того, как я выиграл звание чемпиона страны и Спартакиады народов СССР, в Риге должен был начаться юношеский чемпионат по академической гребле. Допускались к нему ребята и девчата до девятнадцати лет. И мне очень-очень хотелось принять в нем участие, в последний раз погоняться с «малышами», использовать свое право на детство.

Но к турниру меня не допустили. Я пришел на вокзал провожать своих сверстников, своих дорогих товарищей и друзей. Они завидовали мне и откровенно говорили об этом. Я, в свою очередь, завидовал им. Так, вероятно, всегда или часто бывает в жизни.

— Ну чего ты расстроился? — спросил меня Игорь Янович, когда я пожаловался ему, что не еду на берега Даугавы. — У тебя теперь совсем другие задачи. Ты первый номер страны. Это не только почетно, но и ответственно, Слава!

В тот же день мне объявили, что я поеду на первенство Европы. Для меня, мальчишки, не видевшего ничего, кроме Нескучного сада да деревни Лебедянь, поездка за рубеж, в чужую страну, казалась чем-то похожим на сказку. Тем более что ни о каких громких победах даже внутри страны мы с тренером и не мечтали в начале сезона. Как максимум Игорь Янович ставил передо мной тогда задачу быть вторым на первенстве Союза. Да — как максимум!

До отлета оставались буквально считанные дни. Я многое передумал тогда, немало поволновался. Шутка ли — чужие люди, чужие страны, неведомые, обладавшие, казалось мне, чудовищной силой соперники. И странно — никто со мной не говорил о них, никто не объяснял, как следует подготовиться к турниру психологически.

— Работай! — требовал Игорь Янович.

— Трудись, — повторяли тренеры сборной.

В те дни последних тренировок на родной земле, я, как слепой щенок, жался и жался к Юре Тюкалову — к человеку, остававшемуся для меня самым большим авторитетом. Чувствовал, что чертовски надоедаю ему, даже злю, но делал вид, что ничего этого не замечаю. На карту было поставлено слишком много, чтобы обращать внимание на тон и настроение спортсмена, который один — я твердо знал это — может мне сейчас дать столь недостающие мне знания и опыт.

Я проявлял настойчивость. В эллинге, на дистанции, в столовой, в общежитии я подолгу расспрашивал Юру о том, как происходят состязания подобных рангов, о моих предполагаемых главных соперниках — поляке Коцерке, югославе Власиче, голландце Ван Мездогое... Я слышал эти имена от других и читал о них в газете. Юра знал о них все — он сражался с ними на олимпийских играх и первенствах континента. А в борьбе, в ожесточенном спортивном сражении человек раскрывается полностью.

Постепенно круг моих заочных знакомств расширялся. Но я знал истину, что, только пройдя с ними по дистанции, узнаю о них все.

Опыт что хлеб с солью: пока не проглотишь, сыт не будешь — услышал я когда-то и от кого-то словно невзначай брошенную фразу. Теперь я знал, что в ней заключена высшая мудрость.

В последних числах августа мы улетали из Москвы.

Я улыбался. Ощущение небывалого душевного подъема не покидало меня. Я чувствовал себя персонажем какой-то очень и очень хорошей сказки. Все происходило со

мной впервые. Впервые летел в самолете. Впервые покидал Родину. Впервые надел на себя костюм с гордыми, сверкающими буквами — «СССР»...

Летели мы по нынешним временам очень долго. Тогда мне все было в диковинку, все интересно, а ребята постарше ворчали на трудолюбивый «ИЛ»: «Ползет как черепаха»...

Конечно, появились у нас уже тогда и реактивные лайнеры, но и скорость «ИЛ-14» в ту пору была тоже самой что ни на есть самолетной.

Наконец прилетели в Белград. Встретили нас здесь очень дружелюбно, сердечно. Кто-то протягивал букеты живых цветов. Кто-то говорил по-русски:

— Добро пожаловать!

Город как следует посмотреть не удалось: мы пронеслись в автобусе от аэродрома до вокзала и сели в вагон, когда до отхода поезда оставалось всего пять минут. За окном замелькали очень красивые, озаренные электричеством дома. Они тянулись долго, а потом сразу, словно в тоннель, поезд нырнул в черноту.

Мы ехали всю ночь, ввинчиваясь в высоту. В горах раскинулись живописные, неповторимые в своем великолепии озера. Наиболее известное из них — озеро Блед. Здесь-то и должно было состояться очередное первенство Европы.

Поезд довез нас до станции Лесце. Мы вышли и... замолчали. Говорить было невозможно: такая красота открывалась нашему взору. Скалы, закрытые зеленью, и среди них причудливые домики, каждый — словно сказочный замок. И город весь какой-то сказочный. В скалах вокзал, в скалы вгрызаются жилища, между скал прорублены сверкающие гляncем асфальта улицы.

— Не думал, что при жизни попаду на небо, — говорит Юра Тюкалов.

Но, оказывается, до «неба» еще далеко: нас усаживают в автобус, и дорога снова резко уходит вверх. В машине царит тишина: мы все любуемся окружающими нас видами.

— Немного похоже на подъезды к Рице, — произносит наконец Беркутов.

— Да нет, здесь по-другому. Все по-другому, — не соглашается Булдаков. Они начинают спорить. А я молчу. Молчу и смотрю в окно, стараясь ничего не пропустить.

Как это часто бывает в горах, озеро возникло неожиданно, навалилось на автобус из-за очередного поворота и сразу потянуло нас к себе. Оно почти овальной формы и, словно драгоценный сапфир, заключено в темно-зеленую оправу гор, покрытых пышными альпийскими елями, среди которых изредка попадались милые нашим сердцам березки.

Потом, когда мы начали тренировки, я узнал еще одну, может быть, самую главную его прелесть: здесь такая чистая, такая прозрачная вода, что даже в самых глубоких местах видишь дно, видишь все, что происходит там, в глубине.

Поселились мы в одном из отелей города Блед — крупнейшего, как нам сказали, высокогорного курорта в Югославии.

Экскурсионные настроения кончились быстро: мы приехали сюда бороться, а не отдыхать.

Двадцать шестого августа начали состязания женщины. Уже в день предварительных заездов трибуны для зрителей, рассчитанные на восемь тысяч мест, были заполнены. А во время финала люди спрашивали друг у друга, нет ли лишнего билетика, точно так, как у нас на какой-нибудь самый ответственный и редкий хоккейный матч.

Наши девушки выступили в тот раз прямо-таки замечательно. Из пяти классов судов в трех (четверка парная, четверка распашная с рулевым и восьмерка) они стали чемпионками, обладательницами золотых медалей. В командном зачете сборная Советского Союза набрала 38 очков, а шедшая за ней команда Румынии — 24.

Факт этот был прекрасен сам по себе, но я вспоминаю его и потому, что успех девушек как-то вдохновил и нас, поднял настроение. В стенной газете мужской сборной, которая вышла накануне соревнований, кто-то из наших поэтов, пожелавший остаться неизвестным, писал:

Девчата наши показали,
Как завоевывать медали.
И мы, конечно же, ответим,
Что впрок пошли уроки эти!

К началу мужского чемпионата ажиотаж еще более возрос. К соревнованию были готовы экипажи ста лодок, которые представляли 21 страну нашего континента. Особенно много участников записалось в турнир одиночек — 17.

Каждый день, утром и вечером, я уходил на воду, готовясь к поединкам с сильнейшими гонщиками Старого Света. Здесь, на озере Блед, я понял с предельной очевидностью, что значат такие состязания для спортсмена в моральном плане, насколько зависит их результат от его морального потенциала. Газеты посвящали целые полосы прогнозам.

Не знаю, кто из нас больше в ту пору трудился. Я или Игорь Янович. Демьянов буквально «обмеривал» каждого соперника — проверял время прохождения соток и полукилометровых отрезков, записывал количество гребков, вел учет длине спуртов, которые они применяли во время тренировок. А мне все время говорил:

— На людях в полную силу не ходи, Слава! Пусть верят в сказку, что у тебя еще мало опыта.

— Хитрить собираетесь, Игорь Янович? Так и они ведь то же самое делать могут.

— Вот и нет. Их карты давно раскрыты, они будут сейчас, наоборот, выкладываться, чтобы показать тебе, что они сильнее, чем это есть на самом деле. А главное, чтобы заставить тебя раскрыться, проявить себя полностью. Не поддавайся...

За день до начала тренер позвал меня в свою комнату, запер дверь, разложил на кровати блокнот, какие-то чертежи и сказал:

— Вот что, Слава, послушай меня, старика. Сильнее тебя здесь сейчас никого нет. Власич явно не в форме. Его просто нечего бояться. Пишут о нем много, а зря. Ну, Коцерка — этот посильней, есть еще прежняя сила, спурты мощные. Но устает, очень устает. Потянет на пределе пятисотку, а потом отдышаться не может. Не совсем готов, одним словом. А вот за немцем следи в оба. Он твой главный нынче соперник. Никто его всерьез не принимает, а ты — принимай. Понятно?

— Понятно, конечно.

— Ну, а теперь давай слушать музыку. Вот я тебе сколько пластинок приготовил.

И через мгновение мы оказываемся во власти музыки. Хорошая, нежная мелодия, мягкий, душевный голос артиста, простые, очень трогательные слова заставляют нас замолчать...

...Уже в предварительном заезде — старт принимали шесть лодок — моими соперниками оказались любимец Югославии Перица Власич, румын Александреу Ференци, совсем еще юный чех Козак (как и для меня, этот турнир был для него международным дебютом), а также экипажи из Франции и Финляндии, фамилии которых я, к сожалению, не запомнил.

Мы еще только-только закончили разминку и направились по одному к стартовому плоту, как переполненные трибуны и весь правый берег озера, расположенный ближе к трассе, разразились восторженно-призывными криками: «Вла-сич! Вла-сич!»

Я посмотрел на экс-чемпиона Европы. Даже сейчас, в лодке, было видно, что он высок и статен. Жгучие черные волосы откинута назад. Такие же черные глаза глубоко запали в глазницы. Лицо непроницаемо. Вся его сильная, словно для полета созданная, фигура чуть подана вперед. Как будто Власич прислушивался: что, мол, кричат эти люди.

Но он прекрасно знал, что они кричат и чего они требуют. И еще лучше знал этот прекрасный гонщик, закаленный во многих испытаниях, что сейчас, сегодня он не в силах

порадовать их, своих дорогих земляков. И от этого рев, похожий на раскаты грома, не бодрил, не вдохновлял, а связывал и отдавался в сердце мучительной болью. Перица Власич думал не о борьбе — он не был к ней достаточно готов, а о том, что вот пройдет каких-нибудь десять-пятнадцать минут и восторженная тональность сменится вздохом разочарований. И газеты, которые сегодня вышли с его огромными портретами на первых полосах, будут писать, что они уже давно предвидели, что он сдаст.

Вот о чем размышлял перед стартом Перица Власич. Он сказал мне об этом потом, когда через несколько дней мы сидели вдвоем в моем номере. И добавил:

— Нелегко быть спортсменом, Слава. Люди видят только светлые стороны нашей жизни: путешествия из страны в страну, тренировочные сборы, призы, славу. Они никогда не видят, как мы трудимся. И никогда не знают наших переживаний. А жаль. Ей-богу, жаль. Если бы все это открыть начистоту, у нас бы научились еще больше уважать людей спорта. Понимать их. Прощать им поражения, потому что без них тоже немислим спорт. Да и иное поражение почетнее победы. Не так ли?

— Конечно, — кивнул я.

Я кивнул и еще раз вспомнил, как прошел наш заезд. И подумал, что, в сущности, очень верно сказал сейчас Власич. Вот он недавно проиграл, но боролся, как герой, и сделал все, что мог.

Власич знал, вероятно, о моей тактике длинного финишного спурта — спортивные секреты никогда не удастся хранить долго. И сразу же со старта он резко ушел вперед. Взял такой темп, что толпа взревела с новой силой.

— Власич! — бурной лавиной скатывалось с трибун и берега.

— Вла-сич! — повторяло эхо в горах, прыгая по скалам, как резиновый мячик.

К пятисотметровой отметке югослав уже выигрывал у меня два корпуса, к половине дистанции — метров тридцать.

Я бросился в погоню. Такие отрывы вообще никого не могут оставить равнодушным, а особенно когда впереди тебя идет экс-чемпион Европы, опытный и закаленный спортсмен. Мало ли что говорили насчет его формы. Может быть, это все было тактикой — не больше.

Я не буду писать о болях в мышцах, о том, как заливал меня пот, как в какое-то мгновение почувствовал, что не хватает дыхания — в каждой гонке по-своему трудно, в каждой кажется, что именно она и есть самая-самая... А потом приходят испытания, по сравнению с которыми те, что ты уже пережил, кажутся игрушками.

Мы сравнялись метров за триста до финиша. Югослав шел по первой воде, я по второй. Так что лицо его я увидел отчетливо: даже сквозь плотный слой загара, сквозь пелену пота пробилась свинцовая серость. Перица Власич бросил весла и понуро опустил голову.

«Все, — подумал без всякой радости я, — он сломался».

На одинокий, остановившийся скиф наваливались серьезно отставшие поначалу лодки румына и француза. Казалось, они сейчас настигнут его и пронесутся мимо.

— Вла-сич! — взревели берега.

И он нашел в себе силы выйти из оцепенения. Он снова взялся за весла и продолжил борьбу. Потом, на следующий день, в утешительном заезде Власич завоевал право выступать в финале.

Перед решающими поединками специалисты определяют истинную силу гонщиков по времени, за которое они прошли дистанцию в предварительных заездах. Конечно, это далеко не всегда точный показатель, но все-таки в какой-то мере он и в самом деле служит критерием истины. И уж во всяком случае, дает ориентиры для составления тактического плана борьбы за медали. В тот раз лучший результат оказался у меня — 7.19,8. Второе время дня было у Клауса фон Ферзена — 7.23,4. И только третье у чемпиона Европы

Теодора Коцерки — 7.32,5. Интересно, что всего 0,3 секунды проиграл ему Перица Власич.

Выходило, что Игорь Янович оказался абсолютно прав. Молодой немецкий гонщик из ФРГ (тогда он выступал за объединенную германскую команду) Клаус фон Ферзей, которого до начала турнира никто особенно и не знал, становился грозной силой.

— Он очень вынослив, прекрасно тренирован, техничен. Сможет, по-моему, пройти в финале гораздо резвее, — наставлял меня Игорь Янович. — Внимательно смотри за этим парнем.

— А как построить гонку тактически?

— Как всегда. Мудрить не будем. Здесь все решат скорость и выносливость. Еще раз повторяю, следи за Ферзенем, но не упускай из виду и остальных. Власич, Коцерка, Ференци тоже могут вспыхнуть. Понял?

— Понял...

— Что понял?

— Надо смотреть за всеми.

— Так-то оно так. Но главный вывод не в этом. Гонка будет трудной. Даже очень. Труднее, чем я предполагал. Ребята начнут спуртовать, пробовать друг друга на зубок. Будь умницей. Смотри, где уловка, а где такое, что прозевать никак нельзя.

Я слушал Игоря Яновича и не верил ушам своим. Еще три дня назад он уверял меня, что все будет легко, от каждой его фразы веяло твердой уверенностью, а сейчас он все рисовал в иных красках, был необычно серьезен. Я сказал ему об этом.

Демьянов посмотрел на меня внимательно, потом... расхохотался.

— А ты что же хочешь, чтобы я тебе всегда одно и то же говорил? Нет, брат, у тренеров тоже своя тактика, да еще посложней вашей. Когда ты только вступал в борьбу, надо было тебя подбодрить, показать, что не так уж страшен волк, заставить верить в свои силы. Теперь же ты победитель заезда и обладатель лучшего времени, и где-то в мыслях борьба уже кажется тебе легче, чем думалось. И мой долг — сбить с тебя благодущие и подсказать, поскольку ты этого еще не знаешь, что бывают парни, прикидывающиеся в предварительном заезде овечками, а в финале...

Он не договорил — теперь уж расхохотался я.

— Все правильно, Демьяныч. Но, как это у нас там поется: «Нам не страшен серый волк...»

Но Игорь Янович не хотел покидать избранный им путь и резюмировал с предельной ясностью:

— Не страшен, это хорошо. А шапкозакидательство — плохо!

День финалов выдался на редкость хорошим — солнечный, тихий, нежаркий. Город опустел — все направились к озеру. По местному радио объявили, что утром в трех специальных поездах прибыла из Белграда целая «армия» любителей гребного спорта. Теперь уже зрители заполнили все открытые части берега и справа и слева.

Одиночки, как это бывает всегда по раз и навсегда установленному порядку, шли третьими. Перед этим состоялись два заезда. Гонку рулевых четверок выиграли финны, сумевшие на финише обойти на самую малость наш экипаж. Было много волнений. Зато двойка распашная без рулевого прошла дистанцию великолепно, выиграв первую в этот день золотую медаль с большим преимуществом.

Героями дня стали мой однофамилец Виктор Иванов и его постоянный напарник Игорь Булдаков. Они шли уже от плота, где происходило награждение, когда я только разминался. Ребята радостно помахали своими взятыми с боя наградами.

— Поздравляю! — крикнул я от души.

— Желаем тебе того же...

— Он привезет обязательно, — сказал мой однофамилец.

— Не говори под руку, — буркнул Игорь.

Виктор Иванов весело сплюнул три раза через левое плечо.

Выстраиваемся. Стараемся не смотреть друг на друга. Все предельно сосредоточены. Звучит сигнал стартера. Срываемся, но протяжный гул колокола возвращает нас всех на место: у Коцерки фальстарт. Нервничает. Впрочем, кто сейчас спокоен?

Снова звучит команда. На этот раз все в порядке — борьба началась. С первых же секунд вперед уходит Ферзен, но к отметке 250 метров его под восторженный рев трибун обходит Власич. Третьим идет чемпион Европы — Теодор Коцерка, за ним Ференци. Замыкал эту группу я.

Разрыв между лодками был небольшой, темп все держали примерно равный и достаточно высокий.

Вскоре, однако, Коцерка спуртует и почти догоняет Власича. Помня указания тренера, я тоже делаю рывок и довольно легко достаю беглеца. Мы идем некоторое время уступом, отступая друг от друга примерно на полкорпуса, не больше.

Проходит всего несколько секунд, и Коцерка спуртует снова, на этот раз длинно и мощно. Вот он уже обгоняет Власича и становится лидером. Я иду вплотную за югославским гонщиком. Слева грозно надвигается Ферзен, справа готовится к атаке Ференци.

«Верно сказал Демьяныч, жарко сегодня будет», — подумал я. Какой же принять план действий? Длинный спурт? А вдруг отдашь ему все силы и не хватит духа дойти до финиша? Позиция выжидания? Но будешь следить за одним и обязательно прозеваешь другого. Вон ведь как плотно идут (после гонки этот мой довод был подтвержден протокольно. Первую тысячу метров финалисты прошли в следующем порядке: Коцерка — 3.36,1; Власич — 3.36,2; Иванов — 3.37,3; Ферзен — 3.37,5; Ференци — 3.38,9).

Принимаю решение выйти вперед. Да — спурт. Взвинчиваю темп до предельного. Обхожу Власича. Достаю и обхожу Коцерку. Кажется, теперь можно чуть «отпустить».

Только мелькнула эта мысль — слева, на одной линии с собой, вижу Ферзена. Он принял спурт и не отстает.

За кормой остаются Коцерка и Власич. Эти устали, видно. А немец работает прекрасно. Еще увеличиваю темп. Он — тоже. Еще, до предела — он держится рядом. Становится даже страшно.

Я закрываю глаза. На какую-то долю секунды. И говорю, как говорили мы в детстве, перед тем, как сорваться в бездну Москвы-реки с десятиметровой вышки: «Господи, благослови...»

Тяну и тяну весла. В глазах темно, хотя они широко открыты. Брызги клеят волосы. А может, не брызги — пот? Четыреста метров до финиша — Ферзен рядом. Триста пятьдесят — не отстает. Триста — мне даже показалось, что я начинаю проигрывать. И вдруг нос чужой лодки как-то явственно, хотя и медленно, пополз за корму моей. Словно кто-то обрубил связывавший нас трос.

Только теперь я услышал, как все гремит и грохочет кругом. Отдельных слов и выкриков не было слышно: над озером проносился сплошной звуковой вихрь. Вот уже финишировал я. Вот уже доказал свое право на серебро фон Ферзен. А вихрь не утихал. Только теперь я понял, что все поглощены, не меньше чем ходом первых лодок, дуэлью Коцерки с Власичем. Она сложилась поистине драматично: то скиф югослава выходил вперед, то польский спортсмен выдвигался на полкорпуса, то оба они останавливались в изнеможении, не в силах больше сделать ни одного гребка. Но где-то в глубинах своих они находили какие-то тайные запасы энергии и боролись, боролись, боролись. В этом дуэте экс-чемпионов Европы в конце концов победил поляк. Коцерка торжествовал, как будто это была самая главная победа в его жизни. Власич рыдал — не скрывая и не стыдясь своих слез. Он проиграл сопернику в этой дьявольской гонке всего 0,1 секунды.

Нас награждал президент Европейской федерации гребли. Он пожал мне руки и сказал по-русски:

— Прекрасно, Слафа Ифанов. Ты хороший гребец...

Потом поднялся на флагштоке флаг моей страны и над притихшим озером, над древними скалами, над маленьким, уютным, словно вырезанным из дерева городком поплыли величавые звуки Государственного Гимна СССР. И все, кто был в тот миг на трибунах, на берегу, на плотках, замерли в торжественном молчании.

После награждения я поднялся на плот и попал в объятия к Игорю Яновичу.

— Ну и молодец, Славка. Не подкачал. Дай я тебя поцелую.

Мы прижались друг к другу, и я ощутил мужскую жесткость его щеки. Я совершенно неожиданно вспомнил отца, погибшего где-то под Ленинградом, и комок подступил к горлу. Чтобы не выдать своих чувств, я разомкнул ладонь и показал тренеру свою золотую медаль. Он снова обнял меня и поцеловал. Потом сказал:

— Ты еще молод и ничего не понимаешь, Славка. Не можешь по-настоящему оценить всю свою удачу... Я бы за одну эту медаль отдал все свои прежние спортивные награды. Решительно все.

Вечером в роскошном зале отеля «Блед», где в полночь гаснет свет и стены становятся скалами, а пол — озером, для участников чемпионата был устроен прием.

Я стоял у одной из мраморных колонн и любовался окружающим меня великолепием. Убранством зала. Нарядами женщин. Богатством картин, заключенных в позолоченные подрамники. Строгой осанкой кельнеров, разносивших на серебристых подносах лимонад и шампанское, которого я боялся тогда как огня.

За моей спиной вдруг раздался женский голос:

— Добрый вечер. Пойдемте танцевать.

Я обернулся. Передо мной стояла стройная, красивая девушка. Я ее узнал: она была из команды Голландии.

— Пойдем, там хорошо, — повторила она, ужасно коверкая русские слова.

— Не умею... Понимаешь, не умею, — стал я объяснять словами и жестами.

Девушка захохотала, схватила меня за руки и, обворожительно улыбаясь, потащила в круг. Катастрофа надвигалась неотвратимо. И вдруг... Я — о, джентльмен! — вырвался и побежал.

— Ай как плохо, — донеслось до меня.

Я несясь вниз, перепрыгивая через ступеньки, выскочил на улицу и побежал в своем только что сшитом костюме и новых, еще не расхоженных туфлях.

Не переводя дыхания избегаю по лестнице на пятый этаж, открываю дверь своего номера, как есть, не раздеваясь, падаю на кровать и лежу, уткнувшись в подушки.

Не помню, сколько я так пролежал. Но вот зажегся свет, и голос, знакомый до последней нотки, испуганно произнес:

— Славка, что с тобой?

Я рассказал. К моему удивлению, Игорь Янович не стал ни ругать меня, ни смеяться. Он долго смотрел в окно на все еще полный веселья город, а потом подошел ко мне, обнял.

— Ну что ж, это тоже урок и — хороший. Ты теперь чемпион своей страны, старина, и должен уметь все! По твоему поведению, по твоей культуре, по каждому твоему поступку будут судить о России. О нашей с тобой земле. О ее людях.

Где-то на городской башне часы пробили девять раз. Демьянов прихватил меня за плечи и сказал:

— Ну, а теперь пойдем прощаться.

— С кем?

— С озером Блед.

Мы вышли из отеля и зашагали под гору. Вот и оно — широкое, непривычно спокойное. Тишина вокруг. И красота еще большая, чем прежде.

Запомню тебя, озеро, навсегда. Что бы ни было впереди, какие бы радости и победы ни ожидали меня, я буду помнить тебя. Ты приветливо приняло меня, ты принесло мне счастье первой большой победы. Спасибо тебе, озеро Блед.

Я вынимаю из кармана чудом сохранившееся в кошельке серебро и по-нашему древнему русскому обычаю кидаю в воду...

В родном дворе меня первыми встретили мальчишки. Они бежали навстречу, размахивая газетой, как знаменем.

— Ну, дядя Слава, на этот раз здесь уже точно вы...

— Ну-ка, покажите...

Я был ненамного старше этих мальчишек и, признаюсь, с любопытством и плохо скрываемым удовольствием рассматривал свой портрет на первой полосе «Советского спорта».

— Рады вы моей победе? — спросил я своих многочисленных соседей.

— Рады! — закричали они хором.

— Хотите сделать мне подарок?

— Хотим.

— Ну так подарите мне этот номер.

— А нам что?

— Жалко?

— Ну ладно, берите...

С тех пор прошло пятнадцать лет, а он вот передо мной. Я часто достаю этот измятый, стершийся на изгибах, выцветший лист, с которого смотрит на мир наивно удивленным взглядом парень, похожий на меня. Он где-то в недостижимом, в далеком-далеком детстве, в которое не вернешься. Но я подмигиваю ему доверительно и спрашиваю:

— Как тебе там, Славка?

— Хорошо, — отвечает он. — Знаешь, очень хорошо. Только надоело уже одно хорошее.

— Ты прав, старина!

Да, было бы чертовски скучно, если бы жизнь по мановению палочки какого-нибудь волшебника подарила нам вечную юность. Было бы скучно не идти по жизни, все познавая в борьбе и труде, завоеывая каждую частицу опыта с боем. Было бы скучно без новых встреч, без новых побед, без откровений, даже без седины и расставаний.

Жизнь была бы скучна, если бы мы не могли вот так, глядя на свой старый портрет, сказать самому себе: «Как много воды утекло с тех пор...»

Да, как много воды утекло с тех пор. И вот я снова предаюсь воспоминаниям.

В Москве мне не дали долго упиваться счастьем победы на чемпионате Европы. Нас принял Николай Николаевич Романов и на прощание Сказал:

— Ребята, надо забыть об отдыхе. Впереди Мельбурн. И мы очень надеемся на вас.

Отдыха не было. Через два дня мы улетели в Румынию на знаменитое озеро Снагов, под Бухарестом. Тренировки, состязания. Я почувствовал, что устал до предела — и физически, и морально. Гребля начинала надоедать, а это было самое страшное.

К счастью, вскоре мы уехали в Москву. И все вошло в обычную колею: я ходил на завод, бегал по утрам кроссы, а вечерами спешил на водную станцию. И с каждым днем интенсивность тренировок возрастала, повышались требования к каждому из нас, один за другим следовали медицинские осмотры.

Наконец настал день отлета в Мельбурн. Я ждал его с нетерпением, боялся: что-нибудь случится и меня не возьмут. Старожилы, побывавшие за границей, уже не раз наставляли:

— Пока не сядешь в самолет, не говори, что летишь...

В Олимпийской деревне участники советской команды, которые проделали путь до Мельбурна на теплоходе «Грузия», набросились на нас, требуя свежие советские газеты, забрасывая вопросами о Родине: ведь они покинули ее гораздо раньше.

Через день выгрузили наши лодки, и команда получила возможность тренироваться. Озеро Вендурри, отданное в распоряжение гребцов, находилось в 155 километрах от города. Нас повезли туда на комфортабельном автобусе, приданном специально нашему «подразделению». Ехали быстро, все время вглядываясь вдаль: когда же покажется наш «голубой стадион». Но Вендурри, как и многие другие озера, к которым случалось подъезжать, вынырнуло неожиданно из-за поворота.

Вот и берег. Выскакиваем из машины. Красотища какая!

Озеро это, примостившееся рядом с уютным, утопающим в зелени городком Балларат, прежде всего поразило своими размерами. Огромное, ровное, как блюдо, оно было со всех сторон окружено густой растительностью, которая отлично защищала его от ветра. Ни малейшего дуновения! Если к этому добавить, что на озере нет абсолютно никаких течений, то станет ясно, что здесь для нас, представителей гребного спорта, была настоящая благодать.

Начались тренировки. Спортсмены многих стран собрались на озере Вендурри. Турнир мастеров весла, состоявшийся на нем, был одним из самых представительных из всех олимпийских форумов, в которых мне довелось потом принимать участие. Во всяком случае, в моем классе судов это бесспорно. Здесь был неоднократный чемпион Австралии, спортсмен, родившийся и выросший на Вендурри, Стюарт Маккензи, молодой чемпион США Джон Келли, рекордсмен выносливости упорнейший Хилл, неоднократные чемпионы Европы Власич и Коцерка, бурно прогрессирующий фон Ферзен, мощный, всегда спокойный австриец Ребедер и многие другие.

Кроме основной Олимпийской деревни в самом Мельбурне, где мы, естественно, имели свои номера, хозяева Игр построили ее «филиал» на одном из берегов озера. Подавляющее большинство гребцов поселились на время состязаний здесь. Больше всего нас прельщали тишина и уют одноэтажных домиков с изолированными комнатами и миниатюрными садиками вокруг них.

Здесь, в этих домиках, по вечерам проходили интересные встречи. За шахматной доской, у телевизора, а то и просто за непринужденной беседой проводили время будущие непримиримые соперники. Я был моложе всех и поначалу чувствовал себя неловко, но однажды ко мне в номер пришел сам Теодор Коцерка.

— Давай поближе знакомиться, Слава...

Он сказал это так сердечно, так искренне дружелюбно, что смущение как рукой сняло. Мы разговорились и вдруг узнали, что в нашей судьбе есть много общего. Оба мы росли сиротами: наши отцы погибли на фронтах второй мировой войны, сражаясь против фашизма. Оба мы были рабочими, выросли в трудовых коллективах.

— Давай тренироваться завтра вместе, — предложил мой новый товарищ.

— Давай, — охотно согласился я.

На следующий день мы спустили свои лодки на воду одновременно и очень долго бороздили спокойную гладь Вендурри, охотно помогая друг другу.

Двадцать третьего ноября начались предварительные заезды. Но за два часа до них мы смотрели по телевизору церемонию торжественного открытия Олимпиады и незабываемый, неповторимый бег на 10 000 метров лейтенанта советского Военно-Морского Флота Владимира Куца. Две его золотые медали в труднейших видах бега, а главное, его непревзойденный бойцовский характер, его мужество, его открытый вызов самым грозным соперникам, дали всей нашей делегации, всем участникам

замечательный творческий настрой, заразили энтузиазмом, жаждой повторения спортивных подвигов.

Вместе со всеми и я, конечно, от всего сердца хотел выступить как можно лучше. Победа на первенстве Европы укрепила во мне веру в свои силы, но все-таки особых надежд с озером Вендурри я не связывал.

— Постараюсь оказаться в тройке, — говорил я и друзьям, но, конечно, где-то в самых-самых тайниках души я лелеял мысль и о чем-то большем, готовил себя морально к борьбе за большую победу.

Жребию было угодно уже в предварительном заезде свести меня с одним из главных фаворитов — австралийцем Стюартом Маккензи. Газеты писали об этом парне так, словно золотая медаль уже была у него в кармане.

Не очень-то скромничал и сам Маккензи. Накануне соревнований мы смотрели и слушали его выступление по мельбурнскому телевидению. Он высказывался в том смысле, что не сомневается в победе.

Почти такой же уверенностью хвастал молодой американец, сын миллионера, брат выходящей замуж кинозвезды Джон Келли. Он собирался сделать своей сестричке драгоценный свадебный подарок — золотую олимпийскую медаль. Об этом писала не только местная, но и вся мировая пресса.

Я еще тогда не знал, что часто даже большие спортсмены (особенно представители буржуазного спорта) из тактических соображений делают широковещательные заявления, чтобы запугать соперников, породить у них неверие в свои силы, отказаться от сопротивления. Я верил в то, что говорили Стюарт, Джон и другие. Верил и продолжал готовиться так, чтобы, если и доведется проиграть, — проиграть с честью. В борьбе.

Итак, мы стартовали с Маккензи. В одном заезде. Более того — на старте наши лодки стояли рядом: он шел по третьей воде, я — по четвертой.

— Будешь вторым! — крикнул он по-русски, видимо, специально выучив эту фразу, и, будучи неуверенным, что я пойму его, поднял вверх два пальца, а потом протянул указательный в мою сторону.

Я ничего не ответил. Но спортивная злость вскипела во мне, и я поклялся, что отдам этой гонке все, что смогу. Хотя я прекрасно знал, что он и в самом деле очень силен, задирист, упорен и так же молод, как я: Стюарту едва исполнилось девятнадцать.

Я не буду описывать эту гонку, потому что все они, в сущности, похожи со стороны друг на друга. Скажу лишь вот что: из нашего заезда четверо выходили в полуфинал, но для нас со Стюартом эта гонка сразу же обрела принципиальное значение, и мы сражались, как говорится, не на жизнь, а на смерть, доставив, по-видимому, большое удовольствие публике.

Еще задолго до старта я много размышлял над тем, как вести себя на этих соревнованиях, стоит ли сразу раскрывать свои карты или немного «похитрить» в предварительных гонках и полуфиналах. В конце концов решил с первой и до последней минуты оставаться самим собой, применять уже не раз проверенную тактику. Ведь, обманывая соперника, обманываешь и себя, сбиваешься с налаженного, хорошо отработанного ритма.

Я отнюдь не за прямолинейность, не за бездумную «открытость» в спорте. Разумеется, тактическая мудрость нужна, часто победа как раз и зависит от того, насколько ты сумеешь в решающий момент удивить соперника и предстать перед ним совсем иным, нежели тем, каким он привык тебя всегда видеть. Но в данном случае я решил так: Маккензи будет каждый раз ждать от меня чего-то нового и неожиданного, а я буду действовать все в одном ключе, делая ставку на решающий рывок на второй половине дистанции. Это тоже был по-своему интересный и для меня выгодный план.

Выдерживая его, я первую тысячу метров шел четвертым, потом настиг Хилла, Рабедера и метров за триста до финиша — австралийца. Он сопротивлялся яростно, но в конце концов не выдержал темпа и отстал примерно на корпус лодки. Это было немного, чтобы я почувствовал себя уверенным, но и вполне достаточно для того, чтобы посеять зерно неуверенности в нем. Объявили время. У меня — 7.26,1, у Маккензи — 7.28,8. Но абсолютно лучший результат в тот день показал американец Джон Келли — 7.24,8.

Нужно сказать, что в Австралии развит особый культ ко всему, что происходит на воде, и гребля на академических судах здесь в очень большом почете. Вот почему сразу же после предварительных гонок газеты стали посвящать целые полосы и развороты рассуждениям о том, чьи шансы предпочтительнее в том или ином классе судов.

Особенно много писали о восьмерках и одиночках. Портреты и различные жанровые фотографии Маккензи, Келли, Коцерки, Хилла и мои печатали в невероятном количестве. Я воздерживался от каких-либо интервью, а мои соперники, их тренеры, даже родственники и друзья раздавали их, что называется, налево и направо. Помню, например, пространное выступление голливудской кинозвезды Мареллон Грейс, сестры Джона Келли.

— Незадолго до Игр папа подарил Джону новую, специально заказанную лодку, — заявляла она во всеуслышание, — и брат сделает все, чтобы не огорчить отца, как следует отблагодарить его. Кроме того, я жду от него медаль, как свадебный подарок.

— Несмотря на проигрыш в предварительном заезде, я не оставил надежду стать чемпионом, — сказал корреспондентам Стюарт Маккензи. — Только это позволит осуществить мечту: достать необходимое количество денег и открыть свой гребной клуб, который, надеюсь, позволит мне вести безбедное существование.

Странно было слышать, что такие мелкие цели руководят этими, бесспорно, великими атлетами... А может быть, снова игра?..

Откладывая в сторону газеты с их откровениями, я перечитывал телеграммы, пришедшие с Родины. Незнакомые люди — рабочие, колхозники, студенты, пионеры — слали нам свой горячий привет, заявляя, что в эти часы всеми помыслами, всем сердцем они с нами...

Двадцать шестого ноября проходили полуфиналы. В нашем заезде развернулось настоящее сражение. Борьба велась до последнего мгновения. Я выиграл у Коцерки лишь один корпус, а фон Ферзен уступил поляку 0,1 секунды. Я видел, как мужественный немецкий спортсмен плакал от досады и злости. Ничего не скажешь, обидно: не дотянуть на какую-то еле различимую долю времени и из-за этого резко покатиться вниз в турнирной таблице, ведь из каждого заезда в финал допускались только две лодки.

Не произошло особых сенсаций и во втором полуфинале. Американец вновь сделал очень серьезную заявку на победу, придя к финишу на 1,2 секунды раньше Маккензи. Он сразу заставил австралийские газеты резко снизить безапелляционный тон в отношении своего фаворита. Теперь в прессе то и дело велся спор о том, кто победит из этого дуэта.

И вот наконец наступил долгожданный день. День борьбы, волнений, тревог. День, когда суждено сбыться одним надеждам и сокрушительно рухнуть другим.

Еще с утра берега озера Вендурри стали заполнять тысячи зрителей, а к началу состязаний все вокруг было запружено людьми и машинами. Признаюсь, больше никогда в жизни, даже в Англии, на знаменитой Хейнлейской регате, мне не доводилось видеть такого скопления людей, пришедших наблюдать состязания гребцов. Буквально все берега были «усыпаны» любителями этого вида спорта. И подавляющее большинство из них пришли, приехали «болеть» за своего земляка. Пришли насладиться картиной вручения ему золотой медали. А в том, что это произойдет, никто из них тогда и не сомневался.

Идут последние приготовления. По радио гремят слова дикторов, объявляющих составы участников решающих заездов. Грохочут, словно прибой, трибуны,

поднимающиеся от самой воды. Сверкают на солнце тысячи биноклей, наведенных на середину озера, где проходит главная олимпийская дистанция.

В каждом классе судов идет упорная, я бы даже сказал яростная, борьба. Вот стартуют двойки распашные без рулевого. Долгое время впереди идет наш экипаж в составе Игоря Булдакова и моего однофамильца Виктора Иванова. Но метров за пятьсот до финиша «беглецов» настигает американская лодка, в которой работают известные и очень опытные спортсмены — Файфер и Хехт. Они демонстрируют редкую по красоте технику — вот уж чем действительно можно залюбоваться. Они сильнейшие — ничего не скажешь! А наши парни тоже выступили достойно — пришли вторыми, уверенно обойдя австрийский экипаж.

Почти сейчас же, на плоту у финишного створа, происходит награждение победителей. Лодки причаливают к нему согласно занятым местам — в центре победители, справа — второе место, слева — третье. Награды вручает «сам» господин Эвери Брэндедж, президент Международного олимпийского комитета. Нам, готовящимся к борьбе, очень плохо видно, что и как там происходит. И все-таки даже здесь чувствуется, что на плоту произошло какое-то замешательство. Только часа через два-три я узнал, в чем дело: оказывается, в момент награждения наш Виктор Иванов поскользнулся и... выронил свою серебряную олимпийскую медаль в воду. Говорили, что она так и осталась лежать на дне озера Вендурри. На самом деле ее нашли мельбурнские мальчишки и отдали законному хозяину.

Обо всем этом мне рассказал сам потерпевший. Я посочувствовал ему, а на следующий день... стал принимать знаки сочувствия от других. Оказалось, что мельбурнские, а за ними и все другие газеты сообщили, что медаль потерял я. Не удержался от этой версии и наш «Советский спорт». Его корреспондент изобразил дело так, словно своими глазами все видел. И мне еще долго приходилось в родной Москве показывать свою драгоценную награду и объяснять, как все было на самом деле.

С искренней радостью стал я свидетелем замечательной победы на парной двойке Юрия Тюкалова и Александра Беркутова. Что скрывать, эту пару, и особенно знаменитого ленинградца, за четыре года, прошедшие после Хельсинки, не раз преследовали неудачи. Немало горьких минут пришлось за это время пережить Юре, немало слышать слов недоверия. Что ж, промахи и неудачи могут быть у каждого, и вдвойне славен тот, кто находит в себе силы преодолеть трудности и вновь утвердить свое спортивное «я». Герой Хельсинки, первым из советских гребцов завоевавший олимпийское золото, стал в паре со своим другом Александром Беркутовым и героем Мельбурна.

Что касается финала, в котором участвовал я, то даже сейчас, много лет спустя, при упоминании о нем начинают болеть руки и болью сдавливает сердце. Это — не образ. Это — факт.

В моей маленькой домашней коллекции есть одна цветная фотография с видом Женевского озера. Купил я ее в Мельбурне, очень эта фотография мне понравилась, и я решил собрать на ее обороте автографы всех моих соперников по финалу на озере Вендурри. Поставил свою широкую, размашистую подпись Теодор Коцерка. Расписался с улыбкой на устах Джон Келли. Долго-долго смотрел на эти фамилии австралиец. Потом аккуратно вывел свою фамилию и против нее еще более старательно — жирную римскую единицу. И так испытующе посмотрел на меня. Запугать хотел, что ли? А может быть, уверен был в победе? Разве узнаешь?

Собирание автографов я закончил минут за пять до того, как нас позвали на старт. Мы подходили к его линии очень, очень медленно, словно знали, что там, на дистанции, каждый миллиграмм сил будет иметь решающее значение...

Со старта ушел я четвертым. Рассчитал, что догону своих соперников к полуторакилометровой отметке. Но когда подошел к ней, все трое — понимаете, все трое

— еще были впереди. Пришлось оглянуться. И неважная открылась картина. Келли и Коцерка, правда, были сравнительно близко. Но Маккензи, этот дьявол Маккензи, выигрывал у меня секунд восемь.

Но все же я решил бороться. Бороться, пока еще не все потеряно. И усилил темп.

Пожалуй, второй раз в жизни мне такого бы не выдержать. Иду и слушаю — слушаю, как гребет Маккензи. А Келли и Коцерка уже остались позади.

Слушаю — ничего радостного. Темп и у него сильный. «Ну, — думаю, — еще немного протащусь и брошу — при таком положении дел мне его не достать». И вдруг — реже шлепки весел по воде у моего соперника. «Не почудилось ли?» Еще раз напряг слух. Нет, в самом деле — реже. «Ага, — думаю, — устал Стюарт». И мысль эта мне самому недостающие силы вернула. Налегаю на весла еще больше. Вот уже вижу кормовой срез Стюартовой лодки и бессильно повисшие руки.

Вид изнеможённого соперника всегда придает силы, а тогда — вдвое. Я пошел вперед. Но, обойдя австралийца, сам остановился. Руки болели ужасно, сердце сдавливала тяжесть. И мне показалось, что воздух над озером выкачали каким-то сверхмощным насосом.

Думаю, что со мной произойдет дальше... внимательно смотрю за австралийцем. А с берега несется невообразимый рев толпы...

Ну, а как до финиша догреб — просто не помню. Подхватили меня ребята наши, вытащили на плот.

— Качать...

— Качать Славку!

Посмотрел я на них и шепотом произнес:

— Да что вы, мальчишки... Я же сейчас в обморок упаду...

...Заснул я под утро. Скорее, не заснул — впал в забытие. И мне приснился сон. Будто два необыкновенных озера, ставшие для меня такими счастливыми, смотрят на меня округлыми человеческими глазами. Смотрят внимательно, хитро, испытующе.

Я проснулся от этого взгляда. За окном тихая ночь. Теплая ноябрьская ночь мельбурнского лета. Ночь, которая была заслуженным отдыхом для тех, кто уже отвоевал свое на олимпийском поле брани. И желанным отдыхом для тех, кто еще ждал свой черед.

«БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ»

Вернулись мы в Москву в ясный, солнечный, морозный день 8 января. Вышли на площадь у Ярославского вокзала и... замерли. Казалось, вся столица, вся страна пришла встречать нас сюда. Кто-то из приехавших другим поездом ахнул:

— Что здесь сегодня, праздник, что ли?

«Да, — хотелось крикнуть ему, — сегодня у всех у нас большой, радостный праздник, который войдет в историю советского спорта!»

С трудом в толпе разыскали меня мои встречающие. Их было так много, что я даже растерялся: мама, сестры, какие-то дядьки из-под Смоленска, сестра из Киева... Одним словом, до предела заполнилась наша квартира на Большой Калужской. По-семейному расселись, зашумел на столе самовар, мать расставила угощения и сказала:

— Ну, Слава, рассказывай...

Начал я часов в двенадцать дня и не заметил, как день пролетел. Было за окнами совсем-совсем темно, когда в прихожей раздался телефонный звонок. Сестра вышла, крикнула:

— Слава, тебя. Подойдешь?

Сидел я в самом углу, припертый к стене столом, проходить было трудно.

— Кто спрашивает?

— Какая-то девушка...

В один миг я оказался у аппарата, а еще через несколько минут, наскоро распрощавшись с родственниками и родными, я выскочил на заснеженную улицу...

Мы познакомились с Томой на «Стрелке», часто вместе ходили на тренировки. Когда-то я помог ей поднести ее скиф, когда-то она мне перед самым стартом пришила на майку отлетевший номер участника...

Мы встретились на Дубининской улице, где жила Томка, и долго стояли под ярким фонарем, не замечая, как пушистый снег укутывает нас.

— Ты где теперь, Томка? — спросил я.

— В МГУ, — ответила она. — На физическом факультете.

— Молодец, — сказал я ей. И не зная, что добавить, еще раз повторил. — Молодец.

— Сама знаю, что молодец, — ответила она.

Мы рассмеялись. И побежали к Томкиному дому, потому что ее мама хотела познакомиться со мной и ждала нас к чаю...

Томка ежедневно ходила на лекции. Я приходил в университет и часами стоял у широких дверей аудиторий.

— Ты сегодня опять попросился в ночную? — укоризненно спрашивала она в короткие десятиминутные перерывы.

— Конечно, — кивал я.

Я просился в ночную, чтобы днем и по вечерам видеть Томку. Спал я в сутки часа по три-четыре, не больше.

Прошел месяц. Однажды мне позвонил Демьянов.

— Слава, тебе не кажется, что время отдыха прошло и пора браться за работу?

— Успеется, Демьяныч, — ответил я.

Честно говоря, мне казалось, что все теперь будет даваться легко, что за первыми победами — что бы ни происходило — придут другие.

Дней через десять Игорь Янович позвонил снова. На этот раз я не мог послушаться. Но после каждой тренировки я бежал на свидание. И до тренировки — тоже. Поэтому на самих тренировках я, естественно, не мог работать в полную силу. А однажды, случилось, заснул на веслах. Ну и хохоту было.

Только Игорь Янович не смеялся. Он вызвал меня на откровенный разговор, и я навсегда запомнил слова, сказанные им тогда:

— Есть в жизни ряд вещей, Слава, которыми нельзя заниматься наполовину. Искусство, наука, спорт требуют полной отдачи, требуют почти нечеловеческого труда и великой жертвенности. Конечно, если ты хочешь быть соответственно великим художником, ученым или чемпионом. Это надо понять...

После этого разговора я стал работать в зале и на воде гораздо больше, гораздо серьезней, но отказаться от встреч с Тamarой не мог. Вернее, не хотел. Мне было восемнадцать лет, я чувствовал в себе огромные силы и был уверен, что все будет хорошо.

Весной меня призвали в ряды Советской Армии. Жизнь молодого воина общеизвестна: мы учили уставы, посещали политзанятия, занимались долгими часами строевой подготовкой. Когда был окончен курс молодого бойца, меня стали отпускать на тренировки: в Вооруженных Силах спорт в огромном почете, и для меня, уже имевшего громкие титулы чемпиона Европы и олимпийских игр, командование создавало все условия для поддержания формы и подготовки к состязаниям.

Но иногда я все же пропускал занятия: то мы шли с Тamarой в кино, то просто отправлялись гулять по нашим с ней любимым Ленинским горам. С их высоты открывался чудесный вид, и я видел, как по зеркальной глади реки проносятся быстrokрылые лодки моих товарищей по армейскому клубу. В такие минуты у меня тревожно щемило в груди. Надвигались ответственные состязания. Меня ждали новые встречи со старыми, ждущими реванша соперниками.

В начале июня мне сообщили, что я поеду на Хейнлейскую регату и что там собирается выступить Стюарт Маккензи. Это имя, признаться, меня очень подхлестывало, и в течение месяца я работал, как в старые добрые дни. Проходил за тренировку по 40—50 километров. У Тamarы тоже приближалась пора экзаменов, и часто она ждала меня на берегу, коротая время за учебниками.

— Завидую тебе, — говорила она, кивая на лодку. Она до сих пор не могла забыть своей привязанности.

Наступил июль. Мы вылетели в Англию. Лондон, вопреки рассказам и сложившемуся по книгам впечатлению, встретил солнечной, теплой погодой, голубым небом и отнюдь не чопорной публикой. Нас узнавали на улицах, подходили, жали руки:

— Здравствуйте! — говорили многие на ломаном русском языке.

Команду разместили в фешенебельной гостинице «Гран холл отель», предоставив каждому участнику отдельный номер. На книжном столике лежали альбомы, рассказывающие о Хейнлее.

Этот небольшой старинный городок на Темзе, в нескольких десятках километров от британской столицы, всемирно известен тем, что здесь с 1839 года и непрерывно, исключая лишь годы второй мировой войны, проводится крупнейшая международная регата на академических судах, победа в которой считается для любого спортсмена большой честью — ничуть не меньшей, чем, скажем, для теннисиста выигрыш Уимблдонского турнира.

Состязание это имеет ряд весьма существенных особенностей. Начнем с того, что дистанция несколько необычна — не классическая (2000 м), а чуть длиннее — 2111 м. Спортсменам, опять-таки вопреки установившейся традиции, приходится грести по Темзе против течения, по довольно узкому, ограниченному специальными ограждениями фарватеру. По нему могут продвигаться одновременно не более двух лодок. Это

обусловило раз и навсегда правила соревнований: олимпийская система, проигравший выбывает.

Советские гребцы впервые были приглашены для участия в этом пользующемся огромной популярностью состязании в 1954 году и с тех пор неизменно стартуют я нем то в одном, то в нескольких классах лодок. В разряде одиночек успех нашим гребцам не сопутствовал еще ни разу, и английские газеты единодушно писали, что «олимпийский чемпион Иванов приехал нарушить эту не столь долгую, но весьма печальную традицию».

На следующее утро к подъезду отеля подали несколько легковых автомобилей, и эта сверкающая кавалькада понеслась, а точнее поползла, к Хейнлею.

Я сел на весла, пошел вниз по реке и вдруг услышал громкое, а главное, совершенно неожиданное:

— Алло, Слава!

Оглядываюсь: Маккензи. Смотрит на меня, улыбается, приветственно машет рукой.

— Приехал? — спрашивает по-русски.

— Приехал, — киваю ему.

Смеется. Подумал, подумал и говорит, очень правильно причем:

— Хорошо, до скорой встречи!

И исчез. Пошел вверх по Темзе, все набирая и набирая скорость.

Встреча меня удивила, расставание — нет. Я прекрасно знал, что австралиец совершенно не переносит совместных тренировок, под любым предлогом отказывается от них.

Каково же было мое изумление, когда за два дня до начала состязаний Стюарт сам подгреб ко мне и предложил:

— Давай прокатимся вместе?!

Отказываться не было никакого резона. Я согласился, и мы покатили вверх по Темзе, отделенные друг от друга разграничительными полосами, обозначавшими дорожки. На этих дорожках нам вскоре предстояло «скрестить шпаги». Сначала шли спокойно, потом, как говорят у нас, «завелись» и решили пройти тысячу метров в полную силу. Мы действительно отдали гонке все силы, и Стюарт в конце концов был вынужден уступить.

Тренировка была нашим личным делом, мы провели ее лишь по обоюдному договору и, как казалось, вдали от людей. Но на следующее утро в газете «Дейли мейл» появилась огромная фотография, запечатлевшая нас на финише, и под ней статья с явно сенсационным заголовком — «Тайная гонка». Я приведу выдержку из этой статьи, потому что она довольно правильно отображает ход событий и наших рассуждений.

«Тайная гонка», — повествовала «Дейли мейл», — заинтересует Хейнлей. Два сильнейших гребца — Вячеслав Иванов и Стюарт Маккензи — разыграли на Темзе, в Хейнлее, «тайную гонку» за два дня до открытия регаты. Иванов снова победил Маккензи. Но победил ли?

Всему гребному миру известно, что двухметровый рыжеволосый гигант Стюарт Маккензи обычно тренируется один, совсем один. Всем на удивление, он на этот раз сам предложил русскому провести прикидку на тысячу метров. Половину дистанции спортсмены шли вместе, но в конце концов австралиец отстал на полтора корпуса. Все описано точно, но русские считают, что Маккензи на этот раз их мистифицировал».

Действительно, наши тренеры в один голос утверждали, что мой соперник далеко не исчерпал в гонке всех возможностей и умышленно на самом подходе к финишу прекратил сопротивление.

Удивляло и многое другое в поведении австралийца. Обычно весьма словоохотливый, даже несколько крикливый, раздающий налево и направо заверения о победе, он подчеркнуто проявлял несвойственную ему скромность. Его интервью представителям

прессы были предельно осторожны, и в каждом из них он подчеркивал, что видит единственно возможного победителя — Иванова.

— Лиса, — говорили ребята, — что-то недоброе он задумал.

Избранную роль Маккензи сыграл до конца. Вот уже арбитр установил нас на старте, спросил, готовы ли мы... Вот уже прозвучало повелительное:

— Портэ!

И почти одновременно с этой командой воздух прорезал исступленный крик моего соперника:

— Маккензи капут!

Даже сейчас, делая свой первый гребок, он думал о том, чтобы усыпить мою бдительность, расслабить мою волю.

Борьба сложилась интересно и немедленно приняла острый характер. В отличие от мельбурнской гонки Стюарту не удалось уйти далеко вперед, и я три четверти дистанции сидел у него на корме, проигрывая не больше 0 2 секунды. И зная свое преимущество в скорости, свою полную возможность в нужный момент «прибавить», чувствовал себя совершенно спокойно. Я был уверен, что настигну «лису».

Собственно, все и шло по давно уже намеченному мною сценарию. Когда до финиша оставалось метров четыреста, я сделал затяжной спурт, достал и обошел моего соперника...

Беда нас подстерегает часто тогда, когда мы меньше всего думаем о ней. Так случилось и теперь. Увлеченный спуртом, обрадованный тем, что очень легко настиг соперника, я на какое-то время потерял пространственную ориентировку и с полного хода налетел на ограждения. Удар был так силен, что лодку даже развернуло. Маккензи, естественно, воспользовался этим и, пока я наращивал ход, ушел корпуса на два вперед.

Но я и не думал сдаваться. Наоборот, случившееся пробудило во мне огромную ярость и придало новые силы. Через сто метров снова настигаю беглеца. Это произошло так быстро, что я даже сам не ожидал. Сравнялся с ним, обрадовался и... снова попал на ограждения. Теперь в нем запуталось весло. Надо же такому случиться!

Австралиец снова получил неожиданный гандикап. А я снова бросился в погоню, делая, казалось, все возможное, чтобы ликвидировать просвет. Трибуны, заполненные зрителями, взревели так, словно это не та страна, где живут невозмутимые, не умеющие волноваться люди. Кипела вода под ударами весел. Кипели страсти на берегу.

Мы финишировали под один и тот же удар колокола и долго сидели в лодках друг против друга, ожидая третейского решения. Прошло минут десять, может быть, даже больше. Наконец, голос судьи, усиленный динамиком, объявил на английском, французском и русском языках:

— Первое место присуждается Стюарту Маккензи.

Фотоленка показала, что разница между нами составила 0,002 секунды. Но это могло служить лишь слабым утешением для меня — больше никого такие тонкости не интересовали. Победа есть победа, поражение — поражение. Правда, те, кому довелось видеть гонку, еще отдавали должное тому, как отчаянно пытался я спасти ее. Но пройдут дни, детали канут в вечность, и останется голый исторический факт: русский гребец Иванов проиграл в июле 1957 года в Хейнлее гонку престижа австралийцу Маккензи.

Я думал об этом и в лодке, ожидая приговора судей, и много-много дней спустя. Думаю и сейчас. Все, что произошло тогда, казалось мне чистой, хотя и трагической, случайностью, каким-то дьявольским невезением — не больше. Я еще не понимал, что грозно, сурово и неотвратимо на меня надвигается расплата за часы и дни отступления, за слабость характера, за забвение никем не писанной, но священной, как присяга, формулы, одинаково подходящей и солдатам, и спортсменам: «Тяжело в учении — легко в бою».

Хорошо приезжать на родную землю победителем, невыразимо трудно — побежденным. Никто не хочет тебя обидеть, но все разговаривают с тобой так, смотрят на тебя так, словно ты не смог совершить самого простого или проиграл нарочно. Или, чего еще хуже, — начинают утешать. И ты не знаешь, где найти себе место.

Итак, я потерпел поражение. Было, конечно, очень обидно, но рядом оказалась Тома, и я забыл про все горести на свете. Она говорила мне:

— Что-то, Слава, ты начал сдавать...

— Наверстаю, Томка!

Я прекрасно понимал, происходит что-то неладное. Но по-прежнему считал все случайностью, неблагоприятным стечением обстоятельств. Да, трудно, очень трудно самому увидеть, что ты стал значительно слабее самого себя, сдал, отступил. Трудно сознаться себе в этом. А новые мои тренеры не обладали прямоотой Демьянова.

В конце августа сборная Советского Союза выехала в Дуйсбург на очередной чемпионат Европы по академической гребле. Настроение у меня было явно не боевое. Последние неудачи, по существу первые в моей жизни, выбили меня из колеи. Впервые я не верил в свои силы.

Это был, пожалуй, самый невеселый для меня чемпионат. Уже в предварительном заезде я проиграл два корпуса своему старому знакомому фон Ферзену, в финале я был лишь третьим — после Маккензи и фон Ферзена...

Мне было стыдно, больно, и с аэродрома я не поехал со всеми, а выждал и сел в полупустой ночной автобус. Передо мной сидело только два пассажира: парень и девушка. Он держал в руках какой-то цветной журнал — одна за другой, красными, синими, зелеными пятнами сверкали страницы. Девушка иногда наклонялась к парню, они что-то разглядывали вместе.

Мне было не до этой пары. Я смотрел в окно на затемненный город и думал свои невеселые думы. Старался как-то осмыслить, лучше понять, что же все-таки произошло. Точнее, что происходит. Я десятки раз спрашивал себя: что это — конец? Такой неожиданный и странный? А если нет, то как выйти из тупика? Каким путем возвращаться к победам, к уверенности, к силе? Ах, если бы в ту минуту рядом был Демьяныч. Он бы сказал, конечно:

— Путь один, Слава, — труд.

Резкий толчок вывел меня из забытья: мы остановились у светофора. Я взглянул вперед и обомлел: с журнального листа на меня глядел непохожий на меня, счастливый и радостный парень с олимпийской медалью на груди. Портрет перерезали крупные, непонятные буквы.

— Кто это? — спросила девушка.

— Да наш парень. Олимпийский чемпион. По гребле.

— А что там написано?

— Что написано? Да вот — «Вячеслав Иванов — счастливый баловень судьбы».

Я поднял воротник плаща, вышел на первой остановке и зашагал по безлюдной Москве. Я шел, слушая гул своих шагов, а мозг по-прежнему сверлила фраза из английского журнала годовой давности, которая сейчас звучала, как злая ирония.

«6.58,8!»

До сих пор не могу этого забыть.

В конце сезона газета «Комсомольская правда» напечатала статью заслуженного мастера спорта Льва Кузнецова «Случайно ли?». Я читал и не верил своим глазам. Опытнейший в прошлом гонщик, вроде бы авторитетный педагог представил меня перед глазами миллионов каким-то пьяницей и гулякой. Меня душила обида. Ведь в то время я вообще не знал вкуса вина. Даже на торжественном семейном ужине в честь моей олимпийской победы, несмотря на все уговоры и увещевания, ничего не пил, кроме лимонада и чая.

Я шел по улице и отворачивался от людей: мне казалось, что все смотрят на меня с ужасом и презрением. Я думал, как могли опубликовать такую чушь даже не побеседовав со мной, не спросив ни слова.

Бывают разные статьи. Большинство из них окрыляет, зовет на подвиги, разжигает желание сделать что-то очень хорошее. Другие вовремя указывают на допущенные ошибки, помогают быстрее и правильнее ликвидировать их. Эта — убила меня. Впервые в жизни я пошел в ресторан один. Ни с делегацией, ни на официальный банкет, а один.

Средний зал «Националя» сверкал изысканным лоском. Официант, по-видимому мой сверстник, спросил высокомерно:

— Что будете есть, молодой человек?

Я выбрал какую-то закуску и заказал триста граммов водки. Почему триста? Видимо, соображаясь с тем, что столько же заказал сидевший напротив мужчина. Пить я не умел, водка раздирала рот и вызывала отвращение. Сосед за столиком что-то говорил о бренности жизни. Он заказал еще триста и лез целоваться. Мне стало противно. Я вышел на улицу. Хотелось плакать. Чертовски хотелось плакать...

Беда не приходит одна. Мы почти уже договорились с Томой, что поженимся, и вдруг расстались. Боль от этой утраты долго не давала покоя. Не было рядом и моего любимого Демьяныча — сначала он, было, стал работать в ЦСКА, но вскоре ему здесь что-то не понравилось и он перешел опять на родную «Стрелку», в общество «Труд».

Я, по существу, тренировался один. Совсем один. И хотя у меня уже был выигрыш олимпийских игр, опыта явно не хватало. Случалось, я сильно «пересаливал», применял недопустимо большие нагрузки, потом уставал, устраивал перерывы. Я метался, не зная, где и как найти правильный путь. Я относился к делу все серьезней и серьезней, но невольные ошибки и просчеты сводили все мои усилия на нет.

Словно почуяв недоброе, Юра Тюкалов и Александр Беркутов снова пересели в одиночки. 5 августа в Химках я выиграл у них финал, выиграл с большим преимуществом, но это была первая и последняя радость сезона.

В Хейнлее я снова встретился с моим старым знакомым Маккензи. Увидев меня, он подошел с обворожительной улыбкой и сказал:

— Здравствуй, Слава. Первый раз я очень искренне приветствую тебя. Ты мне совсем не страшен. Наши газеты пишут, что ты в плохой форме и слаб, как никогда.

О, как бы много я отдал, чтобы именно тогда выиграть у него! Но, увы, газеты писали правду. И Стюарт слишком хорошо ее знал. Если год назад мой проигрыш действительно можно было объяснить случайностью и преимущество моего соперника можно было определить лишь при помощи фотопленки, то теперь Стюарт пришел к финишу впереди меня метров на сто. Примерно такое же преимущество он имел в Познани, на первенстве

Европы 1958 года, где я с большим трудом завоевал бронзовую медаль, пропустив вперед еще и фон Ферзена.

Спортивная пресса начала «хоронить» меня. Известный английский обозреватель, в прошлом неоднократный участник гонок в Хейнлее, Джон Морриссон, писал после моего второго проигрыша Маккензи:

«Вячеслав Иванов, стремительно поднявшийся в Мельбурне к вершине спортивной славы, теперь с такой же скоростью несется к своему закату».

Не так прямолинейно, но примерно в этом же плане высказывались и наши газеты. На этот раз мне не в чем было обвинять журналистов. Наоборот, их острые, принципиальные замечания заставляли меня еще серьезней смотреть на происходящее и делать правильные выводы.

Еще осенью я вернулся к старому, давно испытанному способу — кроссам. Многокилометровые пробежки по лесным тропинкам, в ослепительном своей красотой осеннем бору, возвращали выносливость, бодрость, а главное — хорошее настроение. Чем больше пота я оставлял на дистанции, чем длиннее оказывался счет пройденных километров, тем все тверже я верил, что постигшие меня неудачи — временные и за ними придет, обязательно придет пора удач.

С особым нетерпением ждал после окончания сезона наступления холодов. Люблю русскую зиму, люблю запах снега, вид запорошенных, обворожительно красивых елей, скрип под ногами, метели. Но больше всего я люблю лыжи. Иногда мне даже становится обидно, что я не избрал именно этот вид спорта. Люблю нестись по снежной целине, взлетать на крутые подъемы, камнем падать с круч и чувствовать, как отступает мороз, как кровь становится все горячее и горячее, а дышится так, словно ты подставил легкие ветру.

Как-то за городом, на лыжне, я встретил невысокого коренастого человека, легко скользящего по снегу. Казалось, он вышел за тем, чтобы полюбоваться окружающей природой и подышать пьянящим воздухом зимнего леса.

Я решил обойти его — страсть не люблю просто кататься на лыжах. Люблю гоняться. Рванул вперед, но не тут-то было: незнакомец прибавил шаг и, к моему изумлению, быстро «оторвался». Так быстро, что я даже не поверил.

Теперь меня уже взяло за живое. Сразу переключил скорость на соревновательную и снова увидел спину беглеца. Почти догнал, но потом ему снова удалось увеличить разрыв.

Так, все повышая темп, прошли мы с ним километров десять. Внезапно он остановился: веселый, раскрасневшийся, окутанный паром.

— Здорово ходишь. Ну, давай знакомиться. Николаев я.

В тот день мы вместе вернулись в город.

Мне стало ясно, почему так мучительно далось это преследование: майор Аркадий Николаевич Николаев совсем в недалеком прошлом был одним из сильнейших лыжников страны, неоднократным чемпионом Советского Союза. Сейчас, перестав выступать, он закончил военный факультет института физической культуры и получил назначение на единственную пустовавшую в это время должность в Центральном спортивном клубе Армии начальника команды гребцов.

Так нежданно-негаданно я «нашел» своего тренера. Вскоре выяснилось, что Аркадию Николаевичу официально поручено работать со мной и с моими друзьями — Борисом Добрыниным и Вячеславом Солдатовым.

Итак, у нас, кого ребята в шутку уже называли «обездоленными», появился новый тренер. Многим это казалось парадоксом. Но наша дружба и совместная работа в дальнейшем еще раз доказали, что в спорте больше всего необходимы здоровый, аналитический ум педагога и неистребимая любовь к делу. Конечно, мы прекрасно понимали, что не сможем получить от нового наставника, по крайней мере на первых порах, ничего нового в технике. Но это должно было компенсироваться. И действительно

компенсировалось — большой энергией, серьезностью, преданностью, которые проявлял Николаев по отношению к нашему общему делу.

Мы занялись генеральным планированием на ближайшее будущее. И если бы сейчас, когда все уже прожито и пережито, кто-нибудь задал мне вопрос о том, что же все-таки самое главное при построении учебно-тренировочного процесса, я бы ответил примерно так.

Конечно, главное — это самодисциплина, безоговорочная регулярность занятий и постепенное доведение нагрузок до предельных. Это формула общая, но без нее в целом и без каждого ее компонента в отдельности обойтись нельзя.

Но есть еще некоторые, на мой взгляд, очень важные, хотя и не бесспорные, вопросы.

Мне представляется чрезвычайно важным уметь, занимаясь спортом, сохранить свою индивидуальность, свое лицо, свой, как мы говорим, творческий почерк. Никогда не следует подстраиваться под кого-то, кого-то копировать.

Делай прежде всего так, как тебе удобно, как тебе лучше — вот основной принцип, вот высший закон движения к высотам спортивного мастерства.

Индивидуальность нужна, по моему твердому убеждению, и в таких вопросах, как подбор места для тренировок и организация их.

Помню, когда я попал в сборную, сразу пригласили на учебно-тренировочный сбор. Однообразие распорядка, обилие участников с самым различным уровнем подготовки, различных по возрасту, жизненным интересам и, наконец, просто по характерам, а также многое другое изрядно портило нервы и часто мешало настроиться на предельно деловой лад. Участие в сборах было одной из причин резкого срыва после Мельбурна.

И какова была наша общая радость, когда Аркадий Николаевич объявил:

— Будем жить и тренироваться под Москвой.

После тщательных поисков мы выбрали деревню Аксаково, лежащую на берегу залива, — там, где, собственно, и начинается канал имени Москвы.

Вода и лес. Девственная тишина. Простая пища. Простой и строгий образ жизни.

Должен признать, что эта жизнь нам давалась нелегко. Время от времени нас беспокоили тренеры сборной, критиковали, сомневались, требовали «не отрываться от коллектива». А мы жили в прекрасном трудовом коллективе, вместе с колхозниками частенько косили сено, складывали его в стога, заготавливали дрова. Вместе с ними ходили и на политзанятия, проводили беседы, спорили, читая газеты и журналы. Мы были всей душой с коллективом нашей сборной и работали изо всех сил, чтобы не подвести его. Работали в обстановке, которая нам больше всего подходила. Работали с огромным чувством ответственности, потому что, кроме всего, понимали, что обманывать нам некого. Обмануть мы могли только самих себя.

Ночевали на сеновале, где воздух пьянил и сон был крепок и безмятежен, как у младенцев. Вставали ежедневно в семь утра, выпивали стакан-другой парного молока и отправлялись в подступавший к деревне лес. Тридцать минут легкого бега заменяли зарядку. Возвращались бодрыми и радостными. Завтрак поедали на воздухе, в тенистом дворике у хаты наших «хозяев». Ели овсяную и пшеничную каши, яичницу, пахнущую дымом, запеченную в пепле костра картошку. Готовили сами, и это тоже доставляло нам удовольствие, а простая, здоровая пища казалась необыкновенно вкусной. Одним словом, на отсутствие аппетита мы не жаловались.

Примерно в девять-девять тридцать начиналась основная работа в лодках, и до трех часов дня мы оставались на воде.

Легких тренировок у меня не было — «катался» лишь по выходным дням. А так за сутки в добротном темпе нахаживал по 60—70 километров. Походы по воде я перемежал бегом в лесу босиком — по пятнадцать, а часто и двадцать километров без отдыха, по песчаным дорогам и тропинкам, дающим, как известно, дополнительную нагрузку.

Иногда у нас бывали и так называемые «третьи» тренировки, которые мы любили особенно. Дело в том, что по субботам и воскресеньям на берега Аксаковского залива приезжали сотни и тысячи туристов. Когда наступала темнота, огромное число костров загоралось по обоим берегам.

В такие вечера мы часто с Борисом Дубровиным брали парную двойку — легкую, бесшумную — и двигались в путь. Это были неповторимые прогулки. Казалось, наш скиф движется в каком-то сказочном царстве. Черная, мягкая, податливая вода была озарена отблесками пламени. Берега и все, что было на них, принимали необыкновенные очертания. Люди у костров казались призрачными существами, а может быть, жителями других миров. Мы летели вперед, не замечая ни пространства, ни времени.

Иногда в таких случаях летел к черту наш режим — мы возвращались на базу в полночь, а то и позже. Представляю, чтобы с нами было, случись такое на сборах. А тренер смотрел на это здраво: он знал, что и нарушение режима, и, может быть, излишняя нагрузка окупаются тем эмоциональным зарядом, который мы получили.

Наш вид спорта вообще, кроме всех благ, которые дает человеку физическая тренировка, дарит постоянное общение с природой, необыкновенные красоты, прекрасный союз воздуха, солнца и воды.

Итак, наш тренер не препятствовал нам в невинных развлечениях. Больше того, всегда и во всем он стремился придать нашим занятиям наиболее радостную эмоциональную окраску, строить всю работу так, чтобы у нас не исчезал к ней интерес.

Скажем, перед нами стоит задача — дать серьезные нагрузки на ноги. Как решался этот вопрос в сборной? По трафарету, избранному на годы: день за днем ребята выполняли в душном зале, пропитанном запахом человеческого пота, нудные подъемы штанги.

Николаев тоже заботился об укреплении наших ног. Но совсем по-иному. Мы часами лазали по горам, летом играли в футбол на песке, бегали кроссы и сражались в салки на песчаных дюнах, а зимой — в сугробах снега. Мы бегали по снежной целине без лыж, зарывались, проваливались по пояс, выбирались на дорогу, стараясь опередить друг друга. Разве можно сравнить это шумное веселье, эти возвращающие нас к детству забавы с пятнадцатью-двадцатью монотонными подходами к безмолвной гряде стали! Другие эмоции, другой расход нервной энергии, другой результат.

А нагрузки выпадали на нашу долю колоссальные. Только мы их не замечали. И в этом тоже было высшее искусство нашего тренера.

Аркадию Николаевичу я беспрдельно благодарен и за то, что он привил мне настоящую, серьезную, верную любовь к лыжам. Настолько серьезную, что зимой пятьдесят девятого года я участвовал в первенстве Москвы по слалому и в гонке мастеров на тридцатикилометровой дистанции. Ничего — пришел не последним.

В ту зиму я пробегал на лыжах по тридцать, пятьдесят, а то и по семьдесят километров. И это, конечно, сыграло решающую роль в моей подготовке к очередному, очень важному для меня сезону.

И все же я всегда старался совмещать полезное и необходимое с интересным. Например, долгие годы пять раз в неделю — преимущественно осенью и зимой — приходил в залы ЦСКА, где офицеры клуба и уже сошедшие «с дистанции» спортсмены в порядке физподготовки играли в волейбол. На площадку выходили такие асы, как Константин Рева, в недавнем прошлом капитан и лучший бомбардир сборной страны, его товарищи по армейской команде Григорий Гранатуров, Сергей Щербаков. Были тут ребята и не с такими громкими именами, но такие прыгучие, сильные, техничные — заглядишься. Играли обычно «на выкидку», потому что желающих всегда собиралось на пять-шесть команд, а площадок — только две. Ну и страсти разгорались в ту пору! Сражения шли, поверьте мне, на самом высоком уровне, в ошеломляющем темпе. Уходили

одни команды, я подключался в другие, получая колоссальное удовольствие и нагрузки, которые при обычных условиях я бы, может быть, и не вынес.

До сих пор с благодарностью и большой теплотой вспоминаю эту волейбольную эпопею.

Сколько мы придумывали для себя еще и других «сладких мучений»! Например, в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году я, Борис Добрынин и Вячеслав Солдатов, разумеется, с благословения тренера и нашего армейского начальства, отправились в Крым. От Симферополя до Ялты добирались на дорожных велосипедах и благополучно завершили этот пробег на берегу Черного моря. Мы за сутки, как отменные шоссейники, проходили по сто километров, взбирались на крутые подъемы, преодолевали перевалы. Вспомнишь — вроде бы всего лишь провели весело и увлекательно время, а на самом деле выполнили такой объем работы, на который в обычных условиях затратили бы вдвое-втрое больше времени.

Для того, чтобы придать каждой тренировке соответствующий эмоциональный тон, я на любом занятии, даже без указаний тренера, ставил перед собой какую-то очень конкретную и ограниченную цель, например пройти сегодня дистанцию или отрезок за такое-то время, «достать» случайно появившегося впереди на дистанции гребца. Таким образом, каждую будничную тренировку я превращал в маленькое соревнование, в борьбу с временем, выбранными мною соперниками, с самим собой. И дни — дни спортивной жизни — бежали интересно. И однообразие тренировочного труда, на которое жаловались другие, не было ведомо мне...

Сейчас очень много говорят о решающей роли морально-волевого фактора в соревнованиях. Спрашивают, как должен воспитывать в себе спортсмен высокие бойцовские качества? На что обратить внимание?

Да, сейчас, когда спорт стал всеобъемлющим, когда число классных, равных по силам гонщиков неизмеримо возросло, морально-волевой фактор в борьбе за олимпийские вершины имеет решающее значение. Но психологическую подготовку, по-моему твердо убеждению, ни в коем случае нельзя рассматривать как нечто обособленное, как отдельную дисциплину, что ли. Воля, боевой настрой, вера в свои силы и другие качества, которые мы вкладываем в понятие «психологическая подготовка», выковываются в процессе учебно-тренировочной работы, совершенно неразрывно от всех других задач.

Пример? Пожалуйста. Когда в Мельбурне на олимпийской дистанции я победил Маккензи, этот, безусловно, великий гонщик, поздравляя меня, между прочим, сказал:

— Ты заслужил свою золотую медаль. И заслужил честно. Но больше у меня не выиграешь никогда.

Я воспринял эти слова как шутку, не больше, но обстоятельства в дальнейшем — вы уже знаете — сложились так, что все чаще и чаще я стал вспоминать эту фразу. Два проигрыша в Хейнлее, неудача в Дуйсбурге, провал в Познани... Сами понимаете, моральный мой потенциал резко понизился, в своем воображении я и впрямь рисовал Маккензи непобедимым. Обо всем этом честно сознался Аркадию Николаевичу еще в самом начале нашей совместной работы. Он задумался тогда, а потом произнес следующие слова:

— Маккензи ты боишься зря! Все его «колдовство» состоит в том, что он пока работает больше и продуктивнее тебя.

Аркадий Николаевич познакомил меня с имевшимися в его распоряжении рабочими планами Маккензи (они были опубликованы, оказывается, в одном из американских журналов), выписал все его лучшие результаты прохождения дистанции в различных условиях и сказал:

— Ну, теперь — за дело!

Как мы занимались, я уже довольно подробно описал выше. И всегда, подводя итоги за день, за неделю, за месяц, тренер неизменно добавлял:

— Ну вот, сегодня мы еще чуть-чуть потеснили Маккензи.

Или:

— А Стюарт и не знает, что мы его обошли...

Такая целенаправленная, осмысленная работа незаметно, но неизменно приучала меня к мысли о реальности реванша, возвращала необходимый психологический тонус. Настроение поднималось не по дням, а по часам, особенно с той поры, когда мы спустились на воду. В начале июля, примерно за месяц до главных соревнований сезона, я прошел на прикидке дистанцию за 6 минут 56 секунд — так, как никто еще и никогда не ходил в мире.

— Вот теперь и посмотрим, как падут чары Маккензи, — сказал Аркадий Николаевич. — Он еще не знает, что ты его победил, но скоро узнает.

Так вел психологическую подготовку мой тренер. Он тесно увязал ее с общей программой тренировки, с моей физической и тактической готовностью.

Я шел навстречу решающим битвам окрыленным, с таким чувством, будто заново родился.

В конце июля Москва вновь стала гостеприимной хозяйкой, принимающей участников финальных состязаний II Спартакиады народов СССР. Мы, «академики», по-прежнему выясняли отношения в Химках, на старой и любимой нами динамовской базе.

Неожиданно к встрече представителей нашего класса судов общественность проявила чрезвычайный интерес. Вот что писал в те дни в одной из наших газет заслуженный мастер спорта Евгений Кабанов:

«Гонка одиночек всегда привлекает внимание, ибо сильнейший одиночник — это всегда абсолютный чемпион весла. В нынешнем сезоне на старт Спартакиады в классе одиночек выходят три опытных атлета, три олимпийских чемпиона, три очень сильных, закаленных в турнирных сражениях бойца — Иванов, Беркутов, Тюкалов. Трудно сказать, кто же из них выйдет на этот раз победителем. Бесспорное преимущество, которое имел в прошлом Иванов, постепенно исчезло...»

Итак, многие считали, что гонку между собой разыграют «маститые», но на деле получилось все не так. Уже к середине дистанции девятнадцатилетний московский студент В. Дубровский обошел олимпийского чемпиона 1952 года на одиночке Ю. Тюкалова и стал «доставать» А. Беркутова. Тот, в свою очередь, усилил темп. Многим даже показалось, что он настигает меня, но я, честно говоря, такой опасности не видел и спокойно закончил дистанцию впереди своего преследователя почти на полтора корпуса. Мое время было 8.25,2. У Беркутова — 8.29,2.

Тем не менее комментарии прессы оказались весьма своеобразными. Ряд специалистов, публикуя статьи в газетах, считали, что я выступил крайне неубедительно. «Вячеслав Иванов вновь стал чемпионом, но будь дистанция длиннее, он мог оказаться и под угрозой поражения». Я не обижался на такие умозаключения, хотя отыскать в них здравый смысл было трудно. Я прекрасно понимал, что в меня продолжают не верить. Верно говорил мастер цеха, у которого когда-то я работал:

— Доверие можно заслужить только делом!

Дошли до меня и слухи о том, какой серьезный спор разгорелся на заседании Федерации по поводу того, посылать или не посылать меня на очередной чемпионат Европы. В конце концов решили послать.

Макон, маленький, зеленый и очень уютный французский город, встретил нас плохой погодой. Шел дождь. Почти непрерывный. Дул очень холодный, порывистый ветер. Даже гребной канал вздулся волнами. Всюду пахло сыростью, все выглядело серым и мрачным.

В отеле я почти сразу увидел Маккензи. Он еще издали помахал мне рукой и сразу же подошел, громадный, подвижный и ни на кого не похожий.

— Здравствуй, Слава! — это было сказано на чистом русском языке.

Мы разговорились. Только теперь я узнал, что Стюарт сейчас перебрался в Англию (временно или навсегда — он не сказал), живет в Лондоне и много тренируется. Признался, что ему нравится этот город — шумный, живой, интересный. Спрашивал о Москве. Одним словом, мы разговаривали, как старые и добрые друзья, долго не видевшие друг друга. И поэтому мне показалось вполне естественным и объяснимым, когда в конце разговора Стюарт произнес:

— Ты разрешишь преподнести тебе небольшой подарок?

— Конечно, — улыбнулся я, мучительно раздумывая над тем, чем бы отблагодарить его в свою очередь.

— Вот, возьми! — Он протянул мне широкий платок с вышитыми на нем узорами: какие-то причудливые хитросплетения воды. Только посредине образовался белый круг и на нем пламенели две цифры — 4:1. Это был счет наших встреч. Счет, увы, не в мою пользу.

— Что ж, подарок со смыслом, — протянул я не очень-то радостно.

Стюарт только улыбнулся. И вдруг предложил:

— Пойдем потренируемся...

Шел дождь, холодный и нудный. Стюарт, неженка по природе, аристократ, очень не любил такую погоду. Не любил неудобства, грязь, не переносил отсутствие уюта. И если при всем при том он решился на немедленную пробу сил, то было ясно: он где-то уже услышал о моей форме, о моей достаточно высокой готовности, и ему не терпелось проверить все на практике.

Что ж, я согласился. «Разведка боем» вполне входила в мои планы.

Мы спустили на воду свои сверкающие гляncем лодки. И понеслись по сероватой, вспенившейся поверхности канала. Я «включил» полную скорость. Стюарт напрягся, но сделать ничего не смог, отставая все больше и больше. На берег он вылез бледный, растерянный, какой-то необыкновенно жалкий.

— Ужасная погода, — сказал он, словно перед кем-то оправдываясь.

— Да, неважная, — подтвердил я. — Но это, говорят, ненадолго. Давай завтра снова прокатимся вместе.

Маккензи только покачал головой: «Нет, не хочу».

Хотя прикидка закончилась весьма благополучно, настроение у меня несколько омрачилось, ибо я, как ни странно, не почувствовал скорости. Стал думать, в чем дело, и — понял. Тренировался я в Москве все время на лодке швейцарской фирмы, на ней и установил свой абсолютный рекорд скорости, впервые «выйдя» из семи минут. А во Францию привез новую, немецкую, которую не успел еще понять как следует, к которой попросту не привык.

Уже здесь, перед стартом, я понял, что совершил крупную ошибку. Выступить надо лишь на том судне, к которому привык, в которое веришь.

Размышляя об этом, я отправился в элинг и увидел там... швейцарку. Даже не поверил сразу своим глазам. Но это была она — точная копия той, что я оставил дома.

— Чья?

Оказалось, что скиф принадлежит чешскому спортсмену Вацлаву Козаку. Он приехал в Макон выступать и на одиночке и на двойке, но потом раздумал и остался лишь в двойке со своим напарником Шмидтом (через год в Риме этот дуэт стал золотым).

Я отыскал Вацлава и попросил у него одиночку.

— Чех никогда и ничего не сможет отказать своему русскому брату, — сказал он. И добавил: — Проиграешь — не ругай. Выиграешь — за тобой шампанское.

Не медля, стащил я скиф к воде, сел на весла и повеселел — все снова стало очень привычно, очень хорошо.

Маккензи теперь тренировался, как и обычно, отдельно. Не в силах испортить настроение на воде, он взялся в тот раз обрабатывать меня на суше.

Дело в том, что во Францию он приехал на своем новом, роскошном гоночном автомобиле. Он оставлял его на стоянке у канала, тренировался и... ждал, когда я отправлюсь домой. От озера до отеля километров пять, не меньше. Прекрасная, усаженная с обеих сторон деревьями дорога. И я охотно включил пешую прогулку по ней в программу своей подготовки.

Маккензи всегда знал, когда я отправляюсь в путь. Выждав какое-то время, он садился за руль и на огромной скорости (до 160 км в час) неся по шоссе. Увидев меня, он метров за 500 выключал двигатель и на «нейтралке», почти впритирку, проскакивал мимо, потом снова включал мотор и исчезал вдали.

Почти всегда это происходило в тот момент, когда я, полностью расслабившись, думал о чем-то своем... На третий день я, заслышав надвигающийся шум, повернулся лицом к машине Стюарта. Он подъехал ко мне со скоростью пешехода и, улыбнувшись глазами, предложил:

— Давай подвезу.

— Иди ты к черту... — И, видимо, что-то было такое в моем взгляде, что больше Маккензи меня не испытывал...

В предварительных заездах ничего особого не произошло: их выиграли фавориты, призеры прошлогоднего первенства. Самая трудная роль тут досталась фон Ферзену: он шел рядом с Коцеркой, но обыграл его в блестящем стиле. Маккензи занял первое место довольно легко, обойдя швейцарца Вассера и венгра Фока. Стюарт финишировал за 7.37,9. Я поставил перед собой задачу во что бы то ни стало показать лучшее время и добился своего — 7.32,6. Позади остались голландец ван Везенбек и югослав Власич.

Честно говоря, перед финалом я очень волновался. Долго, очень долго не мог заснуть. Мне все казалось, что Стюарт хитрил последние дни и что он снова чем-нибудь да удивит меня, снова оставит в дураках.

Наступил день финалов. Небо обложили тяжелые, свинцовые тучи. Казалось, не в эту минуту, так в следующую хлынет ливень. Но, к счастью, его так и не было.

Когда мы начали гонку, мои опасения насчет хитрости Маккензи еще более усилились. После старта он резко, легко и красиво пошел вперед — как в самые лучшие для него годы. Рядом с ним вплотную шел фон Ферзен. Половину дистанции они вели дуэль друг с другом — такую ожесточенную, словно смысл соревнований заключался в том, кому дольше удастся лидировать на дистанции. Я шел сзади, не отпуская своих соперников далеко и все время сохраняя предельную бдительность. «Хватит неудач, — говорил я самому себе, — хватит бронзы и утешений. Сегодня или никогда — вопрос стоит только так».

Еще задолго до старта я продумал тактику этой гонки и сейчас осуществлял ее идеально. Сразу после тысячеметровой отметки я начал спурт. Решительный спурт. В этом и заключалась основная идея моего плана: сразу «убить» соперников необычайным темпом. Темпом, к которому я был готов и которого они, вероятно, не ожидали. Маккензи боролся еще метров двести. Он предпринимал отчаянные попытки удержаться за мной вплотную, видимо, считая, что взятую мною скорость я сам долго не выдержу. На этот раз хитрый Маккензи заблуждался. Он сам вскоре понял это и, потрясенный морально, опустошенный физически, практически прекратил борьбу. Во всяком случае, кроме меня его обошли и фон Ферзен, и Коцерка.

Впервые после долгого перерыва, после горьких разочарований и тяжелых неудач я пересек линию финиша первым. Моему ликованию, кажется, не было предела: ведь это не только моя победа. Это победа Аркадия Николаевича, победа моих друзей.

Заезд уже закончился давно, а судейская коллегия все еще не объявляла результаты. Нетерпеливые французы начали вести себя, скажем мягко, весьма шумно. Тогда кто-то объявил по радио:

— Уважаемые дамы и господа. Результат победителя настолько фантастичен, что мы должны еще и еще раз проверить самих себя.

А на следующий день газета «Экип», которую знает, по-видимому, весь спортивный мир, поместила статью, в заголовке которой были только цифры: «6.58,8!».

«С таким феноменальным временем, — писал автор статьи, — вчера в Маконе олимпийский чемпион Вячеслав Иванов выиграл звание чемпиона Европы, которое он носил уже однажды три года назад. Его победа, в свете событий последних лет, сенсационна сама по себе. Но еще более сенсационно время прохождения дистанции, кстати, в очень трудных погодных условиях. Еще ни один одиночник в мире не сумел никогда пройти две тысячи метров резвее семи минут. Я не удивлюсь, если узнаю, что и через три года результат Иванова не будет превзойден».

Прошло тринадцать лет после моего победного старта в Маконе, а время это и сегодня остается абсолютным рекордом скорости для одиночников. И я не стесняюсь написать, что горжусь этим. Потому что минуты и секунды, показанные в Маконе, завоеваны истинно кровью и потом...

ГОД ТРУДНЫЙ — ГОД РАДОСТНЫЙ

Итак, свершилось. Я ехал домой в радостном, приподнятом настроении.

План на зиму 1960, олимпийского, года мы с Аркадием Николаевичем вырабатывали в тесном содружестве. Была рождена основная формула занятий: лыжи плюс бассейн.

— Будем заниматься тем, что ты любишь, — сказал мой наставник.

Плавание я действительно очень любил — «сотку» вольным стилем ходил под первый разряд (личный рекорд — 1 минута 0,5,2 секунды), с удовольствием выполнял скоростные рывки, участвовал в эстафетах 6×50 и без всякой боязни прыгал с десятиметровой вышки. Волейбол оставался моим «личным» достоянием.

Бывало часа по два с полным напряжением играл в эту замечательную игру. Потом все участники этих баталий «приходили в себя», а я отправлялся на основную часть тренировки и отмахивал на лыжах 50—60 километров.

Чуть не выбила из колеи одна неприятность. Приехали мы как-то в Аксакове и устроили товарищеский матч по футболу с местными мальчишками. В один из моментов, когда я стремительно рвался к воротам, страшная, острая боль пронзила поясницу. Я согнулся и... так и не смог разогнуться. Еле донесли меня товарищи до сеновала и хотели посылать за врачом, да я остановил их. Я знал, что это пришла, обострилась моя старая болезнь — радикулит.

Лечился в нашем физкультурно-врачебном диспансере в Лужниках. Можно много теплых слов сказать о людях этого медицинского учреждения, об их заботе, помощи. В короткий срок они вернули меня к тренировкам, а следовательно, к настоящей жизни.

В июне в Москве на Химкинском водохранилище проводились международные соревнования, посвященные 100-летию гребного спорта в России. Я считал, что не имею права пропускать такой турнир, тем более что он был последним крупным состязанием перед Олимпиадой.

В то время в Ленинграде во весь голос заявлял о себе молодой одиночник Олег Тюрин. Старший тренер сборной, заслуженный мастер спорта Евгений Самсонов во всеуслышание объявил на Федерации, что считает его моим главным конкурентом. На турнире в честь столетия он и в самом деле дал мне решительный бой, но все же в конце концов проиграл пять секунд.

На следующий день снова мучительно стала ныть спина. Я поехал к врачу.

— Если хотите стартовать в Риме — избегайте больших нагрузок на спину. Замените специальную подготовку общефизической, — таков был его совет.

Но руководители сборной все назначали и назначали контрольные прикидки. И это — за месяц до решающих стартов.

Ох эти контрольные прикидки! Любят их не только тренеры гребцов, но и многие другие — лыжники, легкоатлеты, пловцы. Любят проводить для самоуспокоения, для устранения мучающих их сомнений, наконец, для создания видимости в глазах начальства, как долго и тщательно, дескать, велись поиски. Проводим мы прикидки и за месяц до решающих состязаний, и за неделю, и за день иногда...

Да, «энергия не исчезает и не создается вновь»... И негде ее будет взять для решающего спурта, для последнего броска в борьбе за самую главную победу. Негде, если ты расплескал собранное по крупичкам в пустых спорах на пути к большому старту...

Я не против тщательного определения состава — ни в коем случае. Но я убежден в том, что окончательное решение по составу во всех индивидуальных видах спорта должно

быть принято не позже чем за два-три месяца до чемпионата мира, Европы или олимпийских игр. Только в этом случае спортсмен сможет правильно, спокойно, продуманно и целенаправленно построить свою подготовку к генеральному старту года.

Учитывая свое состояние, рекомендации врача и, наконец, считая право на поездку в Рим завоеванным, я отказался от четырех прикидок. И Евгений Самсонов все чаще и чаще стал говорить на собраниях и заседаниях:

— Иванов на Игры вряд ли поедет. Он не готов и боится очной ставки с Тюриным.

За несколько дней до отлета в Италию Николаева срочно вызвали на тренерский совет.

— Иванов обязан пройти прикидку, — сказали Аркадию Николаевичу.

— Я гарантирую, что он выиграет в Риме золотую медаль. Но дайте человеку подлечиться, — отпарировал тренер.

— Нет, прикидка или пусть сидит дома, — сказали тренеру. — В порядке исключения мы можем сократить ему дистанцию до тысячи метров.

Вы легко поймете мое состояние, когда я узнал об этом решении. Ведь было до предела точно спланировано все: и лечение, и тренировки, и отдых.

— Ничего не поделаешь, — развел руками Николаев, — придется гоняться.

Мне сделали новокаиновую блокаду. Гонка прошла в красивый солнечный день. Она была ненужной затеей, все это понимали. На тысячеметровом отрезке Олег Тюрин проиграл мне более десяти секунд и выглядел совершенно усталым, тогда как я мог все начинать сначала.

В Риме я оказался без наставника. Но ни это обстоятельство, ни сорокаградусная жара и влажность не могли испортить теперь моего настроения. Спина совсем поправилась — боль исчезла. Дни труда, проведенные с тренером, наполняли все мое существо необычайной уверенностью.

Сейчас, с дистанции времени, я могу твердо сказать, что Римская олимпиада была вершиной моей формы. Никогда ни до, ни после нее я не был так готов к сражению. Это было, пожалуй, единственное соревнование в моей жизни, перед началом которого я смело, не боясь никаких суеверий, говорил тренеру, своим товарищам, своим родственникам — всем тем, кто переживал за меня:

— Не бойтесь, золотая медаль будет нашей!

Я знал всех своих соперников и прекрасно видел, что в данный конкретный момент на голову выше их всех в своей подготовке.

Первую и, может быть, самую яркую свою гонку я провел еще задолго до начала официальных состязаний. Дело в том, что мой старый и непримиримый соперник, которого нельзя не уважать за все его свершения, — Стюарт Маккензи приехал на Олимпиаду за месяц до ее начала и долго, упорно готовился к решающим стартам. Просматривая итальянские спортивные газеты, я увидел, что они пестрели его портретами. Журналисты писали, что Стюарт отказался от каких-либо интервью. Писали, что он приехал в Вечный город так рано, чтобы серьезно подготовиться к состязаниям и взять реванш за Мельбурн, осуществить свою олимпийскую мечту.

Разумеется, мы с ним встретились сразу же на Альбано — в день моей первой тренировки на этом великолепном озере.

— Попробуем?

— Попробуем.

Прошли вместе тысячу метров, и он проиграл мне на этом отрезке корпуса два. Такого прежде не бывало: Стюарт славился прекрасным стартом.

Настало утро другого дня. Наши лодки опять как замороженные стояли рядом.

— Попробуем?

— Давай!

Я увидел в его руке секундомер: Стюарт уже не доверял самому себе, не доверял своим ощущениям. Мне было в какой-то мере жаль его, но ни в коем случае нельзя было позволить себе распустить нюни. Я решил показать ему, что хожу не хуже, чем в Маконе. Он отстал на четыре корпуса.

— Сколько? — крикнул я, кивнув в сторону его руки.

— Хорошо, — ответил он, стараясь выглядеть как можно бодрее. — Ты молодец, Слава! Большой молодец.

На следующий день (это меня чрезвычайно удивило) Стюарт опять решил погоняться и — снова проиграл. Потом еще и еще. Причем каждый раз, когда наши лодки выравнивались, чтобы принять ничего не значащий в данном случае старт, я видел, как у Стюарта дрожали руки.

25 августа я приехал на Альбано необычайно рано: ярко светило солнце, из окна моей комнаты виднелось спокойное, безмятежно красивое озеро (мы останавливались во «Дворце гребцов», как называли тогда летнюю резиденцию папы римского, которую он любезно предоставил на время Игр в наше распоряжение). На круглом столе в холле лежали небрежно брошенные кем-то свежие газеты. На одной из них я увидел портрет Стюарта. Грустные глаза. Усталое лицо.

Я бросился разыскивать переводчика. И вот какой-то незнакомый парень прочел мне бесстрастно слова заголовка:

— «Стюарт Маккензи отказывается от своей золотой мечты. Он покидает Вечный город — столицу XVII Олимпиады».

Это было моей психологической победой — самой памятной и яркой из всех, что принесли мне дни моей спортивной жизни. Но я не испытывал тогда никакой радости, нет. Наоборот, день показался невероятно длинным, и было тоскливо оттого, что потерял настоящего соперника.

Предварительный заезд прошел незаметно, а накануне финала нас всех собрали в главной Олимпийской деревне на комсомольское собрание. Прошло оно, как всегда на Играх, интересно: зачитали приветствия, полученные с Родины, Зигманс Юкна — с распашной двойки — прочел обращение ЦК ВЛКСМ к нашим олимпийцам. А потом мы слушали чудесные пластинки с записями наших певцов и пели сами. Пели о подмосковных вечерах, о русской черемухе и еще о многом-многом бесконечно дорогом.

На следующее утро нам подали автобус, и я уже облюбовал себе в нем место (все-таки сорок километров до Альбано), но подошел председатель Всесоюзного комитета Николай Николаевич Романов и не то сказал, не то приказал:

— Поедешь со мной!

Не успела наша машина тронуться с места, как руководитель нашей делегации стал всячески меня подбадривать и несколько раз вспоминал пословицу, в которой говорится, что черт не так страшен, как его малюют. Я буквально не понимал, в чем дело, куда и к чему он клонит. Слушал-слушал и в конце концов честно спросил об этом.

— Видишь ли, дружище, — сказал Николай Николаевич, — мне доложили, что ты, конечно, в хорошей форме, но нервишки шалят. Верно?

— Нервы мои в полном порядке, — ответил я, — и золотую медаль завоюю обязательно.

— Ой ли?

— Завоюю, — подтвердил еще раз свою решимость. И, осмелев, добавил: — Николай Николаевич, если я сдержу свое слово, уважите одну мою просьбу?

— Какую?

— Отправьте первым самолетом домой.

— Что, так надоело?

— Очень, — сознался я.

— Ну что ж, хорошо. Только ведь еще выиграть надо...

— Это уже вопрос решенный.

— Ну и ну. Видно, и в самом деле насчет твоих нервов мне приврали.

— Конечно, — подтвердил я. — Сейчас сами увидите.

Может быть, об этом в какой-то мере кощунственно писать, но финальная гонка сложилась для меня, как самая обычная тренировка. Даже тренировка со средней нагрузкой. Я ушел со старта, делая 28—30 гребков в минуту, мои соперники, среди которых главными считались А. Хилл и Т. Коцерка, взяли гораздо более напряженный темп — 34—36 гребков. После тысячи я чуть прибавил (до 30), а последние пятьсот метров резко увеличил работу (44 гребка в минуту!). Мои соперники ничего не смогли противопоставить этому рывку, и я без всякого напряжения укатился к финишному створу. Время, показанное мною, было довольно высоким — 7.13, но оказавшись на дистанции Маккензи, я бы, ей-богу, улучшил свой результат, год назад показанный в Маконе.

Итак, я сдержал свое обещание. Ближайший самолет улетел вечером. Меня не отправили на нем: билеты надо было заказывать заранее.

— Куда ты спешишь? Посмотри город, походи по магазинам.

Смотреть город без гидов и переводчиков было неинтересно, а посещать магазины за рубежом я не терплю. Мне органически противно рысканье в поисках красивых тряпок, хотя, вероятно, нет ничего зазорного в том, что кому-то нравятся иностранные вещи. Но натуру не переделаешь. Я накупил целый ворох пластинок с записями великих певцов и отправился к Николаю Николаевичу.

— Ну, что с тобой делать? Хорошо, полетишь сегодня...

Вечером я уже был в Москве, добрался на такси до Речного вокзала и первым попавшимся катером махнул в Аксакове. Хотя Аркадий Иванович был уверен, что я прилечу гораздо позже, с основной группой, бутылка шампанского уже ждала меня. Подошли ребята, села за стол хозяйка. Мы подняли бокалы с игристой влагой, которая так не шла ко всему, что лежало на столе — к пахучей разварной картошке, к светло-розовому, тающему на зубах салу, к хрустящим малосольным огурцам и пахучей грибной солянке.

Меня забрасывали вопросами, а я, к стыду своему, даже не знал, что рассказывать.

— Трудно было? — спросил Аркадий Николаевич.

— Нет, — чистосердечно признался я. — Совсем нетрудно. Даже обидно как-то.

— Да, прав был Суворов... — оживился мой тренер.

Мы засиделись допоздна. Пора было и отдыхать. Я залез на сеновал и подумал о том, как велик и как мал наш мир. Еще утром был в Риме, в суе Вечного города, в кипении олимпийских страстей. А сейчас все вокруг дышало покоем, пахло сеном, пахло милой Россией, и только здесь, только сейчас я понял все значение победы, понял, что по-настоящему счастлив...

Тяжело завоевать большую победу, но еще тяжелее после победы. Даже трудно представить, откуда вдруг появляется такое количество родственников, соседей, близких друзей. Все поздравляют, восхищаются вами и, конечно же, предлагают выпить за ваши медали, за ваше здоровье и за новые успехи. И только попробуйте отказаться! Сразу же обвинят в зазнайстве и неуважении к старшим, а то, чего доброго, и в отсутствии русского характера.

От всего этого меня, слава богу, спасло все то же благодатное Аксакове. Но была еще одна традиция, от которой убежать было нельзя да и, признаться, не хотелось: традиция выступления перед трудящимися. Из нашего армейского клуба шел один приказ за другим: поехать туда-то, выступить там-то.

Мы ехали, и, нужно сказать, каждая такая встреча заряжала огромным энтузиазмом, еще и еще раз убеждала нас в том, что спорт у нас в стране стал поистине не только всенародным делом, но и всенародной страстью.

Поездки, воинская служба (в ту пору я как раз готовился к сдаче государственных экзаменов в училище) занимали почти все время. Незаметно подкрался рыжelistный сентябрь, а с ним — очередной чемпионат страны. В среде спортсменов только и шли разговоры о том, что он буквально никому и ни для чего не нужен: все сильнейшие давно были выявлены, только что закончились олимпийские игры, ребята давно прошли пик формы. Несомненно, в данном случае проведение чемпионата было всего лишь данью условностям, «штампом», но, увы, Федерация не решилась проявить смелость и принципиальность.

Честно говоря, одним из факторов, побудивших меня раньше времени уехать из Италии был как раз этот злополучный чемпионат. Я очень хотел в нем участвовать и обязательно победить!

Двадцать пятого сентября разыгрывался финал. После безмятежной гонки в Риме мне пришлось здесь, у себя, выдержать невероятно трудную борьбу. Молодой, энергичный, обладающий первоклассной техникой ленинградец Олег Тюрин, не попав в Рим, планомерно, очень продуманно, совершенно спокойно готовился все лето, нацелив острие тренировочного графика на чемпионат. Меня же, как ни держался стойко, все же невесть откуда наползавшие заботы выбили из колеи.

К тому же — тоже следует признаться — я несколько недооценил своего главного соперника, мерил его прежней меркой. И жизнь чуть было сурово не покарала меня за это. Во всяком случае, очень зримо напомнила, что любого, кто выходит с тобой соревноваться, следует уважать в полной мере.

Со старта Олег резко ушел вперед, но я принял это не за выражение решимости дать мне отчаянный бой, а скорее — за страх Тюрина перед самим собой, перед возможностью очень крупно проиграть. Но когда мы прошли первую тысячу, я увидел нерадостную картину: посланец Невы был от меня впереди корпусов на восемь и продолжал работать в очень высоком темпе. Не помню уж, как мне удалось его настигнуть, я выжимал из себя все, что мог, а впереди по-прежнему была чужая лодка. Мне стало почему-то страшно, но я тут же взвинтил темп до 44 гребков. До финиша было метров сто, когда нос моей лодки, впервые за эту дьявольскую гонку, оказался впереди. Почти сейчас же прозвучал колокол. И я потерял сознание. Совсем ненадолго. Очнулся от поцелуя, открыл глаза и увидел Николаева.

Я очень обрадовался, увидев этого близкого мне человека. И решение созрело внезапно.

Как только мне вручили золотую медаль чемпиона страны, я отыскал Аркадия Николаевича и передал ему ее.

— Возьмите на память. Пусть она всегда напоминает вам о моей благодарности, о том, что вы, именно вы, вернули меня большому спорту...

Думая о будущих победах, о вечной необходимости быть сегодня сильнее, чем вчера, Николаев с первых дней зимы 1960/61 года ввел необычайно большой даже для нас, привыкших к этому, объем лыжной подготовки, стал тренировать нас, как заправских гонщиков.

— Я из тебя сделаю классного гонщика, — пообещал Николаев. Слова своего он «не сдержал», но отмерили мы не одну сотню, даже не одну тысячу километров снежных дорог, и пот, пролитый на них, помогал мне легко скользить к победным финишам на многих и многих гребных регатах.

Есть у меня и свои лыжные достижения, похвастаться которыми, не скрою, мне доставляет истинное удовольствие. В феврале шестьдесят первого года на первенстве СССР среди гребцов я выиграл лыжную гонку на 15 км, пройдя дистанцию за 55 минут 42 секунды. Через день почти до самого финиша лидировал на «тридцатке», и только совершенно неожиданное падение на ровном участке (лыжа ударились о выступивший

из-под снега сук) отбросило меня на второе место — 1 час 55 минут. Дважды я был в эстафетной команде лыжников ЦСКА, стартовавших на первенстве Москвы.

...Зимой готовились мы очень упорно и лето начали с больших нагрузок. Я не жалел себя, все время думая о том, чтобы попасть в Хейнлей и взять там реванш за две свои горькие неудачи. Увы, туда послали Олега Тюрина, он героически боролся, и только на самом финише отстал от Маккензи на полкорпуса. Стюарт в пятый раз подряд выиграл «Бриллиантовые весла». Одного этого вполне достаточно, чтобы навсегда войти в историю мирового спорта.

Я послал победителю теплую телеграмму из швейцарского города Люцерн, куда приехал на регату. Сама регата, хотя ее популярность растет из года в год, была для меня неинтересной, но говорили, что на следующий год здесь должен состояться первый в истории чемпионат мира по академической гребле, и ради этого, безусловно, стоило тщательно изучить климат, дистанцию и все, что в той или иной степени могло повлиять на ход борьбы.

Лето прошло в боевой службе (я уже получил офицерское звание и приступил к исполнению своих обязанностей), в тренировках, все нараставших по своей интенсивности. А в августе мы вылетели в Прагу, где проводились одновременно женский и мужской чемпионаты Европы.

В предварительном заезде вместе со мной стартовал «неизвестный» американец С. Кромвелл. Дебютант оказался крепким орешком — я с большим трудом выиграл у него одну секунду, а вместе с ней и право на выход в финал.

Газеты написали, что я показал высокое искусство финиша. Покажешь, когда так прижмет.

Финал, говорят, со стороны выглядел очень интересным. В тот день Прага была особенно хороша: ярко и щедро светило солнце, трибуны, вытянутые вдоль Влтавы, оказались переполненными до отказа, и за ними, вдоль обоих берегов, на всем протяжении двухкилометровой дистанции выстроились тысячи жителей чешской столицы.

Со старта я ушел пятым: впереди были и американец, и чех, и немец из ФРГ, и голландец. Выбираю привычный для себя темп — 26 или 28 гребков. Твердо знаю, что такая раскладка позволит мне сохранить силы для решающего рывка.

Проходим тысячеметровую отметку. Впереди уже всего три лодки, но ушли они сравнительно далеко. «Надо прибавить», — мелькает мысль. Начинаю работать куда энергичнее. А с обоих берегов, не переставая, несется мощное, неукротимое, накатывающееся на нас, как волна:

— Наздар!

— Наздар!

Проходим полуторакилометровую отметку. Я пока еще третий. Но к соперникам приблизился уже вплотную. И это вселяет в меня уверенность в благополучном исходе. Перехожу на 44 гребка. Метров через сто пятьдесят достаю Кромвелла. Американец прилагает огромные усилия, чтобы удержаться, и не видит, как слева на него накатывается стремительно Владимир Андре — прекрасный и волевой чехословацкий гонщик. Он пересекает финишный створ почти сразу вслед за мной.

Мне вручают золотую медаль и — вот она, привилегия одиночников — лавровый венок чемпиона Европы. Забираюсь в лодку, отхожу от плота чуть вперед и останавливаюсь, ожидая Андреа, которому в этот момент вручают серебряную медаль. Церемония награждения окончена.

Владимир подгребает ко мне, мы обнимаемся. И наши лодки, впереди остальных, выстроившихся в кильватерную колонну, идут вниз по Влтаве, сопровождаемые нескончаемой овацией пражан.

— Наздар, Иванов!

— Наздар, Андре! — несется с обоих берегов...

Новый, 1962 год мы встретили... на лыжне.

Мы шли уже часа полтора, когда Аркадий Николаевич взглянул на циферблат светящихся часов, остановился и сказал:

— Пора!

Остановился и я. Выбрали подходящее место, разложили костер, и вскоре яркое пламя озарило все вокруг. Вынули из рюкзака специально припасенную на этот случай бутылку шампанского — выстрел отозвался далеко вокруг.

— Пусть этот год принесет нам удачи!

Год наступал трудный: впервые нам предстояло отправиться за океан для участия в матче СССР — США и, что еще важнее, — впервые в истории спорта по решению Международной федерации разыгрывался чемпионат мира по академической гребле.

— В этом году, старик, мы не имеем права совершать ошибки, — сказал тренер.

— Понимаю, — подтвердил я. — Это как в шахматах. Нужны единственно правильные ходы.

— Вот именно.

В жизни спортсмена действительно наступают такие моменты, когда груз высочайшей ответственности ложится на плечи.

Совершенно естественно, что никто не гарантирован от того, что где-то есть соперник более талантливый, более умелый, который сумеет обойти, а точнее, превзойти тебя. Спорт есть спорт, и тут уж ничего не поделаешь. Но ты — ты обязан настраивать себя на самое большое свершение, обязан думать о победе и отдать ей все силы, всю волю.

Свободное от воинской службы время мы посвятили тренировкам. Нужно сказать, что мне пошло навстречу и командование части: я был полностью освобожден от нарядов, внеочередных дежурств, всего, чем так полна жизнь молодого офицера.

Первое испытание — матч с США. Назначен он был на начало июля. Незадолго до отлета мы небольшой группой спортсменов отправились в город Елгава, под Ригой. И там я трижды устроил для себя контрольную прикидку. В один из дней снова вышел из семи минут. Третий раз в своей жизни.

За две недели до начала соревнований мы прибыли в Нью-Йорк.

Подали трап. Выходим и... начинаются объятия. Нас встречают очень тепло, среди тех, кто приехал на аэродром, очень много старых и добрых знакомых. И впереди всех знаменитый Джон Келли, который гонялся еще с Юрой Тюкаловым в Хельсинки, а со мной — в Мельбурне.

Келли — потомственный гребец. Его отец Том Джон Келли был олимпийским чемпионом 1920 года на одиночке и 1924 года — в двойке парной. Именем этого великолепного спортсмена назван один из известнейших в Соединенных Штатах Америки гребной клуб и площадь в городе, где он жил.

Джон Келли-младший — инженер, глава известной строительной фирмы и попутно содержит спортивный, разумеется гребной, клуб «Вэсперн».

— Стараюсь как могу пропагандировать наш с вами вид спорта, хотя, честно говоря, в Америке он далеко не из самых ходовых, — признался он, когда Юрий Тюкалов, Саша Беркутов, Евгений Самсонов и я сели в его «Кадиллак» и по широкой и ровной, как взлетная полоса аэродрома, автостраде помчались в город Филадельфию.

Любуемся видами. Смотрим на спидометр. Скорость — шестьдесят миль, что-то около девяноста километров.

— Сколько можешь дать? — спрашиваем у сидящего за рулем Джона.

— Сто шестьдесят легко...

— Давай на полную! — кричит Юра.

— Давай! — поддакиваю я.

Он улыбается и отрицательно качает головой.

— Нельзя, друзья. У меня денег не хватит расплатиться за вас...

Как ни прекрасна дорога, как ни привлекательны были открывающиеся повсюду виды, мы почувствовали, что устали. Скорей бы отдохнуть.

Но вот уже нас подвозят в первоклассный отель «Шератон». Я устраиваюсь в уютном, двухместном номере вместе с Димой Семеновым — парнем с восьмерки, моим хорошим знакомым.

— Отдохнем? — спрашиваю не очень уверенно.

— А может быть, пойдем посмотрим базу, где будут гонки?

Разве может успокоиться душа спортсмена, пока он не увидит места, где ему придется сражаться!

Мы сразу же направились к эллингам, где нас уже любезно поджидал Джон Келли. Он открыл дверь, и я увидел целую коллекцию ослепительно сверкающих одиночек. Каждая из них была по-своему хороша, но так уж мы устроены, что даже из самого прекрасного хотим выбрать наипрекраснейшее.

Я быстро спустил на воду один скиф какой-то голландской фирмы, потом очень приличный на вид швейцарский образец. Каждый раз, когда я возвращался к плоту, хозяин вопросительно смотрел на меня, но я, как говорится, «набравшись нахальства», все качал головой:

— Не то!

Келли искренне огорчился.

— У меня отличный выбор. Давай поищем еще...

Наконец я увидел одну лодку, лежащую на самом верху, и сердце мое замерло.

Я повернулся к Джону и указал пальцем на мою избранницу.

Он замялся, а потом сказал откровенно:

— Эту лодку я бы не очень хотел давать. На ней еще никто, кроме меня, не сидел.

— Почему? Она очень дорогая?

— Дорогая, но не в том, не в денежном смысле. Она носит имя моей супруги.

Я понял его. Но вместе с тем я понял, что это очень хорошая, жесткая лодка, и стал критиковать остальные.

После недолгих размышлений Джон лихо, по-нашему, махнул рукой:

— Ну что ж, такому гостю не могу отказать. Бери...

А лодка для Келли действительно была очень дорога. В течение нескольких дней, когда я сходил на воду, меня неизменно сопровождал катер с двумя полицейскими. И стоило какой-нибудь лодке приблизиться ко мне на каких-нибудь двести-триста метров, как пронзительно свистела сирена и блюстители порядка грозно приказывали всякому встречному: «Отворачивай!».

Сердечно поблагодарив Джона за лодку, я отправился в отель и узнал очень неприятную новость: Сашу Беркутова срочно увезли в больницу, он не сможет принять участия в соревнованиях. А в делегации не имелось ни одного запасного гребца. Да, собственно, и брать их не было смысла — ведь экипаж — это как оркестр, он действует хорошо лишь при идеальной сыгранности.

После весьма недолгих рассуждений было решено, что в парную двойку к Тюкалову вместо Беркутова сяду я.

— Выдержишь? — спросили меня для порядка.

— Нужно выдержать — выдержу, — ответил, как солдат. А, впрочем, мы, вероятно, и впрямь похожи на солдат великой мирной армии, борющейся за спортивную честь своей страны. И, как солдаты, мы всегда должны быть готовы выполнить приказ.

Теперь дни у меня были загружены до предела: утром тренировка в одиночке, вечером — в двойке парной. Причем нужно сказать, что буквально с первого раза, с первых минут у нас с Юрой все получилось так, будто мы гонялись вместе долгие годы.

— Невероятно, но такой синхронности мы еще не видели, — говорили тренеры.

Действительно, все у нас шло красиво и слаженно. А однажды мы «подвели» нашу восьмерку: решили погоняться с ней и на пятисотметровом отрезке не отстали ни на миллиметр, даже, говорят, вышли чуть вперед. Это дало повод многим американским газетам написать, что «русская восьмерка подготовлена слабо, и в этом классе судов у гостей нет никаких шансов».

Наконец наступил день 4 июля. Когда мы выехали из отеля, термометр показывал сорок градусов в тени. Было влажно и душно, как в бане. Несмотря на все это, публика проявила необычайный интерес к состязаниям. Трибуны гребного стадиона были рассчитаны на десять тысяч человек, их заполнили до отказа, а вдоль берега реки Делавэр, на которой оборудована дистанция, разместилось еще сто тысяч. После Мельбурна ничего подобного на гребных гонках я не встречал.

Моим основным соперником был Кромвелл — гребец опытный и необычайно сильный. Кроме всего прочего, он уже прекрасно знал (составы мы были обязаны назвать за двадцать четыре часа до старта), что через сорок минут после нашей с ним гонки мне придется идти на двойке и что в связи с этим мне необходимо все время думать о сохранении хоть какой-то доли энергии.

— Я знаю, что имею мало шансов выиграть у такого гонщика, как Иванов, — сказал Кромвелл корреспондентам, — но сделаю все возможное, чтобы измотать его до предела в одиночке и, таким образом, открыть нашей парной двойке зеленый светофор к победе.

Нужно сказать, этот план Кромвеллу почти удался. Сразу же после старта стало ясно, что мы выбрали одинаковую тактику: во что бы то ни стало выйти вперед и держать противника под неослабным наблюдением.

Мы оба хотели добиться одного и того же, а когда получается так — неизбежно и неотвратимо с первых гребков завязывается ожесточенная борьба. Так получилось и сейчас. Мы фактически сразу же начали спуртовать, как будто затеяли спринтерскую гонку. Это было равносильно тому, что в ответственной игре по боксу соперники в первом же раунде без разведки, без подготовки, без игры пошли на ожесточенный обмен ударами.

Это было самое плохое и неприятное из всего, что только могло быть в той ситуации. Мы рвались вперед с предельной скоростью под оглушительный рев толпы, совершенно не думая о том, как будем догребать. Уступать, естественно, никому не хотелось, да и было невозможно: уступить в данной ситуации значило неизбежно проиграть.

Мы продолжали нестись по дистанции все в том же изнуряющем темпе, так, словно нас было только двое, оставив сразу же далеко позади четыре лодки, стартовавшие с нами вне зачета.

После тысячеметровой отметки я начал все-таки потихоньку выходить вперед. Несмотря на то что тяжесть поединка была непомерно велика, я следил довольно внимательно за своим противником и видел, что ему все тоже дается очень нелегко: он очень медленно делал захват, при этом на лице его было страдание. К отметке тысяча пятьсот метров я уже выигрывал примерно полкорпуса. Кромвелл несколько раз оглянулся, а потом — совершенно неожиданно для меня — предпринял отчаянный спурт и выдвинулся примерно на корпус вперед.

Меня озадачила эта новая вспышка энергии, я, естественно, немедленно среагировал на нее и, в свою очередь, вкладывая в каждый гребок последние силы, рванулся вперед и метров через сто догнал и обошел его. И тут увидел, что американец... бросил весла. Он отдал борьбе все. Все сделал для того, чтобы предельно измотать меня.

Я действительно очень устал. Вылез на плот и чувствую, что не могу стоять. Почти в полузабытьи участвовал а церемонии награждения, долго не мог понять, куда делась моя лодка (ее тут же по распоряжению Джона Келли увезли на специальном катере) и вообще на каком я свете.

Спасибо, огромное спасибо Ольге Николаевне Добрыниной, супруге известного советского дипломата, занимавшего тогда высокий пост посла СССР в Соединенных Штатах Америки. Она подъехала к наградному плоту на быстроходном, очень удобном катере, посадила меня в него, положила холодный компресс на голову, угостила каким-то чудесным освежающим напитком с глюкозой и доставила в тенистый уголок берега, неподалеку от места старта.

Тогда мне некогда было удивляться, но сейчас я с благоговением вспоминаю обо всем, что успела сделать для меня эта женщина. Диву даешься, как она все тогда предусмотрела и успела. На траве уже был постелен широкий надувной матрас, над ним установлен переносный вентилятор, на маленьком складном столике стояла розетка с нарезанными дольками лимона в сахаре.

Все это мне очень помогло, но, несмотря на заботу и сердечность Ольги Николаевны, сделавшей все возможное, чтобы восстановить мои силы, я чувствовал себя очень плохо. Чувствовал, что «выложился» до предела, что гонка забрала у меня все и я не смогу даже сесть в лодку — не говоря уже о состязании.

Назревала катастрофа. До старта парных двоек оставалось пятнадцать минут. Нам с Тюкаловым, по всем нормам, уже давно пора было быть на воде и разминаться, а я все еще лежал, не в силах подняться или даже оторвать голову от надувной подушки и посмотреть на Юру, который подогнал нашу лодку к самому берегу и, разумеется, страшно нервничал.

Я закрыл глаза, снова их открыл и... увидел перед собой Сашу Беркутова. Он, преодолевая боль, пришел, чтобы увидеть наш заезд, как следует «поболеть» за нас. Теперь он посмотрел на меня с надеждой.

— Что, Славка, может быть, соберешься?..

И тут еще заревела, забурила стотысячная толпа: наша восьмерка в отличнейшем стиле победила американскую. Беркутов проронил, словно невзначай:

— Теперь небось на двойке мечтают отыграться...

— Не выйдет! — буквально прорычал я совершенно неожиданно для себя и, стиснув зубы, встал. Все кругом плыло и качалось. Я сделал шаг, другой, третий. Дышать стало легче.

— Должен! Я должен во что бы то ни стало участвовать, бороться, победить.

Так я приказывал самому себе. Так подсказывала мне моя собственная совесть, мой долг гражданина и спортсмена.

И вот я в лодке. Американская двойка уже давно разминалась. Рослые, широкоплечие гребцы — на веслах сидели Д. Вильмердинг и В. Кнехт — непрестанно поглядывали в нашу сторону и, видимо, были крайне довольны всем происходящим.

— Рано, рано торжествуете, — пробурчал я себе под нос, чувствуя, как возвращается спортивная злость, а с ней и силы. И уже довольно бодро попросил: — Юра, ты начинай разминаться, а я пока отдохну.

И зрители, и судьи, и корреспонденты, и все свободные от заезда спортсмены ждали нашего поединка с нетерпением. Это был, по всеобщему мнению, поединок большого принципа.

Вновь мы столкнулись с обстоятельством, когда тактический план соперников был целиком и полностью схож с нашим. Обе команды выдвинули главную идею: решительная борьба, предельная борьба с самого начала.

Американский экипаж избрал такой тактический вариант в расчете на то, что я не смогу поддержать своего партнера, а сам Тюкалов не выдержит натиска. Мы приняли свое

решение, потому что знали: надо во что бы то ни стало обезопасить себя от всевозможных случайностей, создать какой-то «задел» сразу, пока у меня еще были хоть какие-то силы.

Нужно признать, что наши соперники оказались резвее. Они захватили лидерство, но долго удержать его не смогли. Уже после шестисот метров мы вышли вперед, разумеется, ценой огромных усилий.

Теперь у нас было территориальное преимущество (шли на корпус вперед) и возможность обзора. Но впереди еще лежало столько трудных метров, и я крикнул Юре:

— Гребь сам, прибавляй, а я — отдыхаю!..

Конечно, отдых был условный — я шел в ритме, но значительно сбавил усилия на проводке, а Юра тянул и тянул вовсю. Он показал себя в эти минуты великолепным бойцом, мужественным рыцарем атаки.

Но ничто не вечно. И далеко не вечен запас энергии в наших мышцах. Примерно за четыреста метров до финиша Юра хрипло прокричал мне:

— Славка... Не могу больше!..

К счастью, к этому моменту я уже немного отдохнул, пришел в себя. Понял, что уже могу идти с полной отдачей сил оставшиеся четыреста метров. Крикнул, в свою очередь:

— Юрка, давай финиш!

— Ну тебя к черту...

Я взял инициативу на себя, вкладывая теперь в каждый гребок весь запас силы. Нужно отдать должное Юре: он и в этот момент, практически проведя две трети гонки один, нашел в себе энергию и мужество, чтобы поддержать меня, идти в темпе. И мы еще больше увеличили отрыв, придя на три корпуса впереди наших свеженьких и откровенно надеявшихся на победу соперников.

Этой гонкой мы поставили победную точку в очень важном, принципиальном состязании сезона. Матч СССР — США был выигран по всем статьям.

«Русские доказали, — напишет одна из американских газет, — что являются великой державой и в таком сложном, изысканном и дорогостоящем виде спорта, как академическая гребля. Они заслужили любовь и уважение миллионов американцев своим искусством и мужеством».

Едва завершили процедуру награждения, ко мне подскочила какая-то миловидная девушка и стала стаскивать с меня майку. Меня несколько смутила создавшаяся ситуация. Но со всех сторон кричали:

— Иванов, не сопротивляйся! — или что-то в этом роде. И я сдался на милость победителя.

Как ни странно, но сейчас, пройдя еще раз двухкилометровую дистанцию в паре с Юрой, я почувствовал себя значительно лучше, чем прежде.

— Прокатимся? — предложил неожиданно ему.

— Ишь ты, какой прыткий... Ну давай...

Мы снова сели в лодку и отправились от плота на гребную базу, все наращивая и наращивая скорость. Мы даже и не думали, что за нами кто-нибудь наблюдает, но вдруг десятки тысяч зрителей, еще не покинувших берега реки, горячо и сильно зааплодировали нам. А на следующее утро многие американские газеты посвятили нашему дуэту особенно много места в описании матча. Вот одна из заметок, вырезанная тогда и чудом сохранный мной.

«Наши парни, — сообщал автор, — хотели измотать Иванова, но он и после второй гонки выглядел так, что мог пересаживаться в восьмерку...» Да, знал бы этот журналист всю правду...

Вечером мы были приглашены на банкет к Джону Келли. Его жена — тренер по плаванию — привела в дом своих учениц, девчонок-первоклассниц. Прежде всего мы все

чинно расселись у телевизора и стали смотреть повторение передачи о матче СССР — США. Я увидел свое искаженное усталостью лицо на финише одиночек и... испугался.

Потом мы пели, шутили, танцевали с девчушками по очереди, а в конце подняли тост за спорт, который объединяет людей планеты, сокращает расстояния между странами и народами, помогает найти путь к миру и сотрудничеству.

...Когда выезжаешь с Финляндского вокзала в Ленинграде на северо-восток по направлению в Токсово, за окном довольно долго тянется однообразная безлесая равнина. Поезд катит по ней, точно шар по паркету. И вдруг электровоз замедляет ход. Начинаются лесистые высокие холмы, и среди них мелькают озера. Поезд останавливается почти на самом берегу одного из них. Это — Кавголово, знаменитое на всю страну своими лыжными трассами. Но мало кто знает, что тут чудесно и летом.

Вот и другое озеро поблескивает овальным блюдцем. Это — Хеппоярви. Длина его около двух километров. Оно глубоко и уютно улеглось между двумя холмами, поросшими корабельными соснами. Старожилы говорят, что на нем почти не бывает волнений. Здесь возвышается над всей округой знаменитый лыжный трамплин. А рядом, на базе ЛВО, разместились гребцы.

Здесь, в этом живописнейшем месте, прошло очередное личное первенство страны 1962 года. Прошло оно через две недели после матча с командой США, и мы с Юрой Тюкаловым опять решили выступить вместе. Таким образом, опять я стартовал в двух лодках.

Одиночку выиграл сравнительно легко, опередив Сашу Беркутова на три корпуса. А вот с двойкой у меня связаны воспоминания о трудной, непримиримой борьбе.

Нашими соперниками в этом разряде оказались гребцы очень сильные и талантливые, позднее ставшие олимпийскими чемпионами в Токио, — Олег Тюрин и Борис Дубровский. Нашему экипажу в среднем было тогда, в Кавголово, 28 лет, а экипажу наших соперников — 24. Учитывая эту возрастную разницу, мы с Юрой, все тщательно обдумав и взвесив, решили тактически построить гонку так: спокойно уйти со старта, даже дать возможность соперникам чуть выдвинуться вперед, «тащится» за ними, сберегая силы, а затем «добить» мощным спуртом.

Настал день финалов. Пока я гонялся на одиночке, ребята, свободные от соревнований, отогнали нашу двойку на старт. Юра же дождался меня на финише, поздравил с победой и напомнил:

— Пора торопиться...

Мы сели в дежурный катер и поехали к стартовому плоту, но на самой середине озера заглох мотор. Катер потихоньку раскачивало на плаву, судьи и другие пассажиры, сидевшие в нем, подтрунивали друг над другом, над водителем, а мы поглядывали на часы и все больше волновались.

Короче говоря, на старт прибыли, когда участники уже выстраивались по сигналу судьи. Первым прыгнул в наш скиф я, за мной Юра и... вскрикнул от боли: нога уперлась в откуда-то взявшийся кусок стекла. Хлынула кровь.

— Перевяжись!

— Некогда.

— Давай попросим задержать несколько минут...

— Нет, Славка, нет...

— Готовы? — спросил судья.

— Готовы!.. — крикнул Юра.

Только раздалась команда, пославшая нас вперед, как я крикнул своему партнеру:

— Юрка, рвем сразу!..

Что произошло со мной, почему так, вдруг, вырвались эти слова — не знаю. Но вся до деталей продуманная, вроде бы глубоко осмысленная тактика полетела вверх тормашками.

Юра, не зная, в чем дело, подхватил мой призыв, мы рванули и почти сразу оказались на корпус впереди. Соперники увязались за нами. Разгорелась жесточайшая борьба, в которой ни одной из сторон больше не удалось ничего ни убавить, ни прибавить. Так, на корпус впереди, утомленные до предела, мы с Юркой и пересекли первыми финишный створ. Долго сидели на банках, не в силах наладить дыхание. И только минут через пять мой друг и напарник сказал:

— Авантюрист ты, Славка... Но иначе мы не выиграли бы.

Я улыбнулся. Решение, принесшее победу, вряд ли стоит называть авантюрным. Очевидно, оно зрело во мне давно и было подсказано тем, что мы называем точным словом — интуиция.

После награждения Олег и Борис подошли к нам, пожали еще раз руки:

— Спасибо! Это была прекрасная проверка перед чемпионатом мира.

О чемпионате мира мы все думали непрестанно. Проводился он впервые за всю историю гребного спорта и, естественно, каждому было лестно открыть список сильнейших гонщиков планеты.

Для меня этот турнир приобретал особое значение еще и потому, что в нем после долгого перерыва решил принять участие знаменитый Стюарт Маккензи, с которым у нас, как известно, были старые счеты.

У каждого спортсмена, на каком бы уровне он ни выступал, есть свой соперник номер один, с которым всегда наиболее трудно и наиболее приятно сражаться. Таким именно соперником для меня и являлся Стюарт.

Мы с ним не мерились силами с пятьдесят девятого года, после его проигрыша мне в Маконе. В шестидесятом он, как я уже рассказывал, приехал в Рим, но выступать отказался, а в шестьдесят первом окончательно переехал на острова, принял английское подданство и на чемпионате Европы выступал в составе английской восьмерки «Леандр-клуб», кстати, не стяжавшей никаких победных лавров. В том же шестьдесят первом он женился. Прислал приглашение на свадьбу и мне, даже обещал оплатить дорогу в оба конца, но болезнь помешала тогда мне совершить это, безусловно, приятное путешествие. Но Стюарту за добрую память, за приглашение я был бесконечно благодарен.

В Люцерне мы впервые увиделись с ним в эллинге. Я, естественно, подал ему руку, он протянул свою, и я заметил, как сильно она дрожала. Не могу сказать, что я чувствовал себя абсолютно спокойным, но внешне старался ничем не выдавать себя.

На чемпионат мира Стюарт приехал со своей молодой супругой, с пожилой рыжеволосой тещей, на руках у которой всегда восседала очень милая собачонка. Я был представлен семейству, и после этого теща Стюарта буквально не сводила с меня глаз, словно стараясь загипнотизировать.

Швейцарские газеты очень много писали тогда о чемпионате, но, пожалуй, больше всего — именно о Маккензи, о его супруге и теще с собачкой. Писали, что он очень хочет оправдать себя в глазах Англии, чье подданство только что принял, в глазах молодой супруги, чью любовь так недавно завоевал.

Наконец наступил долгожданный день финалов на уже хорошо знакомом и любимом мною озере Ротзее. Опять меня приятно поразило внимание публики... Зрителей собралось гораздо больше ста тысяч — бесспорно. Они заполнили снизу доверху гору, поднимающуюся от самого озера на огромную высоту — вдвое большую, чем у нас в районе Лужников. Я уж не говорю о трибунах, рассчитанных «всего» на двадцать тысяч человек. На них буквально яблоку негде было упасть.

На воду свои лодки мы спустили почти одновременно. Стюарт чуть раньше оттолкнулся от плота и вышел вперед. Я — за ним. Хотя до старта оставалось еще ровно тридцать минут, я понял сразу, что для меня и для него гонка уже началась. До стартового

плота было примерно тысяча метров, и каждый из них стоил нам обоим огромного нервного напряжения. Он шел на корпус впереди меня спокойно. Но чуть я усиливал темп, немедленно и ровно на столько же усиливал его Стюарт. Замедлял скорость я — замедлял и он. Хотя он был впереди, вне моей видимости, я прекрасно понимал, даже ощущал, что его глаза буквально сверлят меня, что каждый мой жест, каждое движение не ускользают от его внимания.

Это были самые длинные тридцать минут в моей жизни. Нервы напряглись до крайности, и я произносил, как молитву, одни и те же слова: «Скорей бы уж в бой».

Наконец этот долгожданный момент наступил. По международным правилам все участники должны быть у стартового плота не позже чем за три минуты до установленного срока начала гонки. Это правило выполнили все, кроме Маккензи: он все еще был где-то в стороне, на стометровом удалении, делая вид, что не справляется с лодкой.

— Господин Маккензи, делаю вам первое предупреждение, — объявляет в мегафон судья. Стюарт медленно, очень медленно, явно нехотя, подкатывается к нам. Боковой рефери выравнивает скифы.

На старте стоит неопишуемая тишина. Я невольно еще раз окидываю взглядом своих соперников, хотя уже всех давно и хорошо знаю. Суровые, напряженные лица. Чувствуется — все предельно собранно. Еще бы: годы тренировок, напряженного труда, все отдано ради этого момента, ради вот этих минут. Что сейчас творится в душе у каждого? Но лица соперников непроницаемы. Ты здесь один, совсем один и знаешь только самого себя. Товарищи, тренеры, зрители сидят вдалеке, в двух километрах, и ждут от тебя чего-то большого, необычного. Они искренне болеют за тебя. Они готовы крикнуть: «Слава — давай!» — и только. И то — на финише. И все остальное — и радость, и горечь поражения — дело твоих рук.

— Эд ву пре? — слышу я голос судьи, произносящего известные гонщикам всех стран слова. Одни кивают головой, другие просто молчат, третьи произносят нарочито бодро:

— Готовы...

— Портэ!!

Но лодка Стюарта Маккензи уже сорвалась с места. Фальстарт. Нас всех возвращают в исходное положение.

Еще одна томительная минута ожидания. Снова, отключившись от всего на свете, концентрируешь все внимание, всю волю на том, чтобы ни в коем случае не пропустить последней и решающей команды — схватить ее вовремя, не прозевать, сразу включиться в сражение.

Наконец старт взят. Первые десять гребков набираем скорость. Я бросаю мельком взгляд налево, где через воду от меня идет Стюарт Маккензи — моя судьба, мой основной соперник и мой друг. Рвется вперед. Пусть рвется. Мне бы только не отпустить его больше, чем на три-четыре секунды.

Так оно все пока и идет. Хорошо. Гонка более чем важная, и я все учитываю, все ставлю на карту в этой борьбе. На заносе весел стараюсь расслабляться, готовясь к следующему гребку. Только бы не сбиться с ритма, ведь это означало бы конец: сорвется дыхание, вырвется вперед соперник.

Пройдена тысяча метров — половина пути, которому сегодня посвящена твоя жизнь. Впереди по-прежнему Маккензи, на полкорпуса от него Кромвелл, столько же уступаю американцу я. Мучает мысль, смогу ли прибавить что-нибудь к тому, что уже отдал этой гонке. Все трое идем в очень сильном темпе. Очень.

Полторы тысячи метров. Сейчас, именно сейчас должно решиться все. Поворачиваюсь в сторону соперников и вижу, что произошло страшное, может быть, уже непоправимое:

они спуртовали, значительно увеличили разрыв, Маккензи впереди секунд на семь. Понимаете, семь секунд форы на пятьсот метров такому ассу!

Мысль заработала с необыкновенной быстротой. Я принял решение, которое в данной ситуации, видимо, было единственно правильным: идти на длинный финишный спурт, с полной отдачей, что называется — ва-банк.

Маккензи, видимо, не ожидал, что я начну заключительный рывок с такой отметки, и... прозевал его. Когда спохватился, нос моего скифа был уже рядом с его кормой. Иными словами, примерно на стометровом отрезке я отыграл у своего вечного соперника сразу четыре секунды.

И дальше все сложилось так остро, так напряженно, что и передать невозможно. С каждым гребком мне удавалось отыграть какие-то невидимые сантиметры, может быть, миллиметры — не больше. Для невооруженного глаза этот отыгрыш был явно не заметен, но я его чувствовал. А трибуны издавали тысячеголосый рев, наблюдая за тем, что происходит на воде. Борьба со стороны, вероятно, была довольно красивой.

До финиша оставалось менее двухсот метров, а Маккензи все еще был впереди.

Двести метров... Разве не тому, чтобы быть первым, прославлять свою Родину, утверждать ее силу в единоборстве с другими, разве не этому посвятил я свою жизнь? Разве не ради всего этого избороздил я тысячи миль по голубым дорогам рек и озер? Сколько мозолей оставлено на ладонях! Сколько крови впитало дерево весел! Сколько пота пролито! И вот сейчас — последние метры. Они отделяют тебя от великой победы или великой беды.

Это не просто красивые слова. Да, я решил не обращать внимания ни на боль, ни на нехватку дыхания, ни на смертельную усталость. Грести, пока не упаду. Грести, пока могу.

Вот мы сравнялись. И вдруг я увидел, что Маккензи... бросил весла. Это было так неожиданно в данной ситуации, что я... На глаза навернулась какая-то пелена. Может быть, не выдержали нервы — не знаю. Вероятно, так оно и было.

Это продолжалось какое-то мгновение, не больше. Ветер высушил слезы. И линию финиша я пересек с улыбкой.

Первыми, кто меня поздравил от всего сердца, были туристы из Австралии. Они каким-то непостижимым образом прорвались к плоту награждения, вытащили меня из лодки и стали качать.

— Молодец, Иванов!

— Проучил Маккензи!

— Наказал эту рыжую лису...

Они не могли простить Стюарту его «измены», не могли понять и принять то, что он покинул родину и защищает теперь другую страну и честь другого флага.

Чемпионат мира принес успех не только мне одному. Серебряными призерами этого представительнейшего состязания стали на двойке парной О. Тюрин и Б. Дубровский, на двойке распашной — В. Борейко и О. Голованов. «Серебро» завоевала наша восьмерка, а в остальных классах судов наградой нашим мастерам были бронзовые медали. Иными словами, ни один заезд в финале не обошелся без того, чтобы в числе призеров не было посланцев СССР. Это был весьма неплохой результат, это было свидетельство мощи и славы советской гребной школы...

Бежало время, мы потихоньку старели, а на смену нам вырастала замечательная смена, мировой спорт обогащался новыми талантами, новыми и яркими именами. И не было ничего удивительного в том, что, когда я приехал в Токио, первым вопросом журналистов, обступивших меня на аэродроме, был следующий:

— Сумеете ли вы противостоять натиску молодежи?

Что можно было ответить на него? Я ведь и сам еще не считал себя стариком: мне только что исполнилось двадцать шесть лет. В обычной жизни это, как правило, лишь начало пути, начало самоутверждения. В современном спорте — закат.

Но как это не вязалось с моей мечтой... Мне хотелось победить. Хотелось сделать то, что не удавалось до меня ни одному из гребцов, тем более гребцов-одиночников, и завоевать третью золотую медаль. Но ведь за победой приехали в столицу Японии и все остальные.

Каким бы сильным и решительным ни был человек, он часто оказывается всего лишь рабом обстоятельств. Я поселился в Олимпийской деревне за двадцать дней до начала Игр, а за неделю до этого яркого и радостного праздника заболел: у меня открылся тяжелый хронический фронтит. И днем, и по ночам мучили сильные, непроходящие головные боли. Наши врачи предпринимали героические усилия, чтобы помочь мне, и в конце концов вылечили, но, честно говоря, болезнь отняла немало нервов и сил.

Очень не повезло и в другом. Дело в том, что специально для Олимпийских игр мне заказали новую английскую лодку. Какими путями добиралась она в Страну восходящего солнца, сказать трудно: летела самолетом, плыла на пароходе, тряслась в поездах. Мы уже давно прибыли в Токио, а ее все нет и нет.

Настроение мое было прямо-таки ужасным. Гребцы меня поймут: любую лодку новую, какой бы она ни была, надо налаживать по меньшей мере трое суток. А мне на это было отведено судьбой каких-нибудь несколько часов. Поэтому, едва успев повернуть отводы уключин, я спустил лодку на воду, походил, сравнивая со старой, прикидывая что к чему.

Пробую. Нервничаю. Злюсь. Аркадий Николаевич (на этот раз его взяли в поездку) говорит:

— Дай-ка я сяду на весла.

Сел. Проверил на пятисотметровых отрезках (я в это время двигался по берегу на мотоцикле с секундомером в руках), вылез на берег мокрый от пота, словно настоящую гонку провел:

— Пойдешь на этой лодке. Думаю, что она не подведет.

Через восемь часов после того, как было принято это решение, я уже стартовал в первом предварительном заезде и... проиграл американцу Дону Сперо.

Совсем недавно мне на глаза попался один из сборников, посвященных XVIII Олимпийским играм, в котором написано буквально следующее:

«Перед выходом на старт Иванов был слишком уверен в своих силах, рассчитывая на свой блестящий финиш, и явно недооценил своих соперников...

Сразу же после старта американский спортсмен вышел вперед, вслед за ним упорно держался немец. Иванов вроде бы и не торопился. А когда спохватился, было уже поздно: соперники ушли слишком далеко. И здесь Вячеслав допустил вторую ошибку. Деморализованный успехом соперников, он практически прекратил борьбу и помимо американского и немецкого спортсменов выпустил вперед швейцарца Г. Коттмана».

Заезд я действительно проиграл без какой-либо особой борьбы, но дело тут не в эмоциях. Если хотите — проигрыш был моим тактическим ходом. Рискованным, правда, но неизбежным. Дело в том, что уже вскоре после старта я почувствовал, что лодка совершенно не отлажена, тяжела, плохо меня слушается, что я проиграю на ней, как бы ни старался.

В этих условиях совершенно естественно возникло решение: не тратить зря силы. Я понял с предельной ясностью, что если буду «ломаться» в данной гонке, то «сгорю» вообще, в самом деле надломлюсь и физически, и морально. И наоборот, у меня подсознательно не исчезла решимость и уверенность в том, что, исправив лодку, я по

крайней мере свободно — через утешительный заезд — попаду в финал. А там уж будь что будет.

День утешительных заездов. Хотя газеты, вышедшие утром (несмотря на все меры предосторожности, предпринятые тренером, они попали мне на глаза), писали весьма решительно: «Иванова — нет в финале!», я чувствовал себя весьма уверенно и думал лишь об одном — дай бог, чтобы ничего не случилось с лодкой. Тщательно проверил вертлюги, каблуки у весел, лишний раз довернул болты... Вся техническая схема скифа подвергнута была мною тщательной проверке и контролю.

Предстартовое чувство не обмануло: я выиграл у ближайшего соперника более двенадцати секунд и вошел в финальную шестерку.

После этого тон печати по отношению ко мне несколько изменился, но все же по-прежнему обозреватели единодушно отдавали пальму первенства американцу. Казался ли он действительно таким непобедимым? Может быть. Но еще сильнее действовала уверенность в том, что мне не удержаться в седле в третий раз. Больше того, я уверен, что многие из тех, кто близок к гребле, кто внимательно следил за этим видом спорта на протяжении ряда лет, втайне — совершенно беззлобно — желали моего поражения.

Объяснить это состояние не так уж сложно. Одна из замечательных черт спорта, одно из его прекраснейших проявлений — неизменное обновление, появление и утверждение новых имен, которые несут с собой новые рекорды, новые выдающиеся свершения. Длительное «царствование» одного и того же атлета в какой-то мере надоедает...

Надоедает всем, кроме самого спортсмена. Есть ветераны, которые не желают сдаваться. Которые своим трудом, упорством, целеустремленностью хотят доказать, что и в современном спорте при всем его бурном и многогранном течении, при всей ранней специализации и ярком цветении молодых талантов можно не сдаваться в течение долгих лет.

К людям, поставившим перед собой такую задачу, я относил и отношу себя. Что руководило мною в данном случае — тщеславие, желание пожинать как можно дольше плоды спортивной славы, утверждать свое «я»? Безусловно, в какой-то мере и то, и другое, и третье...

Но, поверьте, во многом мое упорство и настойчивость объяснялись резким протестом против вредного и огульного подхода к ветеранам, который очень сильно, может быть, сильнее всего, вредит нашему спорту. Я начал с этого свою книгу. И хочу возвратиться к этому еще раз сейчас, перед тем как рассказать о последней и решающей гонке в моей жизни.

— Нам нужно убрать стариков из спорта! — прозвучала однажды и разнеслась повсюду тревожным эхом чья-то команда.

Сначала, честно говоря, ей не придали особого значения: старикам и впрямь нечего делать в большом спорте, на крупных международных турнирах современности. Но, увы, при ближайшем рассмотрении оказалось, что под «стариками» у нас уже подразумевают молодых людей в возрасте 25—26 лет, парней и девчат комсомольского возраста, полных сил и энергии, боевого задора и желания соревноваться.

Такой огульный, «паспортный» подход к делу вреден. Он вреден потому, что исключает из спорта, изгоняет со стадионов огромное количество людей, которые еще могут, и не раз, прославить Родину славными победами.

Объявляя кампанию омоложения, у нас часто ссылаются на зарубежный опыт, на средний возраст спортсменов, составляющих команды США, Италии, Франции... Ссылаются, забывая одну существенную «деталь» — различные социальные условия, на которых базируется наш и их спорт. Омоложение в странах капитала очень и очень часто вынужденное, ибо тех, кто добивается успеха на олимпийской арене, немедленно и безжалостно поглощает машина профессионального спорта. А в профессиональном

спорте многие из «звезд» продолжают еще выступать долго-долго. Вот лишь несколько примеров.

Всему миру известный английский профессионал Стенли Метьюз выступал за сборную Англии в возрасте 37 лет, а за свой клуб — до 50. И все время показывал зрелую, умную, крайне продуктивную игру, перед которой почтительно склоняли голову многие молодые таланты. Или вот другой, не менее разительный факт. Еще в 1956 году, в Мельбурне, двадцатилетний американец Чарльз Дженкинс завоевал золотую олимпийскую медаль в беге на 400 метров и... сразу же был приглашен в одну из сильнейших бейсбольных команд. Летом 1971 года Дженкинсу исполнилось 35 лет, и он в пятый раз подряд был признан, на основе опроса зрителей, лучшим игроком страны. Таких примеров можно набрать еще бесконечное количество.

Если Метьюз, Дженкинс, боксер Кассиус Клей, знаменитый велогонщик Анкетиль и сотни других могут долгие годы успешно выступать на арене профессионального спорта с его волчьими законами, изнуряющим регламентом и при этом оставаться молодыми, побеждать молодых, то почему мы должны объявлять «стариками» десятки и сотни еще поистине молодых, полных сил и энергии, показывающих высокие результаты атлетов?

Открою вам одну сокровенную и очень важную для себя «тайну». Я сел за эту книгу, когда, отнюдь не по своему собственному желанию, вынужден был оставить большой спорт. И первую главу своей печатной исповеди я так и назвал — «Прощайте, весла».

Я ушел. И произошли вскоре поистине парадоксальные вещи. Мой молодой конкурент Виктор Мельников, перекрывший мне путь в Мехико, почувствовав, что у него не стало настоящего соперника, резко снизил тренировочные нагрузки и по существу намного отстал от самого себя, вышел из «обоймы» классных гонщиков — не знаю уж на время или навсегда. В год V Спартакиады народов СССР у нас выдвинулся, заявил о себе хорошей победой одиночник из Подмоскovie Юра Малышев — парень, безусловно, талантливый. Но на чемпионате Европы он не смог проявить себя в полную силу. Я спросил его: «Почему?»

— Вячеслав Николаевич, — последовало в ответ, — там, за рубежом, я понял, что еще не испытал настоящей ярости борьбы...

В современном спорте много различных достижений и рекордов, но лично мне среди них больше по душе рекорды долголетия. Я бесконечно ругаю себя за то, что поддался уговорам и собственной слабости и сошел с дорожки. Теперь, с дистанции времени, я могу признаться себе и другим, что это был неверный шаг.

И тем более я преклоняюсь перед теми, кто, несмотря на все «теории» и модные веяния, на косые взгляды, на откровенные намеки, продолжает бороться и не сдаваться.

Летом 1971 года в Лужниках я с восхищением наблюдал за выступлением другой метательницы — москвички Антонины Ивановой. Я знаю, что еще лет десять назад, не меньше, ей «посоветовали» уйти из большого спорта и она вроде бы согласилась поначалу, а затем, слава богу, «взбунтовалась» и продолжала выступать. И вот ей уже минуло сорок, но мать, жена, инженер по образованию и по профессии Антонина Иванова продолжала и продолжает удивлять стадионы. Летом 1971 года она стала чемпионкой Спартакиады народов СССР с результатом высокого международного класса, и я несколько не удивлюсь, если именно она привезет нам из Мюнхена медаль.

А разве можно забыть, что именно после Чили, в 1962 году, в нашей печати в высказываниях многих специалистов появились откровенные намеки на то, что Льву Яшину надо уходить. Но он остался еще на девять лет. И именно в эти девять лет стал тем Яшиным, которого знает весь мир.

Я преклоняюсь перед такими людьми. Я за рекорды долголетия в спорте, за верное и долгое служение ему. Только оно, а не мимолетные вспышки, могут увлечь нашу молодежь, позвать на стадионы новые сотни и тысячи одержимых. Вот почему еще так

яростно, так сильно, так горячо хотелось мне победить в столице Страны восходящего солнца...

Все время, предшествующее решающей гонке, мы с тренером провели в поисках наиболее правильного тактического плана. В окончательном варианте он выглядел так. Главный соперник — американец Дон Сперо. Задача: во что бы то ни стало выйти вперед и держаться впереди. Пока не потеряешь сознание, пока есть хоть частица сил и терпения.

Наступил день финалов. Погода выдалась на редкость плохой. Небо закрыли тучи, дул порывистый ветер, временами налетал дождь.

Я сидел в комнате отдыха, на втором этаже эллинга, и наблюдал за уже начавшимися гонками. Мой заезд был по расписанию третий, и я имел возможность хорошо видеть два предыдущих.

В первом заезде состязались четверки с рулевым. От нас выступал очень сильный экипаж с загребным Володей Евсеевым. Прекрасные ребята. Незадолго до Токио я поздравил их в Амстердаме с золотой медалью чемпионов Европы, а они меня — с этой же наградой.

Когда прозвучала команда, ветер еще более усилился. Он был боковым, и получилось так, что шестую, последнюю, дорожку (расположенную ближе к укрытию) почти не трогал, а на других резвился вовсю и поднимал волну по убывающей шкале. По шестой дорожке шли немцы (объединенная германская команда), по второй — наши.

Я увидел картину, в которую поверил не сразу: наши ребята барахтались на пенистых гребнях, словно потерпевшие кораблекрушение, и закончили гонку за чертой призеров. А ведь это был экипаж, который недавно выиграл звание чемпиона Европы, пройдя двухкилометровую дистанцию за 6 минут 14 секунд. С такой скоростью ни тогда, ни сейчас никто в мире больше не ходил, разумеется, в этом классе судов. Стало чертовски обидно, что вот так из-за погоды потерял четырехлетний труд. Обидно, что не истинная сила команд, а господин случай лег в основу распределения высших олимпийских наград.

В следующем заезде бесспорными фаворитами являлись безрульные двойки объединенной германской команды и Голландии. Они шли соответственно на второй и третьей воде и, несмотря на высокое мастерство, уступили куда более слабой канадской двойке, получившей по жребию шестую воду.

На трибунах и среди судей начали поговаривать:

— Надо сразу класть «золото» на шестую дорожку.

Вот и я уже на воде. Не буду скрывать: в ту минуту я был очень доволен своей судьбой, ибо вытянул по жребию пятую дорожку, на шестой утвердился явно не самый сильный новозеландец Уоткинсон, а тот, кого я и все без исключения считали главным фаворитом — американец Сперо, — получил третью воду.

Прошло тридцать минут разминки и томительного ожидания. Мы все выстроились на старте. Не без интереса я взглянул на американца. На лице его была написана откровенная грусть. Он беспрестанно посматривал то на меня, то на флаги, трещащие под порывами ветра.

А судья-стартер уже начал свой традиционный опрос о готовности каждого. Он прервал его, чтобы подойти к аппарату — неожиданно затрещал телефон. Служитель спортивной Фемиды взял трубку, долго что-то объяснял и потом голосом, не терпящим возражения, объявил, что ввиду крайне неравных условий гонка откладывается на неопределенное время. Не знаю, может быть, это решение Главной судейской коллегии было и правильным, но явно запоздалым.

К тридцати минутам ожидания, уже улетевающим в вечность, прибавилось еще сорок. Очень долгих и томительных. Буквально не знал в это время, что делать и куда себя деть. Важно было «не перегореть», сохранить запас нервной и физической энергии, сохранить

боеготовность. Я хотел было уйти на финиш, чтобы согреться в раздевалке, а заодно дать отдых нервам, но арбитр, сопровождавший наш заезд, не разрешил этого.

— Всем быть вместе! — скомандовал он.

И мы продолжали оставаться здесь, все время наблюдая друг за другом, чертыхаясь про себя.

Ветер стих внезапно. Точнее, он не стих, а как-то сразу изменился и подул так, что был теперь одинаково противным для всех. Он даже давал теперь некоторое преимущество первой дорожке. Парень из ГДР Ахим Хилл, шедший по ней, сиял от радости. Но я не обращал на его ликование никакого внимания. Я был спокоен, ибо два месяца назад немецкий гонщик в Амстердаме, на первенстве Европы, даже не смог пробиться в финал. Мой взор был нацелен на Дона Сперо. Американец видел это. Он не скрывал своей радости, делал мне рукой всевозможные знаки, показывал на флаги. Одним словом, всем своим видом давал понять, что доволен судьбой и надеется на самое лучшее.

Наконец прозвучала команда. Я стартовал немного резвее обычного и сразу же оказался в роли лидера гонки. Это соответствовало избранному плану. Когда были пройдены первые пятьсот метров, внимательно осмотрел всех своих соперников и остался доволен: американец Дон Сперо совершенно неожиданно оказался так далеко от меня, что практически уже не могло быть и речи о поединке. «Он выбыл из борьбы, я чемпион», — мелькнула мысль.

Я настолько уверовал в эту мысль, настолько успокоился, предвкушая легкую победу, что ослабил внимание к остальным, сбавил темп.

Пройдена тысяча метров. Я поднял голову, внимательно осмотрелся. Сзади меня шли только четыре одиночки. А где же пятая? Пришлось немного обернуться. Занимавший первую воду Хилл шел впереди меня, выигрывая два корпуса (примерно секунды четыре).

Растерялся ли я? Нисколько. Больше того, это обстоятельство даже не встревожило меня. Сейчас, с дистанции времени, я просто удивляюсь, как при моем опыте, при моих принципах мог проявить такую nepозволительную беспечность, такое спортивное мальчишество. Видимо, сыграл гипноз Сперо и его весьма неожиданное и легкое для меня отступление.

Как бы там ни было, я сохранял полную безмятежность и лишь немного прибавил в темпе. Я считал: этого вполне достаточно, чтобы обойти немецкого спортсмена или в худшем случае догнать его к тысячекисотметровой отметке. Я исходил из предположения, что Хилл где-то после первой пятисотки сделал затяжной спурт, и этот спурт его погубит. Одним словом, как тщеславный мальчишка, я исходил целиком из предположения, что я силен, вынослив и умен, а все мои соперники в значительно меньшей степени обладают этими качествами... Так в блаженном ослеплении дошел я до отметки «1500 м», поднял голову и... увидел все те же четыре лодки.

Я оглянулся. Дистанция между нами увеличилась вдвое. Хилл был впереди корпуса на четыре и продолжал как ни в чем не бывало идти вперед.

И вот тогда-то я по-настоящему испугался. Нет, ни проигрыш пугал меня... Я, стреляный воробей, позорно просчитался, изменил святому правилу олимпийца — следить за каждым и каждого считать достойным соперником. Меня душила досада: тот, кого я считал стоящим на моем пути к высшей ступеньке пьедестала почета, уныло плелся последним, а «бесперспективный» Хилл на моих глазах уходил вперед, и казалось, нет такой силы, которая могла бы его остановить.

Оцепенение владело мною недолго. Я принял решение спуртовать (обычно этот заключительный рывок, которому отдаешь всего себя без остатка, начинался метров за триста до финиша). Поступая так, я прекрасно знал, что меня «не хватит», что я не смогу дойти до конца, выбьюсь из сил, может быть, упаду. Но нужно было бороться. Бороться, пока можешь.

Мой расчет, моя единственная надежда строились на том, чтобы заставить дрогнуть моего счастливого соперника, заставить его раньше времени включить предельную скорость, попытаться сбить с привычного темпа, вывести из равновесия.

Конечно, все это попахивало авантюрой, но иного выхода не было. А ставка слишком велика. От меня ускользала мечта моей жизни. Победа, которой были отданы лучшие часы и дни моей жизни, моей молодости. Я подводил самого себя. Я подводил команду, которая все-таки надеялась на меня. Я подводил всех, кто в меня верил.

Да, риск был оправдан. Я начал спурт. Я понесся вперед со скоростью сорока четырех гребков в минуту.

Не знаю, сколько прошло времени и сколько после начала решающего спурта осталось за кормой метров. Постепенно я начал ощущать, что ноги и руки становятся свинцовыми, наливаются непреодолимой тяжестью.

Я греб, преодолевая огромную физическую боль в мышцах. На какую-то долю секунды показалось, словно в тумане, лицо Юры Власова и его голос.

«Себя преодолеть!» — вот и понял я истинную цену этих слов, истинное значение сверхзадачи суметь сделать то, что, казалось бы, и сделать невозможно.

Постепенно я вообще перестал что-либо чувствовать. В голове стоял невообразимый гул. Никаких мыслей. Вот так, наверное, отключается сознание. Я не помню ничего. Наступил момент, когда я в изнеможении опустил на воду весла.

Не помню, сколько прошло времени. Постепенно вернулось сознание, вернулась способность мыслить. И первыми вопросами были: где я? сколько метров до конца дистанции? сколько я проиграл?

Я собрал последние силы, повернул голову и... обомлел: впереди простиралась чистая вода. Впереди, до самой линии финиша, от которой меня отделяли метров пятьдесят, — никого не было. Подумалось, что это бред, галлюцинация. Невозможно было поверить в свое, взятое в бою счастье.

Тряхнул головой и поглядел за корму. Четыре лодки, далеко отставшие за время моего спурта, шли с хорошей скоростью. Пятая лодка, как и моя, остановилась. Это была лодка Хилла.

И вдруг мне совершенно неожиданно вспомнился ринг, мой самый трудный поединок, когда, пропустив сильнейший удар справа, попал в положение «гроги». Сейчас было нечто похожее. Только еще похуже.

Видно, Хилл все-таки заметил, что я бросил грести, и сделал попытку вернуть потерянное. Я нашел в себе еще самую толику сил, взялся за весла и финишировал первым.

Когда я поднялся на плот, меня обступили десятки корреспондентов.

— Что вы можете сказать об этой гонке? — задали они первый вопрос.

Но я молчал. От усталости я не мог проронить ни слова. И только уж потом, как следует придя в себя, сказал:

— Это была самая трудная и самая счастливая гонка в моей жизни.

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ

Никто не может изменить законов, по которым совершается естественный круговорот. На смену молодым приходят еще более молодые. На смену сильным — еще более сильные. И тут уж ничего не поделаешь.

Мой спортивный путь кончился в Мехико. Это была четвертая олимпийская столица, в которую я приехал в составе сборной команды своей страны, и первая, в которой я не вышел на старт. Вместо меня выступал Виктор Мельников, с которым в течение всего тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года мы вели единоборство с переменным успехом.

Сейчас трудно говорить о том, как бы выступил я. Но Виктор даже не попал в финал. Не оказалось наших одиночников среди призеров и на прошедшем осенью семидесятого года чемпионате мира в Канаде. Это очень огорчает. Традиция, заложенная Юрием Тюкаловым в Хельсинки, вдруг нарушилась. Но советский гребной спорт с трепетной надеждой ждет своих новых героев. Ждет, что из среды нашей замечательной молодежи вырастут новые герои олимпийских озер — люди, которым суждено будет продолжить славу старой гвардии.

В начале своей книги я написал слова «Прощайте, весла». Но жизнь вносит свои коррективы в наши повести, и об одной из них я уже написал. Но даже если я выйду на воду — теперь уже, конечно, ненадолго — а дальше что дальше? Я служу в Военно-Морском Флоте, окончил экстерном офицерское училище и сейчас уже ношу звание капитан-лейтенанта. Но со спортом, с греблей я и не думаю расставаться. Уже во время службы в армии я окончил Волгоградский институт физкультуры и, перестав быть гонщиком, посвятил себя тренерскому труду. У меня уже есть ученики, и в тайне я тешу себя надеждой, что кто-нибудь из них повторит мой путь.

Я кончаю эту книгу не без волнения.

Мне очень хочется, чтобы эта книга пробудила любовь к академической гребле — спорту, который сродни нам, детям великих рек. Детям, рожденным на Волге и Оке, на Енисее и Лене, на Днепре и Припяти, на Иртыше и Амуре...

«Трудно писать о себе без тщеславия», — справедливо заметил однажды Юм. Да, наверное, это невозможно. Если человек берет в руки перо и чистый лист бумаги, значит, он уверен, что сделал что-то такое, о чем стоит рассказать людям. Он искренне убежден в этом. Иначе бы он не писал.

Двадцать лет назад несмышленным новичком пришел я на знаменитую «Стрелку». Я не мечтал 6 славе. Я хотел быть не хуже других. И работал, работал, работал. Теперь можно подвести итог этого труда: 12 раз завоевывал я звание чемпиона СССР, 4 раза — чемпиона Европы, трижды побеждал в олимпийском споре. Я горжусь всем этим, горжусь и тем, что именно мне выпала честь открыть список чемпионов мира по академической гребле.

Меня спрашивают часто, как мне все это удалось? Вы не поверите, но еще чаще этот вопрос задаю я самому себе. Да, конечно, неимоверный труд, забота тренеров, природные способности — все это сыграло свою роль. Но главное — любовь к спорту. Верность ему. И желание идти все выше и выше. Желание завоевать своей стране новые победы.

Многие люди занимаются спортом «для себя». Их миллионы. Но у спорта, хотим мы этого или не хотим, есть вторая сторона, есть свои особые высоты. Стране нужны бойцы, которые будут ее представлять на чемпионатах мира и Европы, на олимпийских играх. Стране нужны богатыри духа и силы. Если тебе сегодня десять лет — загорись желанием стать таким! Если тебе тридцать и у тебя есть сын — постарайся увлечь его жаждой

спортивного подвига, жаждой борьбы и побед, жаждой великих открытий и великих свершений! Если тебе пятьдесят и по твоим коленям карабкается внук — расскажи ему вместо сказки повесть о Юрии Власове и Валерии Брумеле, о Юрии Тюкалове и Борисе Лагутине, о Тамаре Пресс и Надежде Чижовой...

Жизнь
идет вперед.
Иванов-спортсмен
стал тренером.
Будут новые чемпионы,
будут новые победы
у Иванова-тренера.
Но в основе их
всегда останется
спортивный подвиг,
совершенный им
на водных
стадионах мира.
Фоторассказ,
который
мы предлагаем,
снова вернет вас
к этим событиям.

В. Иванов с первой своей большой наградой —
призом I Спартакиады народов СССР

Олимпийский чемпион получает медаль Калифорнийского
горного клуба — «Лучшему гребцу года»

Морская душа

Самый дорогой подарок от бабушки

Чемпионат Европы 1967 года проходил во Франции.
Здесь Вячеслав Иванов завоевал серебряную медаль

Любишь кататься — люби и лодочку готовить

На тренировку

Югославия. Озеро Блед. Здесь Вячеслав Иванов одержал свою первую крупную международную победу — он стал чемпионом Европы 1956 года

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО СПОРТА

Вяч. Иванов

ВЕТРЫ ОЛИМПИЙСКИХ ОЗЁР

ЗАНИМАЯСЬ СПОРТОМ, УМЕЙ СОХРАНИТЬ
СВОЮ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ, СВОЁ ЛИЦО.

КАК ДОКАЗАТЬ СВОЮ ПРАВОТУ В СПОРТЕ?
РЕЗУЛЬТАТАМИ.

Цена 28 коп.

**Вячеслав
Иванов**

заслуженный мастер спорта,
чемпион XVI,
XVII и XVIII Олимпийских игр,
чемпион мира,
чемпион Европы

